

Об основных задачах реализации в России концепции устойчивого развития городов: правовой аспект

Роль судебной власти в обеспечении целостности и укреплении финансовой системы Российской Федерации

Преступность в контексте философии истории

Коммуникативный конституционализм, конституционное вовлечение и гражданство в публично-правовом пространстве алгоритмического и информационного общества

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г., ISSN 1994-1471 (Print), ISSN 2782-1862 (Online);
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

«Актуальные проблемы российского права» — это научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования. Рубрики

журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются экспертные заключения по знаковым судебным процессам, материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

В журнале активно публикуются не только известные ученые и практики, но и молодые, начинающие ученые, студенты юридических вузов. Конечно, размещается большое количество материалов ведущих специалистов Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), в том числе выполненных в рамках НИРов, грантов, активно публикуются победители различных конкурсов.

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998 (Print), ISSN 2782-6163 (Online);
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, издаваемых Университетом (Lex russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

Журнал *Lex russica* — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории права, эффективности правоприменения и совершенствованию законодательства. Миссия журнала состоит в создании открытой дискуссионной площадки для обмена актуальной научной информацией, оригинальными результатами фундаментальных и прикладных юридических исследований, подготовленных ведущими российскими и иностранными учеными, специалистами академического и экспертно-аналитического профиля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович — ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ, г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

СИНЮКОВ Владимир Николаевич — доктор юридических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ, почетный сотрудник МВД России, г. Москва, Россия

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

БОГДАНОВ Дмитрий Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ОСМАНОВА Диана Османовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АМАТУЧЧИ Карло — доктор юридических наук, профессор коммерческого права Неаполитанского университета имени Федерико II, г. Неаполь, Италия

БЛАНДИНИ Антонио — профессор предпринимательского права Университета Федерико II, г. Неаполь, Италия, и Свободного международного университета социальных наук Гвидо Карли, г. Рим, Италия

БОНДАРЬ Николай Семенович — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия

ВААС Бернд — профессор кафедры трудового и гражданского права в рамках европейского и международного трудового права Института гражданского и коммерческого права факультета права Университета Гёте, г. Франкфурт-на-Майне, Германия

ВАН ЧЖИХУА — доктор юридических наук, профессор Китайского политико-юридического университета, заместитель председателя Научно-исследовательского института российского права при Китайском политико-юридическом университете, заместитель председателя и генеральный секретарь Ассоциации сравнительного правоведения Китая, г. Пекин, КНР

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ГРОМОШИНА Наталья Андреевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ДЕ ЗВААН Яап Виллем — почетный профессор права Европейского Союза Университета Эразмус, г. Роттердам, Нидерланды

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЖАВОРОНКОВА Наталья Григорьевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЗОЙЛЬ Отмар — доктор права, почетный доктор права, почетный профессор Университета Paris Nanterre, г. Нантер, Франция

ИСАЕВ Игорь Андреевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

КАШКИН Сергей Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

КОЛЮШИН Евгений Иванович — доктор юридических наук, профессор, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, г. Москва, Россия

КОМАРОВА Валентина Викторовна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

КОМОРИДА Акио — профессор Университета Канагава, г. Иокогама, Япония

КОРНЕВ Аркадий Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

МАЛИНОВСКИЙ Владимир Владимирович — кандидат юридических наук, заместитель Генерального прокурора РФ, государственный советник юстиции 1 класса, г. Москва, Россия

МАНТРОВ Вадим Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, директор Института юридических наук юридического факультета Латвийского университета, г. Рига, Латвия

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

МОРОЗОВ Андрей Витальевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права, информатики и математики Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Москва, Россия

НОГО Срето — профессор Университета Джона Нейсбита, доктор юридических наук, президент Сербской королевской академии, генеральный секретарь Ассоциации международного уголовного права, вице-президент Всемирного форума по борьбе с организованной преступностью в эпоху глобализации (штаб-квартира в Пекине), г. Белград, Сербия

ПАН ДУНМЭЙ — доктор юридических наук, профессор Хэнаньского университета, почетный ученый «Хуанхэ», г. Кайфэн, КНР

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова, г. Москва, Россия

РАРОГ Алексей Иванович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РАССОЛОВ Илья Михайлович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

СТАРИЛОВ Юрий Николаевич — доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой административного и административного процессуального права Воронежского государственного университета, г. Воронеж, Россия

СТАРОСТИН Сергей Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

тер ХААР Берил — профессор и директор Центра изучения международного и европейского трудового права (CIELLS), Варшавский университет; именной профессор Европейского и сравнительного права, Гронингский университет

ТУМАНОВА Лидия Владимировна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной власти и правоохранительной деятельности юридического факультета Тверского государственного университета, г. Тверь, Россия

ФЕДОРОВ Александр Вячеславович — кандидат юридических наук, профессор, заместитель председателя Следственного комитета Российской Федерации, генерал-полковник, главный редактор журнала «Наркоконтроль», г. Москва, Россия

Издается
с 1948 года

LEX RUSSICA

Научный юридический журнал

Том 76
№ 11 (204)
ноябрь 2023

ХЕЛЛЬМАНН Уве — хабилитированный доктор права, профессор, заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета, г. Потсдам, Германия

ШЕВЕЛЕВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой админи-

стративного и финансового права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия

ЯРКОВ Владимир Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского процесса Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург, Россия

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
- 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки.
- 5.1.5. Международно-правовые науки.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г.

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru
<https://lexrussica.msal.ru>

САЙТ

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11198
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет: 20.11.2023
Объем 17,78 усл. печ. л. (14,32 а. л.), формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенкова

Редакторы

М. В. Баукина, Е. В. Осикина

Корректор

А. Б. Рыбакова

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на *Lex russica* обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

Журнал включен в базы данных: Ulrich's, РГБ, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks.

Lex russica Journal is a scientific legal journal devoted to fundamental problems of the theory of law, the efficiency of law enforcement, and improvement of legislation.

The mission of the Journal is to establish an open discussion platform for the exchange of relevant scientific information, true results of fundamental and applied legal research carried out by leading Russian and foreign scientists, academicians, researchers, and experts.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Victor V. BLAZHEEV — Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Merited Worker of Science and Technology of the Russian Federation, Moscow, Russia

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Vladimir N. SINYUKOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Research of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Merited Scholar of the Russian Federation, Merited Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Moscow, Russia

CHIEF EDITOR

Dmitry E. BOGDANOV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

DEPUTY CHIEF EDITOR

Diana O. OSMANOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

COUNCIL OF EDITORS

Carlo AMATUCCI — Doctor of Law, Professor of Commercial Law of the University of Naples Federico II, Naples, Italy

Antonio BLANDINI — Professor of Corporate Law, University of Naples Federico II, Naples, Italy, and Free International University of Social Studies Guido Carli, Rome, Italy

Nikolay S. BONDAR — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Courts of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law

of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Bernd WAAS — Professor of the Chair of Labour Law and Civil Law under consideration of European and International Labour Law, Institute of Civil and Commercial Law of the Faculty of Law, Goethe University, Frankfurt am Main, Germany

WANG ZHIHUA — Doctor of Law, Professor of China University of Political Science and Law, Deputy Chairman of the Research Institute of Russian Law, China University of Political Science and Law, Vice President and Secretary General of the Association of Comparative Law of China, Beijing, China

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Natalia A. GROMOSHINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Jaap Willem DE ZWAAN — Emeritus Professor of the Law of the European Union at Erasmus University, Rotterdam, The Netherlands

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Natalia G. ZHAVORONKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Environmental and Natural Resources Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Otmar SEUL — Doctor of Law, Merited Doctor of Law, Emeritus Professor of the University Paris Nanterre, Nanterre, France

Igor A. ISAEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of History of State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Sergey Yu. KASHKIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Evgeniy I. KOLYUSHIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Member of the Central Election Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia

Valentina V. KOMAROVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Akio KOMORIDA — Professor of Kanagawa University, Yokohama, Japan

Arkadiy V. KORNEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Vladimir V. MALINOVSKIY — Cand. Sci. (Law), Vice Prosecutor-General of the Russian Federation, Class 1 State Councilor of Justice, Moscow, Russia

Vadim E. MANTROV — Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Institute of Legal Sciences at the Faculty of Law of the University of Latvia, Riga, Latvia

Igor M. MATSKEVICH — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of Department of Criminology and Penal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Andrey V. MOROZOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Information Law, Informatics and Mathematics of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, Russia

Sreto NOGO — Doctor of Law, Professor of John Naisbitt University, President of The Serbian Royal Academy, Secretary General of Association of International Criminal Law, Vice-President of the World Forum on fighting with organized crime in the Global Era (Headquarters in Beijing), Belgrade, Serbia

PAN DUNMEY — Doctor of Law, Professor of Henan Daxue University, «Huang He» Merited Scholar, Kaifeng, China

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Law Faculty of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Aleksey I. RAROG — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honorary Lawyer of the city of Moscow, Moscow, Russia

Ilya M. RASSOLOV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Yuriy N. STARILOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Administrative Law and Administrative Procedural Law of the Voronezh State University, Voronezh, Russia

Sergey A. STAROSTIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Beryl ter HAAR — Professor and Head of the Centre for International and European Labour Law Studies (CIELLS), University of Warsaw, and Endowed Professor European and Comparative Labour Law, University of Groningsen

Lidia V. TUMANOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of the Judiciary and Law Enforcement of the Faculty of Law of the Tver State University, Tver, Russia

Aleksandr V. FEDOROV — Cand. Sci. (Law), Professor, Vice-Chairman of the Investigation Committee of the Russian Federation, Colonel General, Editor-in-Chief of the Journal «Drug Enforcement» (Narcocontrol), Moscow, Russia

Uwe HELLMANN — Dr. iur. habil., Professor, Holder of the Chair of Criminal Law and Commercial Criminal Law of the Faculty of Law, University of Potsdam, Potsdam, Germany

Natalia A. SHEVELEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Acting Head of the Department of Administrative and Financial Law of the Law Faculty of the St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Vladimir V. YARKOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia

Published
in 1948

LEX RUSSICA
Scientific Journal of Law

Vol. 76
№ 11 (204)
November 2023

**The Journal publishes research papers
written on scientific specialties
of Group 5.1 «Law»
(Legal Sciences)**

5.1.1. Theory and History of Law.
5.1.2. Public Law and State Law.
5.1.3. Private Law (Civil Law).
5.1.4. Criminal Law.
5.1.5. International Law.

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 5 August 2014. The Certificate of Mass Media Registration: PI No. FS77-58927

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“Kutafin Moscow State Law University (MSAL)”
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

WEB-SITE

<https://lexrussica.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through “Press of Russia” joint catalogue
and the Internet catalogue of “Kniga-Servis” Agency
Subscription index: 11198
Journal subscription is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University
(MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

20.11.2023
Volume: 17,78 conventional printer’s sheets (14,32 author’s sheets),
format: 60×84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

M. V. Baukina, E. V. Osikina

Proof-reader

A. B. Rybakova

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to *Lex russica* is obligatory.
Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors.
The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors
of publications.

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index.
The Journal is included in Ulrich’s, RSL, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks databases.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТНОЕ ПРАВО / *JUS PRIVATUM*

- Колесниченко О. В.** Возмещение утраты способности к трудовой и иной оплачиваемой деятельности как альтернатива возмещению утраченного заработка (дохода) потерпевшего в деликтных обязательствах 9

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО / *JUS PUBLICUM*

- Анисимов А. П., Исакова Ю. И., Працко Г. С.** Об основных задачах реализации в России концепции устойчивого развития городов: правовой аспект 19
- Гриценко В. В.** Роль судебной власти в обеспечении целостности и укреплении финансовой системы Российской Федерации 29
- Кравец И. А.** Коммуникативный конституционализм, конституционное вовлечение и гражданство в публично-правовом пространстве алгоритмического и информационного общества 41

НАУКИ КРИМИНАЛЬНОГО ЦИКЛА / *JUS CRIMINALE*

- Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М.** Преступность в контексте философии истории 57
- Плешаков А. М., Туманов А. С.** Уголовная ответственность за хищения из трубопроводов: законодательные, теоретические и практические аспекты 74
- Крайнова Н. А.** Государственно-частное партнерство в процессе ресоциализации осужденных 86

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО / *JUS GENTIUM*

- Скачков Н. Г.** Кластерная стратегия; особенности реализации отраслевых и межотраслевых правовых институтов 103
- Некотенева М. В., Пономарёва Д. В.** Развитие правового регулирования применения мобильных медицинских технологий (mHealth) в праве международных интеграционных объединений: опыт Европейского Союза 117

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА / *NOVUS LEX*

- Кулаков Н. А.** Реформа системы высшего образования в России: проблемы законодательного регулирования и стандартизации 129

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ / *PROBLEMA PRINCIPALE*

- Шаханов В. В.** Концепция уровневой организации научного познания как инструмент систематизации понятийно-категориального аппарата юриспруденции 140

PRIVATE LAW / JUS PRIVATUM

- Kolesnichenko O. V.** Compensation for the Loss of Ability to Labor and other Gainful Activities
as an Alternative to Loss of Earnings (Income) Compensation for the Victim in Tort Obligations 9

PUBLIC LAW / JUS PUBLICUM

- Anisimov A. P., Isakova Yu. I., Pratsko G. S.** Main Goals of Implementing the Concept
of Sustainable Urban Development in Russia: A Legal Aspect 19
- Gritsenko V. V.** The Role of the Judiciary in Ensuring Integrity
and Strengthening of the Financial System of the Russian Federation 29
- Kravets I. A.** Communicative Constitutionalism, Constitutional Involvement
and Citizenship in the Public Legal Space of Algorithmic and Information Society 41

CRIMINAL LAW / JUS CRIMINALE

- Pudovochkin Yu. E., Babaev M. M.** Crime in the Context of Philosophy of History. 57

CRIMINAL SCIENCES / JUS CRIMINALE

- Pleshakov A. M., Tumanov A. S.** Criminal Responsibility
for Pipeline Thefts: Legislative, Theoretical and Practical Aspects 74
- Kraynova N. A.** Public Private Partnership in Resocialization of Convicts 86

INTERNATIONAL LAW / JUS GENTIUM

- Skachkov N. G.** Cluster Strategy: Features of Sectoral
and Intersectoral Legal Institutions Implementation 103
- Nekoteneva M. V., Ponomareva D. V.** Development of Legal Regulation
of the Use of Mobile Medical Technologies (mHealth)
in the Law of International Integration Associations: European Union Experience 117

IMPROVEMENT OF LEGISLATION / NOVUS LEX

- Kulakov N. A.** Higher Education System Reform in Russia:
Problems of Legislative Regulation and Standardization 129

FUNDAMENTAL PROBLEMS OF LEGAL SCIENCE / PROBLEMA PRINCIPALE

- Shakhanov V. V.** The Concept of Level Organization of Scientific Knowledge
as a Tool for Systematization of Conceptual and Categorical Apparatus of Jurisprudence 140

Возмещение утраты способности к трудовой и иной оплачиваемой деятельности как альтернатива возмещению утраченного заработка (дохода) потерпевшего в деликтных обязательствах

Резюме. Статья посвящена проблеме определения возмещения утраты способности к трудовой и иной оплачиваемой деятельности в качестве альтернативы возмещению утраченного заработка (дохода). Автор обращает внимание на правовые и доктринальные условия, обеспечивающие признание способности к оплачиваемому труду самостоятельным свойством личности потерпевшего, подлежащим экономической оценке независимо от фактического снижения уровня его финансового благосостояния. Отмечается, что представление о спекулятивном характере требования о возмещении утраты данного рода сильно преувеличено, поскольку свойством неопределенности обладает лишь показатель обесценивания способности к оплачиваемому труду в разных формах и только потому, что при его приведении к денежному эквиваленту приходится обращаться к категории ожидаемого заработка (дохода). На основе толкования принципов разумности и обоснованности формулируется вывод о том, что критически важным при возмещении исследуемой составляющей вреда здоровью является применение традиционных расчетных параметров (степени утраты трудоспособности и предполагаемого дохода) в понимании, позволяющем производить экономическую оценку всей совокупности утраченных профессионально значимых качеств потерпевшего, которыми он мог бы воспользоваться в сфере оплачиваемой занятости в разные периоды жизни в отсутствие события правонарушения. Указывается, что в отношении отдельных категорий жертв (несовершеннолетних, индивидуальных предпринимателей и др.) необходимая степень достоверности таких параметров может быть достигнута за счет обращения к официальной статистической информации или подготовленным на ее основе сводным показателям (среднего возраста начала трудовой деятельности, показателей доходности отдельных видов экономической деятельности и т.п.).

Ключевые слова: вред здоровью; возмещение вреда; утрата трудоспособности; утрата способности к оплачиваемой деятельности; оценочные параметры; профессионально значимые качества; прогнозируемый доход; деликт

Для цитирования: Колесниченко О. В. Возмещение утраты способности к трудовой и иной оплачиваемой деятельности как альтернатива возмещению утраченного заработка (дохода) потерпевшего в деликтных обязательствах. *Lex russica*. 2023. Т. 76. № 10. С. 9–18. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.203.10.009-018

Compensation for the Loss of Ability to Labor and other Gainful Activities as an Alternative to Loss of Earnings (Income) Compensation for the Victim in Tort Obligations

Olga V. Kolesnichenko

Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Ryazan, Russian Federation

Abstract. The paper is devoted to the problem of determining compensation for the loss of the ability to labor and other gainful activities as an alternative to loss of earnings (income) compensation. The author draws attention to the legal and doctrinal conditions that ensure the recognition of the ability to gainful work as an independent property of the victim's personality subject to economic assessment regardless of the actual decrease in the victim's financial well-being. The paper highlights that the speculative nature of the claim of this kind is greatly exaggerated, since only the indicator of depreciation of the ability to gainful work in various forms has the property of uncertainty, and it is necessary to refer to the category of expected earnings (income) only when it is evaluated as a monetary equivalent. Based on the interpretation of the principles of reasonableness and feasibility, the author concludes that it is critically important to use traditional calculation parameters (the degree of disability and estimated income) that allow providing an economic assessment of the totality of the lost professionally significant qualities of the victim that he could use in the field of gainful employment in different periods of life in the absence of an event of a wrongful act. The paper justifies that, with respect to certain categories of victims (minors, individual entrepreneurs, etc.), the necessary degree of reliability of such parameters can be achieved by referring to official statistical information or summary indicators prepared on its basis (average age of commencement of employment, indicators of profitability of certain types of economic activity, etc.).

Keywords: harm to health; compensation for harm; disability; loss of ability to work for a gainful activity; estimated parameters; professionally significant qualities; anticipated income; tort

Cite as: Kolesnichenko OV. Compensation for the Loss of Ability to Labor and other Gainful Activities as an Alternative to Loss of Earnings (Income) Compensation for the Victim in Tort Obligations. *Lex russica*. 2023;76(11):9-18. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2023.203.10.009-018

В современной цивилистической доктрине возмещение утраченного заработка (дохода) как одного из компонентов вреда здоровью (ст. 1085 ГК РФ) достаточно прочно ассоциируется с механизмом учета и оценки фактически понесенных потерь на стороне потерпевшего¹. Исключение, позволяющее принимать во внимание не только реальный уровень дохода, но и тот, на который конкретное лицо определено могло бы претендовать, воспринимается в качестве особой гарантии реализации принципа полного возмещения убытков, позволяющего эффективно прогнозировать их на будущее время². В соответствии с таким пониманием в судебной практике в качестве дополнитель-

ного обстоятельства, подлежащего доказыванию при возмещении утраченного заработка (дохода), нередко определяется фактическое снижение уровня финансового благосостояния потерпевшего на фоне повреждения здоровья, оцениваемое в том числе с учетом оплаты листов нетрудоспособности соответствующим фондом³ и реализации иных социальных гарантий⁴. Ближайшее рассмотрение ст. 1085–1087 ГК РФ, однако, позволяет высказать некоторые сомнения по поводу преобладающего «убыточного» подхода.

В первую очередь использование критерия утраты профессиональной или общей трудоспособности предполагает исследование влияния

¹ Например: *Болдырев В. А.* Правовые проблемы возмещения заработка (дохода), утраченного в результате повреждения здоровья // *Общество и право*. 2003. № 2. С. 198–212; *Гуцалюк Д. А., Трофимова М. С.* О некоторых особенностях практики применения положений части 2 статьи 1085 Гражданского кодекса Российской Федерации // *Beneficium*. 2019. № 3 (32). С. 75.

² *Чулюкова С. А.* К вопросу о размере возмещения вреда, причиненного жизни гражданина // *Право и государство: теория и практика*. 2020. № 7 (187). С. 15.

³ Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29.08.2016 № 81-КГ16-12 // URL: <https://demo.garant.ru/#/doclist/228:46> (дата обращения: 27.06.2023).

⁴ Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29.03.2021 № 5-КГ21-4-К2 // URL: <https://demo.garant.ru/#/doclist/237:51> (дата обращения: 27.06.2023).

повреждения здоровья на профессионально значимые качества и способности потерпевшего либо его способность к неквалифицированному труду. Процент утраты трудоспособности в этой схеме отражает необходимость сокращения объема или тяжести работ и иного снижения производительной активности, в то же время само его наличие исключает возможность дополнительного учета таких параметров, как фактическая возможность трудоустройства после травмы, отсутствие нуждаемости в компенсации для поддержания прежнего уровня благосостояния и т.п. В то время как в науке рекомендуется уточнить понятие «утрата трудоспособности» исходя из этих обстоятельств⁵, реализации этих предложений противостоит норма п. 2 ст. 1085 ГК РФ, устанавливающая запрет на вычет из среднего дохода потерпевшего посттравматического заработка, а равно и социальных выплат возместительного значения. Сказанное в совокупности позволяет обозначить в качестве цели настоящего исследования обоснование альтернативного подхода к возмещению вреда здоровью, в котором одним из его базовых компонентов является не утраченный заработок (доход), а утрата способности к трудовой, предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности.

В основе такого подхода, как представляется, должно лежать понимание способности к оплачиваемому труду как самостоятельного свойства личности потерпевшего, подлежащего экономической оценке независимо от степени уверенности в возвращении к работе и достижении конкретных показателей доходности. Такое представление может отрицаться в связи с предполагаемым спекулятивным характером утраты возможности реализации карьерных перспектив, не связанной с реальным уменьшением дохода, отнесением ее к собирательному понятию потери «удовлетворительного образа жизни» наравне с такими компонентами, как потеря удовольствия, боль и субъективные страдания и пр.⁶ Впрочем, о некоторой спекулятивности утраты данного рода допустимо

говорить только в том случае, если потерпевший настаивает на учете динамики развития трудоспособности, не основываясь на разумных аргументах в пользу высокой вероятности улучшения статуса в сфере занятости. Во всех иных ситуациях печать неопределенности несет на себе лишь показатель обесценивания способности к оплачиваемому труду в различных формах, при приведении которого к денежному эквиваленту приходится обращаться к показателям фактического или ожидаемого заработка (дохода), — в сущности, именно такой алгоритм расчета взыскания закрепляет в себе пункт 1 ст. 1086 ГК РФ.

Широкий подход к определению компонента утраченной трудоспособности заставляет учитывать профессиональные навыки и умения потерпевшего, а также его психофизиологические возможности в совокупности, независимо от того, в какой степени таковые фактически использовались на момент несчастного случая. С этих позиций, например, для потерпевшего, обладающего знаниями и навыками, достаточными для успешного выполнения работы по двум и более профессиям (специальностям), компенсируемой является утрата способности к труду, требующему более высокой квалификации, независимо от того, по какой из профессий (специальностей) он был трудоустроен на момент несчастного случая. С другой стороны, не может не приниматься во внимание и наличие способности к иным оплачиваемым формам занятости, констатируемое на фоне сохранившихся и доступных потерпевшему профессиональных знаний и навыков. Достаточно хорошо выражает этот подход позиция Апелляционного суда Британской Колумбии в деле Палмер против Гудолла⁷, отметившего, что даже при сохранении прежнего уровня дохода пострадавшее лицо сохраняет право на некоторую компенсацию, поскольку на всю оставшуюся жизнь некоторые профессии и специальности становятся недоступными для него.

В целом три фактора играют определяющую для оценки искомого параметра роль, включая, во-первых, неблагоприятное влияние повреж-

⁵ Хаскельберг Б. Л. Некоторые вопросы возмещения вреда, причиненного здоровью граждан при исполнении трудовых обязанностей // Актуальные вопросы государства и права на современном этапе : сборник статей. Томск, 1982. С. 100.

⁶ Wand K., Mendelson D. An overview of liability and compensation for personal injury in China under the General Principles of Civil Law // Torts LJ. 1996. Vol. 4. P. 137.

⁷ Palmer v. Goodall, 1991 CanLII 384 (BC CA) // URL: <https://www.canlii.org/en/bc/bcca/doc/1991/1991canlii384/1991canlii384.html> (дата обращения: 27.06.2023).

дения здоровья на способность к производительной деятельности в целом, во-вторых, ухудшение перспектив трудоустройства или продолжения прежней деятельности с учетом имеющихся знаний и навыков, в-третьих, потерю возможности улучшения положения на рынке труда посредством развития имеющихся профессиональных навыков, а также вследствие изменения рейтинга востребованности конкретных профессий на рынке труда. Вполне предсказуемо, что при такой комплексной характеристике приведение утраченной способности к денежному эквиваленту не может всегда опираться на средний доход потерпевшего от оплачиваемой работы за предшествующие периоды. Разумно допускать, в частности, привлечение объективных данных о развитии рынка труда и среднем доходе работников соответствующей квалификации⁸.

Стоит заметить, что Гражданский кодекс РФ в п. 4 ст. 1086 упоминает «обычный размер вознаграждения работника его квалификации» в качестве возможного ориентира для расчета возмещения утраченного заработка (дохода), однако речь идет только о ситуациях, когда фактический размер вознаграждения не может быть установлен ввиду неосуществления потерпевшим трудовой или иной оплачиваемой деятельности на момент причинения вреда. Сохраненная возможность к использованию имеющихся профессиональных навыков для иной оплачиваемой деятельности лишь единожды упоминается в Правилах установления степени утраты трудоспособности (в части, касающейся труда более низкой квалификации)⁹, однако сами Правила рассчитаны на применение исключительно в сфере отношений по обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний. Этим обстоятельством объясняется не только отсутствие в системе действующего правового регулирования критериев и механизмов для определения степени утраты профессиональной трудоспособности лиц, осуществляющих оплачиваемую деятельность без

заключения трудового договора (индивидуальных предпринимателей, самозанятых, граждан, выполняющих работы (оказывающих услуги) по гражданско-правовому договору), но и достаточно ограниченный подход к рассмотрению показателей динамики трудоспособности. Последняя подлежит экспертной оценке исключительно с позиции сохранения профессионально значимых качеств, необходимых для выполнения той трудовой деятельности, с которой был связан несчастный случай на производстве (профессиональное заболевание).

Очевидно, что широкий подход к оценке и возмещению утраченной способности к труду сталкивается с проблемой «гадательного» характера компенсаций, в особенности приходящихся на будущее время, решение которой кроется в разработке надежных и предпочтительно стандартизованных оценочных параметров. Любопытно, что еще в советский период развития цивилистической науки, несмотря на использование в законодательстве терминологии, аналогичной современной, особо отмечалось, что причинитель вреда или иное ответственное лицо обязывается к возмещению ущерба, причиненного потерпевшему в связи с утратой способности к продолжению предшествовавшей работы¹⁰. Практическим выражением этого подхода являлось решение о возможности перерасчета ранее назначенных сумм вознаграждений в случае повышения уровня денежного содержания определенной категории работников, а также с учетом возможности освоения потерпевшим новой профессии при сохранении здоровья. В частности, М. М. Агарков с уверенностью констатировал, что в содержании утраченного заработка надлежит учитывать все виды обстоятельств, которые должны были способствовать увеличению денежного содержания, выделяя при этом обстоятельства индивидуального порядка, такие как повышение квалификации, возможное при сохранении трудоспособности, а также общие причины (повышение заработной платы в целом по стране или в конкретной профессии)¹¹.

⁸ Dorey D. L., Rentiers B. L. The calculation of damages for bodily injury claims. Vancouver : Dolden Wallace Folick LLP, 2014. P. 9–10.

⁹ Постановление Правительства РФ от 16.10.2000 № 789 «Об утверждении Правил установления степени утраты профессиональной трудоспособности в результате несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний», п. 16 // СЗ РФ. 2000. № 43. Ст. 4247.

¹⁰ Малеин Н. С. Возмещение вреда, причиненного личности. М. : Юридическая литература, 1965. С. 163.

¹¹ Агарков М. М. Обязательства из причинения вреда (действующее право и задачи Гражданского кодекса СССР) // Проблемы социалистического права. 1939. № 1. С. 72.

К настоящему моменту разнообразие форм занятости, профессий и видов оплачиваемой активности в условиях рыночной экономики не позволяет решить проблему вероятностного изменения трудоспособности потерпевшего с помощью только лишь поправки на коэффициент роста вознаграждения работников определенной квалификации. Тем примечательнее подход, разработанный для оценки факторов, влияющих на способность потерпевшего к получению дохода, который демонстрируют Огденские таблицы в Великобритании — документ, принятый к использованию в правоприменительной практике в результате консенсусного решения представителей страхового и адвокатского сообществ, ученых и представителей власти¹². Область применения Таблиц охватывает отношения по поводу взыскания единовременных сумм в счет возмещения вреда здоровью, если таковые назначаются на весь период жизни заявителя или ограничены фиксированным периодом времени в будущем, касаются потери заработка до достижения пенсионного возраста и (или) потери пенсии в результате раннего прекращения оплачиваемой работы. При общей, весьма дискуссионной, посылке о том, что расчет единовременной суммы должен основываться на балансе показателя выгоды, которую может извлечь пострадавший за счет инвестирования части полученной суммы, и показателя инфляции, Огденские таблицы весьма примечательны обоснованием корректирующих мультипликаторов для индивидуализации оценки утраченной способности к извлечению дохода.

Согласно универсальному правилу, годовой доход потерпевшего умножается на мультипликатор, определяемый общим пенсионным возрастом и рисками потери заработка по причинам, не связанным с травмой (общие риски смертности, риск увольнения, перерывов в работе из-за ухода за нетрудоспособными членами семьи и т.п.). Приведенный алгоритм, однако, не освобождает суд от исследования индивидуальных характеристик жертвы, позво-

ляющих корректировать данный мультипликатор в сторону увеличения или снижения, которые можно объединить в следующие группы: физические (пол, возраст, наличие инвалидности до травмы и (или) инвалидности, установленной впоследствии); квалификационные (уровень образования, учитываемый по трем категориям, факт осуществления конкретной оплачиваемой деятельности до и после травмы, уровень дохода); прогнозные характеристики (изменение возраста выхода на пенсию с учетом травмы, сохранение способности к труду). Дискреционность полномочий суда в приведенной схеме состоит в выборе и применении конкретного корректирующего коэффициента к мультипликатору, как, например, в случае с морским пехотинцем, частично потерявшим слух в связи со служебной деятельностью, для которого сохранение прежнего уровня не стало препятствием для удовлетворения иска. Понижающий коэффициент был установлен исходя из сохраненного высокого уровня квалификации потерпевшего и способности к трудовой деятельности на фоне доступных форм коррекции нарушения слуха¹³. В случае невозможности применения к конкретному заявителю статистических показателей ожидаемой продолжительности жизни обоснованным является обращение суда за помощью специалистов в области актуарной деятельности, на что отдельно обращается внимание в пояснительной записке к Таблицам.

В мировой практике Огденские таблицы представляют собой эталонную попытку воплощения принципа «актуарной эквивалентности», при котором сумма взыскания становится максимально приближенной к будущим регулярным потерям и расходам, обеспечивая тем самым достижение цели *restitutio in integrum* (лат. «восстановления до исходного состояния»). Препятствием для заимствования Таблиц иными правопорядками традиционно считается необходимость выбора и обоснования ставки дисконтирования и показателей оценки общих рисков потери дохода¹⁴, тем не менее

¹² Actuarial tables with explanatory notes for use in personal injury and fatal accident cases (eighth edition, 2022) // URL: <https://www.gov.uk/government/publications/ogden-tables-actuarial-compensation-tables-for-injury-and-death> (дата обращения: 27.06.2023).

¹³ Barry v. Ministry of Defence, 2023, EWHC 459 (KB) // URL: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/KB/2023/459.html> (дата обращения: 27.06.2023).

¹⁴ Husaini M. F., Kamaliah S. An Analysis of Inconsistent Methodology to Compute Permanent Future Nursing Care Costs in Personal Injury Claim // *Pertanika Journal of Social Sciences & Humanities*. 2021. Vol. 29 (2). P. 14.

значимость актуарного метода не ограничивается упрощением расчетов, но состоит также в практической демонстрации возможности учета утраты способности к оплачиваемой деятельности в динамике. Здесь не лишним будет подчеркнуть, что осуществление потерпевшим оплачиваемой деятельности после травмы исследуется при применении Огденских таблиц исключительно в контексте сохранения профессиональных навыков и квалификации, т.е. речь идет не о расчете фактических затрат, а о полноценном определении компонента утраты способности в объеме физического вреда.

Принимая тот факт, что профессиональную трудоспособность нужно исследовать с позиции сочетания профессионально значимых качеств, психофизиологических возможностей и профессиональных способностей субъекта, которые могут быть использованы для конкретной трудовой или иной оплачиваемой деятельности¹⁵, среднегодовой (фактический или ожидаемый) доход можно представить как результат оценки этих качеств, возможностей и способностей для конкретного потерпевшего. В российских реалиях, однако, такому подходу препятствует то, что глава 59 ГК РФ регулирует учет динамического компонента лишь в части придания правового значения обстоятельствам, свидетельствующим об улучшении имущественного положения потерпевшего. Исследование таких факторов нельзя считать исследованием самой трудоспособности, поскольку упомянутое улучшение не всегда может связываться с новыми навыками и умениями, — здесь показателен пример, в котором пострадавший работник и до повреждения здоровья соответствовал вышестоящей должности. Кроме того, сохраненный набор качеств, способностей и возможностей организма потерпевшего (квалификационные и прогнозные индивидуальные характеристики) принимается во внимание исключительно в контексте выполнения определенного объема и качества

работ по конкретной профессии. Результатом такого подхода является учет для целого ряда категорий потерпевших только совокупности врожденных и приобретенных способностей человека к неквалифицированному труду (общей трудоспособности), а также распространение в судебной практике подхода, когда утраченный доход таких субъектов оценивается с отсылками на механизм расчета упущенной выгоды, как потеря дохода в размере стоимости оплаты выполненных работ (оказанных услуг) по заключенным, но не исполненным гражданско-правовым договорам¹⁶.

Использование оценочных параметров, позволяющих принимать во внимание только ту составляющую трудоспособности, которая фактически использовалась потерпевшим на момент повреждения здоровья (узкий подход), на наш взгляд, представляется обоснованным в области права социального обеспечения, где реализуемые гарантии не обязаны соответствовать принципу *restitutio in integrum*. И дело здесь не только в инфляционных ожиданиях, но и в невозможности учесть общие тенденции развития рынка труда (изменение востребованности некоторых категорий профессий, в частности) и тенденции развития трудоспособности конкретного потерпевшего (индивидуальные квалификационные и прогнозные характеристики). Широкий подход к возмещению утраченной трудоспособности, являясь предпочтительным, вместе с тем наталкивается на проблему обеспечения достаточной степени определенности размера возмещения, вызванную характером поставленной задачи — произвести оценку имеющихся, но не фактически используемых способностей, возможностей и профессионально значимых качеств. Представляется, однако, что ключ к решению этой проблемы может быть найден благодаря направленной толкованию и применению универсальных для цивилистики критериев разумности и обоснованности.

¹⁵ На сочетание таких характеристик в содержании понятия «профессиональная трудоспособность» указывает пункт 3 Критериев определения степени утраты профессиональной трудоспособности в результате несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, утв. приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 30.09.2020 № 687н // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. 17 декабря 2020 г. № 0001202012170039.

¹⁶ Определение СК по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 25.01.2022 по делу № 8Г-21287/2021[88-1552/2022-(88-20999/2021)] // URL: <https://demo.garant.ru/#/doclist/23:43> (дата обращения: 27.06.2023) ; апелляционное определение СК по гражданским делам Московского городского суда от 18.04.2019 по делу № 33-13542/2019 // URL: <https://demo.garant.ru/#/doclist/21:41> (дата обращения: 27.06.2023).

Следует заметить, что несмотря на традиционные отсылки к этим принципам при оценке правомерности требований о возмещении любых затрат или вреда, их содержание становится доступным только благодаря системному толкованию позиций судов. Так, применительно к затратам на содержание и сохранение имущества разумность и обоснованность равнозначны несению таких затрат в связи с принятием разумных мер для поддержания имущества в первоначальном состоянии, а равно и экономически обоснованных мер по его улучшению, повышению доходности¹⁷. При такой трактовке определенную сложность, очевидно, составляет определение самостоятельного содержания каждого из указанных принципов. Иной подход, чаще реализуемый в отношениях по привлечению к ответственности за нарушение обязательств, также сохраняет отмеченную неопределенность, поскольку разумность здесь относится к степени достоверности определения размера причиненных убытков и их происхождению от действий ответчика (причинной связи), а обоснованность — к самому обязательству истца доказать в ходе судебного разбирательства данные обстоятельства¹⁸.

Некоторую ясность в понимание обозначенных категорий вносит их сопоставление с критериями определения размера компенсации морального вреда. Принцип обоснованности в этих отношениях, как известно, заменяется на принцип справедливости¹⁹, что одновременно подчеркивает отсутствие самой возможности экономически обоснованной оценки физических и нравственных страданий и наличие потребности в достижении баланса между субъективным представлением о ценности нарушенного блага или права и формальными критериями, используемыми при ее характеристике. Компенсационная составляющая, таким образом, связывается не только с распределением потерь, но также со справедливым воз-

даянием за деликт (ретрибуцией)²⁰. В то же время сохранение требования о применении принципа разумности вкупе с критериями, перечисленными в п. 2 ст. 1101 ГК РФ, позволяет говорить о том, что данный принцип имеет самостоятельное содержательное наполнение. Последнее, с учетом вышеприведенных позиций судов, на наш взгляд, может быть связываемо с наличием устойчивых и универсальных параметров, обеспечивающих достоверность оценки размера причиненного вреда, собственно, самим существованием оценочного механизма, позволяющего обособить круг потерь, происходящих от действия (бездействия) нарушителя, и произвести их соразмерную и (или) справедливую оценку.

Возвращаясь к отношениям по поводу возмещения утраты способности к трудовой или иной оплачиваемой занятости, заметим, что применение к ним принципа разумности также предполагает выбор и использование таких оценочных параметров, которые могли бы позволить с достаточной степенью достоверности установить последствия рассматриваемой утраты и привести ее к экономическому эквиваленту. По этой причине возмещению может подлежать только такая способность, которая, как можно разумно ожидать, будет использоваться потерпевшим в соответствующие периоды его жизни до утраты трудоспособности в силу возраста или по иным, независящим от него причинам. Так, например, не могут быть признаны разумными ожидания по поводу выбора в качестве формы занятости оказания платных юридических услуг, если потерпевший, имея диплом об образовании юриста, никогда раньше не работал по специальности и имеет низкие шансы на трудоустройство в данной сфере. Критерий обоснованности, в свою очередь, состоит в том, что сведения о степени утраты профессиональной трудоспособности и предполагаемом заработке или ином доходе

¹⁷ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 18.12.2018 № Ф07-15321/18 по делу № А56-90829/2016 // URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/3855:1> (дата обращения: 27.06.2023) ; апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного Суда Республики Карелия от 29.03.2019 по делу № 33-1109/2019 // URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/3898:3> (дата обращения: 27.06.2023).

¹⁸ Определение СК по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 04.08.2020 по делу № 8Г-9251/2020 (88-9098/2020) // URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/3924:5> (дата обращения: 27.06.2023).

¹⁹ Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 02.02.2021 № 2-КГ20-9-К3 // URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/3964:9> (дата обращения: 27.06.2023).

²⁰ Богданов Д. Е. Трехединая сущность справедливости в сфере деликтной ответственности // Журнал российского права. 2013. № 7. С. 59.

должны формироваться и использоваться с учетом представления обо всей совокупности профессионально значимых качеств и способностей субъекта, доступных для применения в сфере не только трудовой, но также предпринимательской или иной оплачиваемой деятельности. При определении степени утраты способности к труду и иным формам занятости экспертным путем должна приниматься во внимание остаточная составляющая таких характеристик и фактическая возможность их использования на рынке труда (работ, услуг) с назначением определенного вознаграждения с учетом необходимых ограничений. Возможность обращения к услугам медицинских экспертов соответствующего профиля должна быть доступна всем категориям потерпевших, исходя из права на свободное распоряжение способностями к труду в любых не запрещенных законом правовых формах (п. 1 ст. 37 Конституции РФ).

Приведенные замечания нуждаются в уточнении применительно к двум категориям потерпевших: лицам, получившим повреждение здоровья до достижения совершеннолетия, и индивидуальным предпринимателям (самозанятым и иным субъектам, извлекающим доход от оказания услуг (выполнения работ) по гражданско-правовым договорам). В отношении первой категории современная цивилистика исходит из констатации невозможности построения оценочного механизма, позволяющего учитывать динамику изменения трудоспособности с разумной степенью достоверности²¹. На наш взгляд, следование принципу разумности при возмещении вреда несовершеннолетним потерпевшим также возможно в вышеприведенном значении, однако критерий достаточной степени достоверности здесь может быть обеспечен благодаря его переносу с оценки индивидуальной ситуации на моделирование поведения среднестатистического потерпевшего. В универсальных критериях компенсации, разрабатываемых для «среднего» потерпевшего, базовые расчетные параметры (сама

утраченная трудоспособность как совокупность необходимых качеств и способностей и предполагаемый заработок) должны основываться на официальных статистических данных. Обращение к последним позволит выбрать момент начала и форму оплачиваемой занятости, возможный доход (исходя из средних показателей по отрасли/сектору экономики), спрогнозировать изменение объема и сферы приложения значимых умений и навыков в разные периоды жизни пострадавшего. Применение таких параметров должно осуществляться при максимально возможном учете индивидуальных обстоятельств дела, включая, например, данные о профессии, по которой субъект обучался или планировал обучение, наличии препятствий для замещения отдельных должностей и т.п.

В отношении индивидуальных предпринимателей и иных лиц, извлекающих доход от незапрещенных видов экономической деятельности без заключения трудового договора, популярной является следующая в русле «убыточного» подхода позиция, согласно которой возникающая на стороне потерпевшего потеря реальной экономической выгоды является средством оценки утраченных материальных возможностей такого лица по осуществлению принадлежащих ему прав и исполнению возложенных на него обязанностей, включая обязанности по содержанию самого себя и членов семьи²². Приведенное толкование подчеркивает необходимость понимания различий между условным эквивалентом утраченной способности к труду как совокупности индивидуальных профессионально значимых характеристик потерпевшего и суммой иных имущественных потерь, возникающих в результате сопутствующего нарушения общих экономических интересов лица на фоне вынужденного отказа от участия в гражданском обороте. Разумная схема оценки первого компонента должна основываться на показателях средней доходности по каждому виду экономической деятельности (ориентиром здесь могут служить сведения, аккумулируемые Федеральной налоговой службой РФ),

²¹ *Жаглина М. Е., Жаглин А. В.* Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда здоровью несовершеннолетних (по материалам судебной практики) // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2022. № 4. С. 33–34 ; *Бакунин С. Н.* Возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью несовершеннолетнего: социальные и правовые аспекты // *Цивилист.* 2007. № 2. С. 67.

²² Постановление Конституционного Суда РФ от 05.06.2012 № 13-П // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_130742 (дата обращения: 27.06.2023) ; определение СК по гражданским делам Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 03.11.2022 по делу № 8Г-8931/2022 (88-9167/2022) // URL: <http://ivo.garant.ru/#/doclist/3050:16> (дата обращения: 27.06.2023) и др.

принимаемых с корректировкой на компонент обязательного личного участия физического лица в выполнении присущих им задач и функций (в данной части следует опираться на опыт медико-социальной экспертизы последствий несчастных случаев на производстве).

Заключение

Подводя итог всему сказанному, можно заключить, что замена компонента возмещения утраченного заработка (дохода) возмещением утраты способности к трудовой и иной оплачиваемой деятельности представляет собой необходимый шаг на пути совершенствования правового регулирования института обязательств из причинения вреда здоровью. Критически важным при этом является использование традиционных оценочных параметров (степени утраты трудоспособности и предполагаемого дохода) в понимании, позволяющем производить экономическую оценку всей совокупности утраченных

профессионально значимых качеств потерпевшего, которыми он мог быть воспользоваться при ведении оплачиваемой деятельности в разные периоды жизни, с поправкой на динамику трудоспособности. При определении степени утраты способности к труду и иным формам занятости экспертным путем должна приниматься во внимание остаточная составляющая таких характеристик и фактическая возможность их использования на рынке труда с назначением определенного вознаграждения исходя из необходимых ограничений (сокращения продолжительности рабочего времени, создания специальных условий и т.п.). В отношении отдельных категорий потерпевших необходимая степень достоверности применимых оценочных параметров может достигаться за счет обращения к официальной статистической информации или подготовленным на ее основе сводным показателям (показателям трудоустройства выпускников по избранной специальности, среднего возраста начала трудовой деятельности, уровня дохода в секторе экономики и т.п.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агарков М. М. Обязательства из причинения вреда (действующее право и задачи Гражданского кодекса СССР) // Проблемы социалистического права. 1939. № 1. С. 55–74.
- Бакунин С. Н. Возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью несовершеннолетнего: социальные и правовые аспекты // Цивилист. 2007. № 2. С. 65–67.
- Богданов Д. Е. Трехединная сущность справедливости в сфере деликтной ответственности // Журнал российского права. 2013. № 7. С. 49–62.
- Болдырев В. А. Правовые проблемы возмещения заработка (дохода), утраченного в результате повреждения здоровья // Общество и право. 2003. № 2. С. 198–212.
- Гуцалюк Д. А., Трофимова М. С. О некоторых особенностях практики применения положений части 2 статьи 1085 Гражданского кодекса Российской Федерации // Beneficium. 2019. № 3 (32). С. 67–76.
- Жаглина М. Е., Жаглин А. В. Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда здоровью несовершеннолетних (по материалам судебной практики) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 4. С. 30–35.
- Малеин Н. С. Возмещение вреда, причиненного личности. М. : Юридическая литература, 1965. 230 с.
- Хаскельберг Б. Л. Некоторые вопросы возмещения вреда, причиненного здоровью граждан при исполнении трудовых обязанностей // Актуальные вопросы государства и права на современном этапе : сборник статей. Томск, 1982. С. 99–100.
- Чулюкова С. А. К вопросу о размере возмещения вреда, причиненного жизни гражданина // Право и государство: теория и практика. 2020. № 7 (187). С. 15–18.
- Dorey D. L., Rentiers B. L. The calculation of damages for bodily injury claims. Vancouver : Dolden Wallace Folick LLP, 2014. 27 p.
- Husaini M. F., Kamaliah S. An Analysis of Inconsistent Methodology to Compute Permanent Future Nursing Care Costs in Personal Injury Claim // Pertanika Journal of Social Sciences & Humanities. 2021. Vol. 29 (2). P. 1–16.
- Wand K., Mendelson D. An overview of liability and compensation for personal injury in China under the General Principles of Civil Law // Torts LJ. 1996. Vol. 4. P. 137–172.

REFERENCES

- Agarkov MM. Obligations from causing harm (current law and tasks of the Civil Code of the USSR). *Problemy sotsialisticheskogo prava*. 1939;1:55-74. (In Russ.).
- Bakunin SN. Compensation for harm caused to the life and health of a minor: social and legal aspects. *Civilist*. 2007;2:65-67. (In Russ.).
- Bogdanov DE. The triune essence of justice in the field of tort liability. *Journal of Russian Law*. 2013;7:49-62. (In Russ.).
- Boldyrev VA. Legal problems of compensation of earnings (income) lost as a result of damage to health. *Obshchestvo i pravo*. 2003;2:198-212. (In Russ.).
- Chulyukova SA. The amount of compensation for damage caused to the life of a citizen. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. 2020;7(187):15-18. (In Russ.).
- Dorey DL, Rentiers BL. The calculation of damages for bodily injury claims. Vancouver: Dolden Wallace Folick LLP; 2014.
- Gutsalyuk DA, Trofimova MS. About some features of practical application of regulations Part 2 Clause 1085 of the Civil Code of the Russian Federation. *Beneficium*. 2019;3(32):67-76. (In Russ.).
- Haskelberg BL. Some issues of compensation for damage caused to the health of citizens in the performance of work duties. Topical issues of state and law at the present stage: Collection of articles. Tomsk; 1982. (In Russ.).
- Husaini MF, Kamaliah S. An Analysis of Inconsistent Methodology to Compute Permanent Future Nursing Care Costs in Personal Injury Claim. *Pertanika Journal of Social Sciences and Humanities*. 2021;29(2):1-16.
- Malein NS. Compensation for damage caused to the individual. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1965. (In Russ.).
- Wand K, Mendelson D. An overview of liability and compensation for personal injury in China under the General Principles of Civil Law. *Torts Law Journal*. 1996;4:137-172.
- Zhaglina ME, Zhaglin AV. Civil liability for causing harm to the health of minors (based on the materials of judicial practice). *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika [Laws of Russia: experience, analysis, practice]*. 2022;4:30-35. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Колесниченко Ольга Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
д. 18, 1-я Красная ул., г. Рязань 390043, Российская Федерация
olja_korn@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga V. Kolesnichenko, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of State and Civil Law Disciplines, Ryazan Branch of Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
18, 1-ya Krasnaya St., Ryazan 390043, Russian Federation
olja_korn@mail.ru

*Материал поступил в редакцию 27 июня 2023 г.
Статья получена после рецензирования 14 августа 2023 г.
Принята к печати 17 октября 2023 г.*

*Received 27.06.2023.
Revised 14.08.2023.
Accepted 17.10.2023.*

Об основных задачах реализации в России концепции устойчивого развития городов: правовой аспект

Резюме. В статье анализируются основные положения концепции устойчивого развития применительно к городам. Рассматривается механизм реализации задач, изложенных ООН в рамках цели устойчивого развития (ЦУР) № 11, посвященной обеспечению открытости, безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов и населенных пунктов. Приводятся примеры правовых актов, направленных на решение в России экологических, социальных и экономических проблем в рамках ЦУР № 11, обозначаются проблемы, требующие решения, аргументируется необходимость разработки концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию, содержащей поэтапный план действий в этом направлении.

Авторы доказывают, что говорить о реализации задач в рамках ЦУР № 11 можно будет только тогда, когда в стране будет утвержден план перехода к устойчивому развитию (в том числе городов), включающий описание этапов перехода, финансирование, ответственные органы власти, а самое главное — четкие индикаторы, позволяющие оценивать реализацию поставленных задач в рамках каждого такого этапа. Практика разработки концепций как политико-правовых актов в России достаточно распространена, поэтому при наличии политической воли разработка такого документа вполне реальна. Аргументируется вывод о том, что уже сегодня мы можем оценивать состояние законодательства и практические проблемы в процессе решения задач, поставленных ООН в рамках ЦУР № 11; отмечается, что их реализация идет бессистемно, но иногда всё же эффективно. Обращается внимание на то, что достижение задач в рамках ЦУР № 11, наряду с общими проблемами, актуальными в равной степени для всех «обычных» городов России, для ряда категорий «необычных» городов имеет свою специфику. К их числу относятся, например, арктические города, моногорода (по причине занятости населения города на одном-двух крупных предприятиях, что влечет дисбаланс экономических и социальных интересов), наукограды, закрытые административно-территориальные образования (военные городки).

Ключевые слова: устойчивое развитие; город; жилые помещения; транспорт; чрезвычайные ситуации; культурное наследие; загрязнение воздуха; ООН; экологическое право; экология

Для цитирования: Анисимов А. П., Исакова Ю. И., Працко Г. С. Об основных задачах реализации в России концепции устойчивого развития городов: правовой аспект. *Lex russica*. 2023. Т. 76. № 11. С. 19–28. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.204.11.019-028

Main Goals of Implementing the Concept of Sustainable Urban Development in Russia: A Legal Aspect

Alexey P. Anisimov

Yuliya I. Isakova

Gennadiy S. Pratsko

Don State Technical University

Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. The paper analyzes the main provisions of the concept of sustainable development in relation to cities. The authors elucidate the mechanism of implementation of the goals set out by the UN in the framework of Sustainable Development Goals 11 (SDG 11 or Global Goal 11), dedicated to ensuring openness, security, resilience and environmental sustainability of cities and human settlements. The authors provide examples of legal acts aimed at solving environmental, social and economic problems in Russia within the framework of SDG 11, enumerate pending problems, explain the need to develop the Concept for the transition of the Russian Federation to sustainable development containing a step-by-step action plan in this direction

The authors prove that it will be possible to talk about implementation of goals within the framework of SDG 11 only when the country approves a plan for the transition to sustainable development (including cities), including a description of the stages of transition, financing, responsible authorities, and, which is the most important, clear indicators that allow assessing implementation of the goals within the framework of each stage. It is a common practice in Russia to develop concepts as political and legal acts. Therefore, if there is political will, it is quite possible to develop such an instrument. The authors conclude that today we can assess the state of legislation and practical problems in the process of solving the goals set by the UN within the framework of SDG 11. They highlight that implementation of the goals under consideration is haphazard, but sometimes still effective. Attention is drawn to the fact that implementation of the goals within the framework of SDG 11, along with general problems that are equally relevant for all «ordinary» cities of Russia, for a number of «unusual» cities has its own specifics. These include, for example, Arctic cities, single-industry towns (due to the employment of the city's population at 1-2 large enterprises, which entails an imbalance of economic and social interests), science cities, closed administrative-territorial formations (military towns).

Keywords: sustainable development; city; residential premises; transport; emergencies; cultural heritage; air pollution; UN; environmental law; ecology

Cite as: Anisimov AP, Isakova Yul, Pratsko GS. Main Goals of Implementing the Concept of Sustainable Urban Development in Russia: A Legal Aspect. *Lex russica*. 2023;76(11):19-28. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2023.203.10.019-028

Введение

Концепция устойчивого развития, впервые сформулированная в конце 80-х гг. прошлого века и одобренная ООН на Конференции по окружающей среде и развитию 1992 г. в Рио-де-Жанейро, получила свое развитие в большинстве стран мира. В некоторых из них она прямо упоминается в конституциях, в других (включая Россию) о реализации ее положений идет речь в национальных законах и подзаконных актах.

Такая востребованность концепции устойчивого развития, не являющейся в международном праве юридически обязательной, говорит о том, что человечество наконец осознало масштаб будущих угроз, вызванных нерациональным использованием природных ресурсов и игнорированием острых социально-экономиче-

ских проблем. Соответственно, основной целью концепции устойчивого развития является поиск баланса между тремя группами интересов: экономических, социальных и экологических.

Наиболее четко стратегия поиска такого баланса была отражена ООН в 2015 г. в рамках документа под названием «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», который содержит 17 глобальных целей и 169 соответствующих задач. Одной из таких целей является цель устойчивого развития (ЦУР) № 11 «Обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и устойчивости городов и населенных пунктов». Необходимость отдельного выделения такой цели заключается в том, что в городах проживает большая часть населения любой страны, в связи с чем проблема поиска

баланса трех групп интересов актуальна именно в городах. При этом ООН предполагает, что реализация задач в рамках каждой ЦУР будет происходить с учетом национальной специфики, отраженной в соответствующем законодательстве. Поэтому скорость и механизм реализации решения задач в рамках ЦУР будут везде различными.

Российское законодательство восприняло идеи ЦУР, включив упоминания об устойчивом развитии в десятки законов и подзаконных актов, включая ГрК РФ. Однако что же следует понимать под устойчивым развитием городов и как в России идет (с правовой точки зрения) процесс практической реализации задач в рамках ЦУР № 11?

Основная часть

В настоящий момент официального определения устойчивого развития городов в России нет. В связи с этим одни авторы считают, что устойчивое развитие города означает согласование интересов различных социальных групп, субъектов управления и хозяйствования, позволяющих достигнуть экономической эффективности, экологической безопасности и социальной справедливости для нынешнего и будущих поколений жителей города¹. Другие авторы, исследуя устойчивые города, делают акцент на экологизации городской жизни (зданий, объектов естественной и культурной среды, обращения с отходами и т.д.)². В трудах третьей группы авторов отмечается, что понятие «устойчивый город» предполагает «безопасное и гармоничное средообразующее экономическое, социальное, политическое и культурное развитие города в условиях благоприятной окружающей среды, обеспечивающее благоприятные условия жизнедеятельности людей, в нем проживающих»³.

Соглашаясь с данными точками зрения, заметим, что говорить о реализации задач в рамках ЦУР № 11 можно будет только тогда, когда в стране будет утвержден план перехода к устойчивому развитию (в том числе городов), включающий описание этапов перехода, финанси-

рование, ответственные органы власти, а самое главное — четкие индикаторы, позволяющие оценивать реализацию поставленных задач в рамках каждого такого этапа. Практика разработки концепций как политико-правовых актов в России является достаточно распространенной, поэтому при наличии политической воли разработка такого документа является вполне реальной. Однако уже сегодня мы вполне можем оценивать состояние законодательства и практические проблемы в процессе решения задач, поставленных ООН в рамках ЦУР № 11, отмечая, что их реализация идет бессистемно, но иногда всё же эффективно.

Задачи в рамках ЦУР № 11, поставленные ООН:

1. Обеспечение к 2030 г. всеобщего доступа к достаточному, безопасному и недорогому жилью, благоустройство трущоб. Данная задача предполагает снос аварийного и ветхого жилья с переселением жителей в новое комфортабельное жилье, а также улучшение состояния городских пространств. Общие правила проведения таких работ изложены в ГрК РФ, а на практике наиболее известным примером реализации данной задачи является программа реновации в г. Москве, предусматривающая снос еще советских пяти- и девятиэтажных домов с переселением жителей. К числу недостатков данной стратегии относится то, что действующее законодательство не содержит гарантий от сноса нормального (неаварийного) жилья, расположенного в экономически привлекательном районе. Кроме того, в регионах реализация данной задачи идет медленно по финансовым причинам.

2. Развитие безопасных, недорогих, доступных и экологически устойчивых транспортных систем. Реализация данной задачи имеет как минимум четыре направления. Во-первых, оптимизация транспортных потоков в городе (в том числе посредством строительства объездных магистралей). Во-вторых, развитие и обновление сети электротранспорта (метро, трамвай, троллейбус). В-третьих, развитие системы социальных маршрутов транспорта, отвечающих бытовым нуждам граждан, с обес-

¹ Нагимова А. М. Экологическая безопасность населения региона // Социс. 2011. № 1. С. 142–145.

² Давыдова Н., Тимофеева О. Устойчивое развитие города. Вопросы разработки стратегии // Муниципальная экономика. 2000. № 4. С. 18–23.

³ Клюканова Л. Г. Устойчивые города: комплексное развитие урбанизированных территорий и правовые механизмы обеспечения реализации права граждан на благоприятную окружающую среду // Евразийский юридический журнал. 2019. № 1. С. 216.

печением их ценовой доступности, особенно для малоимущих слоев населения. В-четвертых, цифровизация транспортных систем, в том числе посредством использования современных информационно-телекоммуникационных технологий и глобальной навигационной системы ГЛОНАСС, технологий управления транспортными средствами и потоками. В связи с этим следует согласиться с мнением о том, что «развитие общественного транспорта с использованием смарт-технологий для управления организацией движения городского транспорта, переход к комплексной застройке микрорайонов позволяют решить проблему качественного транспортного обслуживания»⁴.

3. Развитие экологически устойчивой урбанизации и возможностей комплексного и устойчивого планирования населенных пунктов и управления ими. В данной задаче можно выделить две составных части. Во-первых, устойчивая экологическая урбанизация предполагает устойчивое (зеленое) строительство.

Последнее представляет собой подход, позволяющий строительной отрасли двигаться к устойчивому развитию путем учета экологических, социальных и экономических проблем на протяжении всего жизненного цикла зданий. В целом можно сказать, что устойчивое строительство позволяет достичь эффективного использования ресурсов, энергоэффективности, сохранения водных ресурсов, биоразнообразия, уменьшения загрязнения воздуха, воды и почвы⁵.

В зарубежных странах имеется ряд стандартов зеленого строительства, например 110-балльная коммерческая рейтинговая шкала LEED. Уже более 130 стран используют эту добровольную систему проверки третьей стороной, которая фокусируется на социальной ответственности при строительстве зданий. Получение сертификата LEED для здания демонстрирует приверженность бережному отношению к окружающей среде, лидерству и инновациям в строительстве.

Хотя LEED является наиболее известной системой сертификации зеленых зданий, это не единственный способ, с помощью которого здания могут получать стороннюю проверку их экологической эффективности. В зеленом строительстве делается акцент на минимизации различных неблагоприятных воздействий здания на окружающую среду с помощью методов, ориентированных на эффективность использования энергии, материалов и воды. Местоположение также важно при экологическом строительстве. При экологическом строительстве при выборе местоположения нового здания учитывается сведение к минимуму воздействия, которое оно окажет на окружающую среду и существующую инфраструктуру прилегающей территории как во время строительства, так и в течение срока службы здания⁶. В России сбалансированной системы общепринятых стандартов зеленого строительства (аналогичной LEED) еще нет, однако предпринимаются отдельные попытки перехода к зеленым стандартам, например в распоряжении Минприроды России от 30.12.2009 № 75-р «О добровольной экологической сертификации объектов недвижимости с учетом международного опыта применения “зеленых” стандартов»⁷. Кроме того, экологические требования к зданиям есть в ГОСТ Р 70346-2022 от 09.09.2022 «“Зеленые” стандарты. Здания многоквартирные жилые “зеленые”. Методика оценки и критерии проектирования, строительства и эксплуатации»⁸, а также в документах, принимаемых саморегулируемыми организациями в строительстве. Однако этого явно недостаточно, и здесь предстоит большая работа.

Во-вторых, устойчивое планирование предполагает разработку полноценной градостроительной документации, включающей в себя документы территориального планирования (для городских поселений и округов это генеральный план), документов градостроительного зонирования (правила землепользования и застройки) и документов по планировке тер-

⁴ Ильина И. Н. Качество городской среды как фактор устойчивого развития муниципальных образований // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2015. № 5. С. 73.

⁵ Phoya S. Sustainable Construction Sites in Tanzania: Contractors' Practices and Their Perspectives // International Journal of Construction Engineering and Management. 2018. Vol. 7. P. 89.

⁶ Alfano J. Can we (anti)trust LEED? An analysis of the antitrust implications for the green building movement // Environmental Affairs. 2014. Vol. 41. P. 429–434.

⁷ Здесь и далее в статье, если не указано иное, нормативные документы и материалы судебной практики приводятся по СПС «КонсультантПлюс».

⁸ URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200193111>.

ритории. В настоящий момент в подавляющем большинстве муниципалитетов такие документы приняты, идет процесс их уточнения и дополнения. Их основное значение (в контексте ЦУР № 11) заключается в том, что они фиксируют сложившийся характер землепользования в муниципальном образовании и определяют перспективы развития города с учетом сотен параметров его экономической, социальной и экологической жизни, разработанных как на вышестоящих уровнях власти, так и самими органами местного самоуправления. Придание развитию города проектного характера, открытость содержащихся в градостроительной документации сведений, необходимость вынесения этих документов на публичные слушания — всё это говорит о том, что в Российской Федерации предпринят ряд шагов для решения поставленной ООН задачи.

4. Активизация усилий по защите и сохранению всемирного культурного и природного наследия. На нормативном уровне задачи по защите культурного наследия сформулированы в специальном Федеральном законе от 25.06.2002 № 73-ФЗ (ред. от 14.04.2023) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», а по охране природного наследия — в федеральных законах от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об охране окружающей среды» и от 14.03.1995 № 33-ФЗ (ред. от 28.06.2022) «Об особо охраняемых природных территориях». Необходимость учета таких объектов в ходе градостроительной деятельности предусмотрена и Градостроительным кодексом РФ. В частности, для охраны культурного наследия Минкультуры РФ вместе с субъектами РФ систематически ведется работа по уточнению границ и состояния объектов всемирного культурного наследия, проводятся согласования строительных работ в их буферных зонах. Тем не менее на состояние памятников истории и культуры продолжает оказывать негативное воздействие состояние окружающей среды, включая загрязнение атмосферного воздуха, кислотные дожди, а потому решение этой проблемы невозможно вне контекста решения остальных городских проблем. Остается нерешенным и вопрос о том, что следует понимать под «объектом природного наследия», упоминаемым в ГрК РФ наряду с термином «особо охраняемые природные территории». В эко-

логическом законодательстве данная категория не получила четкого определения, а для полного ее отождествления с особо охраняемыми природными территориями нет полноценных правовых оснований⁹. Это означает наличие пробела в экологическом праве, требующего скорейшего восполнения.

5. Сокращение числа пострадавших и уменьшение экономического ущерба от стихийных бедствий, в том числе связанных с водой. В отличие от международной терминологии («бедствия»), в России используется категория «чрезвычайная ситуация». Принят специальный Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ (ред. от 04.11.2022) «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», включающий комплексный пакет мер по предупреждению и ликвидации последствий таких ситуаций, включая определение полномочий органов власти, финансирования и т.д. Создан и специальный орган власти по борьбе с чрезвычайными ситуациями (МЧС РФ). Основные направления защиты городской среды от чрезвычайных ситуаций заключаются в следующем. Необходимо продолжить разработку планов предупреждения чрезвычайных ситуаций (которые должны быть доступны жителям города), включая эвакуацию населения, организацию экстренной медицинской помощи, выделение транспорта. С населением города следует проводить регулярные учения и тренировки, чтобы обучить граждан правильному поведению в случае любого вида чрезвычайных ситуаций. Органы власти должны регулярно проводить инвентаризацию убежищ и иных объектов инфраструктуры, развивать дистанционную систему управления, спасательные службы и технологии, позволяющие гражданам пережить стихийное бедствие. Особое внимание здесь следует уделить обеспечению прав инвалидов и иных маломобильных граждан, над чем еще предстоит поработать. Требуется налаживание контактов органов власти с международными структурами по борьбе со стихийными бедствиями, а также общественными объединениями в России и за рубежом в целях обмена опытом и координации усилий по борьбе с данной угрозой. Отдельным направлением является снижение уязвимости города от угрозы чрезвычайных ситуаций: укрепление зданий, инфраструктуры, улучшение системы водо-

⁹ Рыженков А. Я. Принципы градостроительного права : монография. М. : Юрлитинформ, 2019.

снабжения, противопаводковых дамб и сооружений, снижение риска техногенных аварий. При этом в разработке различных технологий, направленных на профилактику или ликвидацию последствий стихийных бедствий, большую роль мог бы сыграть городской малый и средний бизнес при условии надлежащего финансирования.

6. Уменьшение негативного экологического воздействия городов посредством особого внимания к качеству воздуха и удалению отходов. Данная задача включает в себя две части. Во-первых, это борьба с загрязнением воздуха. Эта проблема является ключевой для большинства российских городов, в которых, несмотря на спад промышленных выбросов, резко выросли выбросы автотранспорта. Для снижения загрязнения атмосферного воздуха был разработан федеральный проект «Чистый воздух» в рамках национального проекта «Экология». Он направлен на снижение уровня загрязнения атмосферного воздуха крупных промышленных центров, включая развитие мониторинга, а также контроль качества атмосферного воздуха. Большое участие в оздоровлении экологической обстановки в городах России принимают общественные экологические организации. Сохранение опасного уровня загрязнения воздуха влечет как уменьшение продолжительности жизни горожан, так и обострение демографических, социальных и экономических проблем (в том числе снижение производительности труда).

В целях обеспечения снижения уровня загрязнения атмосферного воздуха в отдельных городских поселениях и городских округах (в том числе с внутригородским делением) Федеральный закон от 26.07.2019 № 195-ФЗ «О проведении эксперимента по квотированию выбросов загрязняющих веществ и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части снижения загрязнения атмосферного воздуха» предписывает провести в городских округах Братск, Красноярск, Липецк, Магнитогорск, Медногорск, Нижний Тагил, Новокузнецк, Норильск, Омск, Челябинск, Череповец и Чита эксперимент по квотированию выбросов загрязняющих веществ (кроме радиоактивных веществ) в атмосферный воздух на основе сводных расчетов загрязнения атмосферного воздуха. В 2021 г. перечень мер по охране атмосферного

воздуха был дополнен Федеральным законом от 02.07.2021 № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов», направленным на борьбу с загрязнением воздуха.

Во-вторых, требует решения проблема обращения с отходами. Для решения этой проблемы принят Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ (ред. от 19.12.2022) «Об отходах производства и потребления», в регионах разрабатываются территориальные схемы обращения с отходами, отлаживается экономический механизм обращения с отходами (утилизационный, экологический сбор), постепенно строятся мусороперерабатывающие и мусоросжигающие заводы.

Вместе с тем до решения проблемы еще очень далеко. Большая часть твердых коммунальных отходов городов вывозится на полигоны под открытым небом, что влечет загрязнение воздуха от возгорания отходов, загрязнение водных объектов, биологическое загрязнение (размножение крыс, насекомых). При этом решение проблемы отходов является одним из основных условий экологически устойчивого развития городов. Одной из новых концепций, направленных на решение проблемы отходов, является концепция циркулярной экономики, предполагающая сложный механизм уменьшения объемов образования отходов, а также улучшение системы их переработки и вторичного использования. Реализация данной стратегии требует финансирования, развития экологического предпринимательства, но приведет и к появлению новых рабочих мест, радикально улучшит состояние окружающей среды городов. Другими словами, циркулярная экономика предполагает, что существующие добытые ресурсы непрерывно перерабатываются и используются повторно в рамках национальной экономики с минимальным вводом нового сырья и минимальным образованием отходов¹⁰.

Решение проблемы отходов будет иметь не только экологическое или экономическое значение, но и позволит решить ряд других вопросов, например весьма актуальную проблему бродячих животных. В настоящий момент политика по сокращению их численности не имеет особого успеха, поскольку численность их популяции зависит от кормовой базы, которую как раз и составляют пищевые отходы. Уменьшение объема последних приведет к тому, что бродяча-

¹⁰ *Kanasan V., Hassan M. S. Urban green growth and importance to cities in Asia // Academia Letters. 2021. Art. 3276.*

чие животные переместятся в пригороды, а их численность со временем уменьшится.

К сожалению, в настоящий момент в России перерабатывается менее 5 % отходов, в отличие от Швеции, которой удалось обеспечить почти стопроцентную переработку отходов: около половины отходов там после сортировки сжигается. В управлении переработкой отходами участвуют практически все. Население отдельно складировать бумагу, пластик, стекло, металл, батарейки. Муниципальные органы власти несут ответственность за сбор городского мусора (его транспортировку на перерабатывающие заводы). При этом в каждом населенном пункте Швеции есть свой план по реализации стратегии управления отходами¹¹.

7. Обеспечение всеобщего доступа к безопасным, доступным, открытым для всех зеленым зонам и общественным местам. Данная задача решается посредством закрепления в генеральном плане города и правилах землепользования и застройки специальных рекреационных и особо охраняемых территориальных зон, в границах которых градостроительные регламенты запрещают строительство и хозяйственную деятельность, связанную с негативным воздействием на состояние природной среды. Много внимания данной проблеме уделяет и экологическое законодательство.

Так, Закон «Об охране окружающей среды» включает гл. IX.1 «Лесопарковые зеленые пояса», которые отнесены к категории зон с ограниченным режимом природопользования и иной хозяйственной деятельности. Приоритетными видами деятельности в них являются научные исследования, охрана окружающей среды, эколого-просветительская работа и туризм.

8. Поддержание экономических, социальных, экологических связей между городскими, пригородными и сельскими районами на основе повышения качества планирования. Для реализации данной цели необходимо введение в правовое поле России категории «городская агломерация». В настоящий момент этот термин упоминается в различных политико-правовых актах (например, в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г.¹²), однако в земельном и

градостроительном законодательстве его нет. Тем не менее многое в этом вопросе делается уже сейчас, например в части организации пригородных транспортных маршрутов или рынков для торговли сельскохозяйственной продукцией членами фермерских или личных подсобных хозяйств.

9. Внедрение планов и программ, направленных на устранение социальных барьеров, повышение эффективности использования ресурсов, смягчение и адаптацию к последствиям изменения климата, противостояние стихийным бедствиям. Последняя часть задачи дублирует задачу 5 в рамках ЦУР № 11; проблема устранения социальных барьеров в городах в России пока не ставится и не обсуждается. Вопрос о повышении эффективности использования ресурсов отчасти пересекается с предыдущей задачей (вторичная переработка отходов).

Кроме того, это предполагает отдельное приоритетное направление по использованию возобновляемых источников энергии, а также необходимость улучшения планирования развития городов. Последнее означает, что города должны быть как минимум компактно расположены, а не вытянуты в длину на 100 км (как Волгоград), поскольку нерациональная планировка города влечет избыточные транспортные расходы и выбросы выхлопных газов транспорта в окружающую среду, увеличивает стоимость и время поездки горожан на работу или отдых. Проблема изменения климата весьма актуальна для городов, поскольку они уязвимы к последствиям изменения климата, таким как наводнения, жара или нехватка воды. Отдельным приоритетом для городских властей должно являться сокращение выбросов парниковых газов путем регулирования транспортных потоков и экологизации строительства. На местном уровне меры по смягчению или адаптации к изменениям климата могут включать увеличение площади зеленых насаждений, регулирование дорожного движения и мест парковок, развитие парка электромобилей (автобусов), стимулирование зеленого строительства, планирование новых пешеходных и велодорожек и т.д. При этом стратегии устойчивого развития городов будут отличаться не только в масштабе

¹¹ *Одинцова А. В.* Концепция устойчивого развития и стратегическое планирование развития территорий // Вестник Владимирского государственного университета. Серия «Экономические науки». 2018. № 3. С. 115.

¹² Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р (ред. от 30.09.2022) «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года».

глобального Севера и Юга¹³, но даже в рамках одной большой страны (России).

Наряду с общими проблемами, связанными с достижением задач в рамках ЦУР № 11, актуальными в равной степени для всех «обычных» городов России, данная проблема имеет свою специфику для ряда категорий «необычных» городов. К их числу относятся, например, арктические города¹⁴, моногорода (по причине занятости населения города на одном-двух крупных предприятиях, что влечет дисбаланс экономических и социальных интересов), наукограды, закрытые административно-территориальные образования (военные городки) и ряд других.

Заключение

Таким образом, в настоящий момент в России отсутствует стратегия (концепция) перехода к устойчивому развитию (Указ Президента РФ от 01.04.1996 № 440 «О концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию»¹⁵ уже устарел). Это требует разработки нового программного документа, который содержал бы четкое понимание стратегии и этапов данного перехода, перечень мероприятий, определял финансирование, индикаторы достижения поставленных целей и т.д.

Несмотря на это, в России происходит постепенная реализация поставленных ООН в рамках ЦУР № 11 задач, хотя при этом сохраняется ряд экономических, экологических, социальных и иных проблем. Их обсуждение и выработка рекомендаций по достижению поставленных ООН задач посредством развития российского законодательства должны стать приоритетом российской науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Давыдова Н., Тимофеева О. Устойчивое развитие города. Вопросы разработки стратегии // Муниципальная экономика. 2000. № 4. С. 18–23.

Ильина И. Н. Качество городской среды как фактор устойчивого развития муниципальных образований // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2015. № 5. С. 69–82.

Клюканова Л. Г. Устойчивые города: комплексное развитие урбанизированных территорий и правовые механизмы обеспечения реализации права граждан на благоприятную окружающую среду // Евразийский юридический журнал. 2019. № 1. С. 213–219.

Нагимова А. М. Экологическая безопасность населения региона // Социс. 2011. № 1. С. 142–145.

Одинцова А. В. Концепция устойчивого развития и стратегическое планирование развития территорий // Вестник Владимирского государственного университета. Серия «Экономические науки». 2018. № 3. С. 111–119.

Рыженков А. Я. Принципы градостроительного права : монография. М. : Юрлитинформ, 2019. 174 с.

Шамало И. А. Обзор существующих подходов к отбору и верификации социально-экономических индикаторов устойчивого развития городов Арктики // Экологические проблемы промышленных городов : сборник научных трудов по материалам 9-й Международной научно-практической конференции / под ред. Е. И. Тихомировой. Саратов, 2019. С. 112–115.

Alfano J. Can we (anti)trust LEED? An analysis of the antitrust implications for the green building movement // Environmental Affairs. 2014. Vol. 41. P. 429–434.

Kanasan V., Hassan M. S. Urban green growth and importance to cities in Asia // Academia Letters. 2021. Art. 3276.

¹³ Yazdani S., Dola K. Sustainable City Priorities in Global North Versus Global South // Journal of Sustainable Development. 2013. Vol. 6. No. 7. P. 38–44.

¹⁴ Шамало И. А. Обзор существующих подходов к отбору и верификации социально-экономических индикаторов устойчивого развития городов Арктики // Экологические проблемы промышленных городов : сборник научных трудов по материалам 9-й Международной научно-практической конференции / под ред. Е. И. Тихомировой. Саратов, 2019. С. 112–115.

¹⁵ URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9120>.

Phoya S. Sustainable Construction Sites in Tanzania: Contractors' Practices and Their Perspectives // International Journal of Construction Engineering and Management. 2018. Vol. 7. P. 88–96.

Yazdani S., Dola K. Sustainable City Priorities in Global North Versus Global South // Journal of Sustainable Development. 2013. Vol. 6. No. 7. P. 38–44.

REFERENCES

Alfano J. Can we (anti)trust LEED? An analysis of the antitrust implications for the green building movement. *Environmental Affairs*. 2014;41:429-434.

Davydova N, Timofeeva O. Sustainable development of the city. Strategy development issues. *Munitsipalnaya ekonomika*. 2000;4:18-23. (In Russ.).

Ilna IN. The quality of the urban environment as a factor of sustainable development of municipalities. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii [Property Relations in the Russian Federation]*. 2015;5:69-82. (In Russ.).

Kanasan V, Hassan MS. Urban green growth and importance to cities in Asia. *Academia Letters*. 2021. Art. 3276.

Klyukanova LG. Sustainable cities: integrated development of urbanized territories and legal mechanisms to ensure the realization of citizens' right to a favorable environment. *Eurasian Law Journal*. 2019;1:213-219. (In Russ.).

Nagimova AM. Environmental safety of the region's population. *Socis*. 2011;1:142-145. (In Russ.).

Odintsova AV. The concept of sustainable development and strategic planning of territorial development. *Vestnik Vladimirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Ekonomichekieskie nauki»*. 2018;3:111-119. (In Russ.).

Phoya S. Sustainable Construction Sites in Tanzania: Contractors' Practices and Their Perspectives. *International Journal of Construction Engineering and Management*. 2018;7:88-96.

Ryzhenkov AY. Principles of Urban Planning Law. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2019. (In Russ.).

Shamalo IA. Review of existing approaches to the selection and verification of socio-economic indicators of sustainable development of Arctic cities. In: Tikhomirova EI (ed.). *Environmental problems of industrial cities: Collection of scientific papers based on the Proceedings of the 9th International Scientific and Practical Conference*. Saratov; 2019. (In Russ.).

Yazdani S, Dola K. Sustainable City Priorities in Global North Versus Global South. *Journal of Sustainable Development*. 2013;6(7):38-44.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Анисимов Алексей Павлович, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и публично-правовых дисциплин юридического факультета Донского государственного технического университета

д. 1, Гагарина пл., г. Ростов-на-Дону 344003, Российская Федерация
anisimovap@mail.ru

Исакова Юлия Игоревна, кандидат юридических наук, доктор социологических наук, доцент, декан юридического факультета Донского государственного технического университета

д. 1, Гагарина пл., г. Ростов-на-Дону 344003, Российская Федерация
isakova.pravo@bk.ru

Працко Геннадий Святославович, доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры коммерческого и предпринимательского права юридического факультета Донского государственного технического университета

д. 1, Гагарина пл., г. Ростов-на-Дону 344003, Российская Федерация
dasha_sam94@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexey P. Anisimov, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Criminal Law and Public Law Disciplines, Faculty of Law, Don State Technical University
1, Gagarina Pl., Rostov-on-Don 344003, Russian Federation
anisimovap@mail.ru

Yuliya I. Isakova, Cand. Sci. (Law), Dr. Sci. (Sociology), Associate Professor, Dean of the Faculty of Law, Don State Technical University
1, Gagarina Pl., Rostov-on-Don 344003, Russian Federation
isakova.pravo@bk.ru

Gennadiy S. Pratsko, Dr. Sci. (Law), Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Professor, Department of Commercial and Business Law, Faculty of Law, Don State Technical University
1, Gagarina Pl., Rostov-on-Don 344003, Russian Federation
dasha_sam94@mail.ru

Материал поступил в редакцию 31 мая 2023 г.

Статья получена после рецензирования 29 июня 2023 г.

Принята к печати 17 октября 2023 г.

Received 31.05.2023.

Revised 29.06.2023.

Accepted 17.10.2023.

DOI: 10.17803/1729-5920.2023.204.11.029-040

В. В. Гриценко

Воронежский государственный университет
г. Воронеж, Российская Федерация

Роль судебной власти в обеспечении целостности и укреплении финансовой системы Российской Федерации

Резюме. На фоне мирового финансово-экономического кризиса, неустойчивости международной финансовой системы, введения экономических и финансовых санкций западными странами против Российской Федерации, целью которых объявлена дестабилизация российской финансовой системы, отсутствия четкого и стабильного отечественного финансового законодательства представляется необходимой адаптация финансовой системы Российской Федерации к новым реалиям с целью исключения негативного влияния на ее развитие. Одной из приоритетных задач государства является формирование эффективных средств и способов защиты финансовой системы Российской Федерации от внешнего воздействия и от потенциальных внутренних противоречий. В условиях правового вакуума возрастает значение деятельности субъектов правоприменения в обеспечении целостности и укрепления финансовой системы. К числу таких субъектов, в частности, относятся суды, иерархию которых возглавляет Верховный Суд РФ. Его деятельность в сфере устранения лакунарности права имеет многоаспектный характер, так как состоит в ликвидации правовых ошибок судов нижестоящего уровня судебной системы Российской Федерации, а также в выявлении проблем в области применения противоречивого финансового, административного, гражданского, антикоррупционного законодательства. В свою очередь, дефиниции таких понятий, как «финансы», «финансовая система», требуют обобщения и формирования единообразных судебных правовых позиций в рассматриваемых отношениях и, как следствие, формулирования их в нормативных правовых актах. На основе анализа материалов судебной практики, учитывая важность механизма судебной защиты прав субъектов финансовых отношений и используя опыт зарубежных стран по созданию и функционированию финансовых судов, автор обосновывает перспективный характер заимствования положительного зарубежного опыта и необходимость формирования в Российской Федерации системы финансовых судов.

Ключевые слова: государство; финансовая система; элементы финансовой системы; финансовое законодательство; судебная власть; Верховный Суд РФ; судебная практика; судебная позиция; финансовый суд

Для цитирования: Гриценко В. В. Роль судебной власти в обеспечении целостности и укреплении финансовой системы Российской Федерации. *Lex russica*. 2023. Т. 76. № 11. С. 29–40. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.204.11.029-040

The Role of the Judiciary in Ensuring Integrity and Strengthening of the Financial System of the Russian Federation

Valentina V. Gritsenko

Voronezh State University

Voronezh, Russian Federation

Abstract. In the circumstances of the global financial and economic crisis, instability of the international financial system, imposition of economic and financial sanctions on the Russian Federation by Western countries the purpose of which is to destabilize the Russian financial system, lack of clear and consistent domestic financial legislation, it seems necessary to adapt the financial system of the Russian Federation to new realities in order to

© Гриценко В. В., 2023

exclude a negative impact on its development. One of the priorities of government is the formation of effective means and methods of protecting the financial system of the Russian Federation from external actions and from potential internal contradictions. In the conditions of a legal vacuum, the importance of the activities of law enforcement entities in ensuring integrity and strengthening of the financial system increases. Law enforcement entities include courts, the hierarchy of which is headed by the Supreme Court of the Russian Federation. Eliminating of the lacunarity of law has a multidimensional character, since it consists in eliminating the legal errors of the courts of the lower level of the judicial system of the Russian Federation, as well as in identifying problems in the application of contradictory financial, administrative, civil, anti-corruption legislation. In turn, such definitions as «finance» and «financial system» require generalization and formation of uniform judicial legal positions in the relations under consideration and, as a consequence, their formulation in regulatory legal acts. Based on the analysis of judicial practice, taking into account the importance of the mechanism of judicial protection of the rights of participants of financial relations and using the experience of foreign countries in the creation and functioning of financial courts, the author substantiates the promising nature of borrowing positive foreign experience and the need to form a system of financial courts in the Russian Federation.

Keywords: state; financial system; elements of the financial system; financial legislation; judicial power; Supreme Court of the Russian Federation; judicial practice; judicial position; financial court

Cite as: Gritsenko VV. The Role of the Judiciary in Ensuring Integrity and Strengthening of the Financial System of the Russian Federation. *Lex russica*. 2023;76(11):29-40. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2023.203.10.029-040

Столетний юбилей Верховного Суда РФ актуализировал анализ результатов его деятельности в различных видах судопроизводства: конституционном, административном, гражданском, арбитражном, уголовном.

Одним из важных направлений его деятельности является обеспечение целостности и укрепления финансовой системы государства, что обусловлено рядом объективных причин:

— во-первых, кризисом и неустойчивостью международной финансовой системы, в основе которых находятся не только экономические противоречия, но и организационные, управленческие, политические предпосылки. Последние имеют в настоящее время решающее значение для развития и функционирования как финансовой системы в целом, так и ее отдельных структурных элементов. Ввиду указанных выше причин своевременным представляется предложение Президента Российской Федерации В. В. Путина о необходимости пересмотра принципов работы мировой финансовой системы, направленной на обеспечение лишь интересов так называемого «золотого миллиарда»¹ без учета мнения и интересов других стран, мировой общественности;

— во-вторых, ярко выраженной санкционной политикой экономико-финансового характера, проводимой западными странами, направленной на дестабилизацию, развал рос-

сийской финансовой системы, противодействие которой нашло свое отражение в Основных направлениях бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов². Поэтому необходимо формирование финансовой системы, на которую возлагалось бы решение всех государственных вопросов, и самое главное, чтобы она адекватно и своевременно реагировала на такое вмешательство, но этих целей невозможно достичь без построения грамотной, четкой, стабильной финансово-экономической политики;

— в-третьих, несовершенством, нестабильностью, противоречивостью финансового (в том числе налогового и бюджетного), уголовного, гражданского, административного, антикоррупционного законодательства, что негативно сказывается на единообразии судебной практики, о чем свидетельствуют решения двух высокопоставленных судов: Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ. В. М. Лебедев подчеркнул, что за 30 лет Пленум Верховного Суда РФ принял свыше 400 постановлений по вопросам правоприменения, Президиум Верховного Суда РФ утвердил более 150 обзоров судебной практики³;

— в-четвертых, недооценкой значения роли слаженного взаимодействия практически всех элементов финансовой системы, а также

¹ Герейханова А. Многополярный день // Российская газета. № 233 (8881). 14 октября 2022 г.

² URL: <https://minfin.gov.ru/> по состоянию на 27 октября 2022 г. (дата обращения: 25.03.2023).

³ Лебедев В. М. Не судите строго // Российская газета. № 269 (8917). 29 ноября 2022 г.

необходимости их защиты в правовом аспекте (в частности, налоговой системы, бюджетной системы, денежной системы), так как от поступлений денежных средств в доходную часть бюджета напрямую зависит формирование расходной части, построение дефицитных или профицитных отношений, благосостояние российских граждан, а также укрепление финансового суверенитета Российской Федерации;

— в-пятых, отсутствием единых подходов к понятийно-категориальному аппарату, применяемому в рамках финансовой системы, например в отношении дефиниции понятия самой финансовой системы, определения и содержания элементов финансовой системы, а также публичных финансов как основы функционирования государства. Отметим, что достижение указанных целей должно осуществляться с учетом существующих экономических характеристик элементов структуры финансовой системы.

Несмотря на отсутствие дефиниции, сам термин «финансовая система» активно используется в российском законодательстве. Так, Федеральный закон от 13.10.2008 № 173-ФЗ (ред. от 16.04.2022) «О дополнительных мерах по поддержке финансовой системы Российской Федерации»⁴ предусматривает совокупность мер, направленных на поддержку только банковского сектора.

Нормы отдельных федеральных законов устанавливают особенности деятельности конкретных субъектов на определенный период. Например, специфика управления финансовыми отношениями в Республике Крым и городе Севастополе нашла закрепление в нормах Федерального закона от 02.04.2014 № 37-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об особенностях функционирования финансовой системы Республики Крым и города федерального значения Севастополя на переходный период»⁵.

Следует обратить внимание на неоднократные действия Президента РФ, наделенного определенными конституционными полномочиями в данной сфере, а также осуществляю-

щего координацию деятельности всех органов публичной власти, направленных на спасение финансовой системы РФ на различных этапах ее развития, о чем свидетельствует ряд указов Президента, в частности:

— Указ Президента РФ от 03.06.1993 № 842 «О некоторых мерах по сдерживанию инфляции»⁶;

— Указ Президента РФ от 11.12.1997 № 1278 (ред. от 24.08.2004) «О мерах по оздоровлению государственных финансов»⁷;

— Указ Президента РФ от 25.08.1998 № 988 «О некоторых мерах по стабилизации финансовой системы Российской Федерации»⁸;

— Указ Президента РФ от 14.05.1998 № 554 «О мерах по укреплению финансовой дисциплины и исполнению бюджетного законодательства Российской Федерации»⁹;

— Указ Президента РФ от 04.05.2022 № 254 «О временном порядке исполнения финансовых обязательств в сфере корпоративных отношений перед некоторыми иностранными кредиторами»¹⁰;

— Указ Президента РФ от 15.10.2022 № 737 «О некоторых вопросах осуществления (исполнения) отдельных видов сделок (операций)»¹¹ и др.

Однако как упомянутые выше, так и другие нормативные правовые акты носят узконаправленный характер, поскольку затрагивают не финансовую систему в целом, а только ее отдельные структурные элементы. По мнению В. В. Путина, «финансовая, банковская система России и экономика активно развиваются», по его оптимистическим прогнозам, «есть все основания полагать, что такие же темпы будут сохранены в 2023 году»¹². При этом вряд ли санкции против России исчерпают себя в ближайшее время, о чем свидетельствует очередной — 11-й — пакет санкций, и несмотря на то что экономический ущерб от санкций не достигает желаемого западными странами результата, негативное влияние на развитие как финансовой системы России, так и мировой финансовой

⁴ СЗ РФ. 2008. № 42. Ст. 4698.

⁵ СЗ РФ. 2014. № 14. Ст. 1529.

⁶ Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 23. Ст. 2106.

⁷ СЗ РФ. 1997. № 50. Ст. 5680.

⁸ СЗ РФ. 1998. № 35. Ст. 4383.

⁹ СЗ РФ. 1998. № 20. Ст. 2145.

¹⁰ СЗ РФ. 2022. № 19. Ст. 3189.

¹¹ СЗ РФ. 2022. № 42. Ст. 7159.

¹² Герейханова А. Министерский отчет // Российская газета. № 5 (8950). 12 января 2023 г.

системы очевидно. По справедливому замечанию Т. Я. Хабриевой и А. Я. Капустина, санкции «приводят к росту недоверия и конфронтации между государствами, затрудняют развитие торгово-экономических и гуманитарных отношений, негативно сказываются на международном научно-технологическом сотрудничестве»¹³.

Не способствует улучшению ситуации в контексте новых вызовов и слабый понятийно-категориальный аппарат в российской науке финансового права. Рассматривая взаимосвязанные между собой категории «финансы» и «финансовая система» с экономической стороны, Э. Д. Соколова указала на их «объективную необходимость» в обществе¹⁴, так как от доходных частей бюджетов зависит реализация государством поставленных социально-экономических задач, находящихся в прямой взаимосвязи с благосостоянием российских граждан.

В финансово-правовой доктрине существует множество точек зрения относительно самого понятия «финансовая система». Так, разработаны три разнообразных концепции, объясняющие сущность данной категории: институциональная, посубъектная, фондовая. Отсутствуют и единые подходы к пониманию как количественных, так и содержательных аспектов структурных элементов финансовой системы.

Традиционно финансовую систему в науке финансового права определяют:

— как совокупность институтов, звеньев, финансовых правоотношений, элементов, ее составляющих;

— совокупность органов, осуществляющих определенный вид деятельности, которые необходимо рассматривать в контексте единой системы публичной власти, что представляется в настоящее время проблематичным, так как в законодательстве отсутствует четкий перечень органов, входящих в указанную систему. При этом следует отметить управленческий характер деятельности этих органов.

Н. И. Химичева вместе с тем не поддерживает концепцию финансовой системы, представляющей собой совокупность управленческих органов. Она справедливо отмечала, что использование такого узкого подхода ведет к размыванию самого понятия «финансовая система»¹⁵.

В финансовой системе, выступающей в большей степени в качестве экономико-правовой категории, о чем свидетельствует анализ положений нормативных правовых актов, в которых указанные термины употребляются, существуют проблемы, связанные с укреплением и защитой ее элементов, так как они находятся в центре пересечения вопросов экономики и права.

Финансовая система, несомненно, связана с деятельностью органов публичной власти, но она не может ограничиваться только процессом и результатом деятельности таких органов. Финансовая система — это многоаспектная, комплексная категория, которая сочетает в себе не только правовые и экономические составляющие, но и технологические процессы, происходящие в государстве. Еще П. М. Годме отмечал, к примеру, тесную взаимосвязь науки финансового права в целом и финансовой техники, указывая при этом, что финансовая техника — это определенные действия, позволяющие прийти к определенным финансовым результатам¹⁶.

Обосновывая «технологичность» современного финансового права, Е. Ю. Грачева и Л. Л. Арзуманова указывают на ее взаимосвязь с цифровизационными процессами, активно развивающимися в финансовой сфере, что диктуется необходимостью «ускорения финансовых операций», осуществлением своевременного и качественного финансового контроля¹⁷.

Трудно не согласиться с мнением Ю. Н. Старилова о том, что цифровизация и искусственный интеллект занимают прочную позицию во всех сферах государственной деятельности¹⁸.

¹³ Хабриева Т. Я., Капустин А. Я. Международное право и санкции. Поиск границ допустимого // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89, № 1. С. 3–4.

¹⁴ Соколова Э. Д. Теоретические и правовые основы финансовой деятельности государства и муниципальных образований / под ред. Е. Ю. Грачевой. М. : Юриспруденция, 2007. С. 33.

¹⁵ См.: Финансовое право : учебник / отв. ред. Н. И. Химичева. М. : Юрист, 2003. С. 23.

¹⁶ См.: Годме П. М. Финансовое право. М. : Прогресс, 1978. С. 50.

¹⁷ См.: Грачева Е. Ю., Арзуманова Л. Л. Доктрина науки финансового права: эволюционное развитие и современность // Журнал российского права. 2023. Т. 27, № 5. С. 182.

¹⁸ См.: Старилов Ю. Н. Консерватизм правовой политики как гарантия прогресса в сфере административных и иных публичных правоотношений // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». 2023. № 1. С. 16.

Появляются новые термины: «цифровой профиль налогоплательщика», «цифровой налог», «цифровой суверенитет», «цифровое правосудие», «цифровая экономика», «цифровая трансформация», «утилитарное цифровое право», «цифровая валюта», «цифровые активы», «цифровой инструментарий» и т.д., что позволяет ученым констатировать факт наличия «цифровых отношений»¹⁹.

В контексте существующей правовой неопределенности в финансовой сфере использование данных терминов представляется неоднозначным и может повлечь негативные последствия, так как это представляет собой определенный вызов сложившимся финансовым отношениям и обосновывается необходимостью их перехода на новый формат, но с учетом и государственных интересов, и прав налогоплательщиков, особенно касающихся защиты их персональных данных. Опасность также состоит в возможном нарушении прав и законных интересов налогоплательщиков отдельными процессами цифровизации.

Современная финансовая система — это сложноструктурированная, а потому трудно регулируемая сфера государственной управленческой деятельности, поэтому «оцифрование» всех ее элементов должно осуществляться под четким контролем органов, входящих в единую систему публичной власти.

Кроме того, на фоне отсутствия федерального закона «О финансовой системе Российской Федерации» или рамочного федерального закона «О финансах», эпиграфом которого, как справедливо утверждает С. В. Запольский, должно стать суждение «право рождает финансы»²⁰, без дефиниции понятия «финансовая система», единой финансово-правовой доктрины сложно говорить о целостности и укреплении финансовой системы, так как неясно, чем и как укреплять, что и от кого защищать.

В Указе Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»²¹ укрепление финансовой системы и суверенитета нашего государства напрямую взаимосвязано с экономической безопасностью России.

Финансовая система представляет собой экономико-правовую категорию, поэтому проблемы, касающиеся укрепления и защиты ее элементов, должны находиться в плоскости пересечения экономики и права, но в данный момент приходится констатировать, что превагирует совсем другой, политический аспект, так как прослеживается тенденция активного политического влияния на определение сущностных характеристик таких категорий, как «финансы» и «финансовая система». Динамизм политических процессов, происходящих в государстве, не должен влиять на стабильность финансовой системы РФ. Стабильная структура финансовой системы составляет основу функционирования государства, предполагает наличие действенного механизма защиты прав участников финансовых отношений и предсказуемость условий осуществления предпринимательской деятельности. На фоне экономической, правовой и политической нестабильности в сфере правоприменительной деятельности в настоящее время зачастую возникают сложности, которые напрямую связаны с отсутствием четкого категориально-понятийного аппарата, зафиксированного в нормативных правовых актах.

Финансовая система, выступая в качестве сложной правовой конструкции, является одной из самых уязвимых сфер государственного управления, так как на нее оказывают негативное влияние финансово-экономические кризисы, проблемы организационного характера, политические аспекты и т.д., поэтому это практически всегда зона конфликта интересов между государством (органами публичной власти), должностными лицами и другими субъектами налоговых, бюджетных, валютных, банковских и других правоотношений. Общеизвестно, что идеальных финансовых систем не существует.

В условиях политической и экономической нестабильности и лакуарности права возрастает значение деятельности субъектов правоприменения, которая призвана обеспечить единообразное применение правовых норм. Ведущая роль в решении указанных задач в первую очередь принадлежит Верховному Суду РФ.

¹⁹ См.: *Зайцев О. А., Кучина Я. О.* Сравнительно-правовые элементы трансформации уголовного права для защиты цифровых отношений // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19, № 2. С. 21.

²⁰ См.: *Запольский С. В.* О финансовой политике в Российской Федерации и правовых формах ее глобализации // Финансовое право. 2020. № 4. С. 10.

²¹ СПС «КонсультантПлюс».

По мнению В. Д. Зорькина, «деятельность Верховного Суда придает особый импульс работе всей судебной системы»²², так как данный Суд исправляет «судебные ошибки» других судов, решает проблемы законодательного характера, в частности «отставания, запаздывания законодателя в регулировании новых проблем и отношений»²³, в том числе в финансовой сфере.

Иной позиции придерживается В. В. Момотов, который считает, что «исправление судебных ошибок не самая главная задача для Верховного Суда РФ», основная задача, полагает он, обеспечение «правовой определенности и последующего единообразия судебной практики», что осуществляется «посредством формулирования доктрин и унификации правовых позиций»²⁴.

Е. С. Гетман утверждает, что самой главной задачей Верховного Суда РФ является написание качественного судебного акта, который, по ее мнению, представляет собой «маленькое произведение искусства», характеризующее четкостью, логичностью, последовательностью, мотивированностью²⁵.

Следует отметить содержательный аспект решений Верховного Суда РФ. В. В. Путин подчеркивает, что Верховный Суд «неизменно отвечает на новые вызовы времени и запросы нашего общества»²⁶.

Формами вариантов ответа на вопросы современной правовой реальности и существующей неопределенности права являются постановления и обзоры Верховного Суда РФ.

Одним из основных направлений в деятельности Верховного Суда РФ в конечном итоге является обеспечение единообразия судебной практики, и особенно важна реализация указанной задачи в сфере правового обеспечения различных институтов финансовой системы Российской Федерации.

Г. А. Борисов подчеркивает, что «сегодня имеет место известная неопределенность относительно природы постановлений и обзоров, создаваемых Пленумом и Президиумом Верховного Суда Российской Федерации»²⁷. В. В. Сорокин считает, что постановления Верховного Суда РФ «фактически дописывают законодательные акты по тем вопросам, где имеются пробелы в законах и существенные противоречия». Кроме того, он отмечает, что «после оценки обзоров судебной практики Верховный Суд обнаруживает слабые места в законодательстве и практике его применения и в своих постановлениях устраняет их»²⁸.

Г. А. Борисов указывает на наличие существующей неопределенности по поводу определения правовой природы постановлений и обзоров, которые создаются Пленумом и Президиумом Верховного Суда РФ²⁹. По мнению В. В. Сорокина, если имеются пробелы и противоречия в законодательстве, то именно постановления Верховного Суда РФ «фактически дописывают законодательные акты» в финансовой сфере с целью ликвидации недостатков³⁰.

Судебная практика по вопросам, связанным с финансово-правовой сферой, представляет собой систему разъяснений, обобщений, результатов, итогов судебной деятельности в области регулирования специфических видов отношений, возникающих в сфере аккумуляции, распределения, а также использования денежных средств в нашем государстве.

Судебная система обладает рядом специфических особенностей в отношении решений, которые принимаются законодательной и исполнительной властью, при их проверке суды имеют полномочия в отношении отмены, могут направить дело на новое рассмотрение, а также принять свое решение. Оценивая роль решений Верховного Суда РФ, направленных

²² См.: Лебедев В. Указ. соч.

²³ См.: Бондарь Н. С. Единство теории и практики одинаково важно как для маститых профессионалов, так и для студентов юридических вузов // Судья. 2022. № 12. С. 7.

²⁴ См.: Момотов В. В. Пространство права и власть технологий в зеркале судебной практики: современный взгляд // Журнал российского права. 2023. № 2. С. 120–121.

²⁵ См.: Гетман Е. С. Женщина в судебной власти // Судья. 2023. № 3. С. 3.

²⁶ См.: Герейханова А. Право на защиту. Владимир Путин выступил за дальнейшее повышение справедливости и доступности правосудия // Российская газета. № 270 (8918). 30 ноября 2022 г.

²⁷ Борисов Г. А. Роль верховных судов в формировании единообразной судебной практики: тенденции на постсоветском пространстве // Российское правосудие. 2023. № 4. С. 80.

²⁸ См.: Сорокин В. В. Теория права и государства : учебник. М. : Проспект, 2023. С. 308.

²⁹ Борисов Г. А. Указ. соч. С. 80.

³⁰ См.: Сорокин В. В. Указ. соч. С. 308.

на обеспечение единства судебной практики, В. Д. Зорькин констатировал, что «в спорах о праве точку над і по общему правилу должен поставить именно суд»³¹, это касается финансовых споров, одним из видов которых являются налоговые споры, их особенность заключается в предмете спора, его рассмотрении, вынесении решений, механизме их реализации.

Например, это касается проведения закрытых судебных заседаний, так как они могут быть связаны с сохранением различных видов тайн и сведений, в частности персональных данных, государственной тайны, банковской тайны, служебной тайны, коммерческой тайны, медицинской тайны, личной тайны и т.д. В отношении сохранения государственной тайны суды по своей инициативе проводят закрытые заседания, при этом волеизъявление участвующих в деле лиц не учитывается. Особую опасность представляют судебные заседания по налоговым спорам, связанным с разглашением сведений, содержащих персональные данные субъектов финансовых отношений. Такие данные могут находиться в протоколах допросов физических лиц, при этом необходимо учитывать их согласие на распространение сведений, кроме того, это могут быть выписки с расчетных счетов, другие банковские документы. В связи с этим суды, принимая решение о проведении закрытых или открытых судебных заседаний, ссылаясь на законодательство, должны учитывать огромное количество нюансов по каждому спору. Таким образом, на любой стадии арбитражного процесса после возбуждения производства по делу возможно проведение закрытых заседаний. При этом ходатайствовать о проведении такого заседания могут как налоговые органы, так и налогоплательщики.

Современная финансовая система должна обеспечивать возможности реализации прав и именно законных интересов участников финансовых правоотношений. В том случае если приоритет будет отдаваться защите публично-правовых интересов, будет падать авторитет судебной власти как ветви государственной власти, что будет негативно отражаться на единой системе публичной власти; если наоборот — частноправовым интересам, то это повлечет негативные последствия для системы публичных финансов, а также для построения России как правового и социального государства.

Ярким примером, иллюстрирующим указанную ситуацию, является сложившаяся в последнее время практика Верховного Суда РФ³² в отношении пополнения доходной части федерального бюджета за счет имущества, конфискованного у лиц, совершивших коррупционные правонарушения³³. Позиция Верховного Суда РФ по данному вопросу является однозначной. Так, Верховный Суд РФ отказал в удовлетворении кассационной жалобы в интересах родственников Д. В. Захарченко (об изъятии имущества на 9 млрд руб. в доход государства); в отношении имущества бывшего руководителя управления «К» Службы экономической безопасности ФСБ России К. В. Черкалина (в размере 6 млрд руб.). Решения судов о взыскании с третьих лиц имущества, полученного от должностного лица, оцениваются неоднозначно. В связи с этим С. Н. Швердяев предлагает пересмотреть, «переосмыслить» концепцию законодательства о декларировании доходов и расходов публичных должностных лиц³⁴.

По-видимому, 10-летний юбилей принятия Федерального закона от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, за-

³¹ См.: Выступление Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В. Д. Зорькина на X Всероссийском съезде судей // Судья. 2023. № 1. С. 15.

³² См., например: Обзор судебной практики по делам по заявлениям прокуроров об обращении в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30 июня 2017 г.) // Документ опубликован не был. URL: <https://www.vsrf.ru/documents/all/16173/> (дата обращения: 28.03.2023).

³³ См., например: постановление Конституционного Суда РФ от 29.11.2016 № 26-П «По делу о проверке конституционности подпункта 8 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 17 Федерального закона “О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам” в связи с запросом Верховного суда Республики Башкортостан» // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7169.

³⁴ См.: Швердяев С. Н. Обращение в доход государства денежных средств публичных должностных лиц в порядке антикоррупционного контроля: новелла российского законодательства // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 5. С. 10.

мещающих государственные должности, и иных лиц их доходам»³⁵ ознаменовался законопроектом, внесенным в Государственную Думу РФ группой депутатов, предлагающих внесение изменений в ст. 235 ГК РФ, которая должна (как отмечено в пояснительной записке) защитить лиц от необоснованного изъятия их имущества, так как «презумпция незаконности доходов вступает в противоречие с презумпцией невиновности, установленной уголовным и административным законодательством Российской Федерации». В связи с этим правовые позиции Верховного Суда РФ в данном вопросе, при его положительном решении в предлагаемом варианте, практически будут сведены к нулю.

Можно резюмировать, что финансовая устойчивость российского государства, механизм защиты финансовой системы строится в современных условиях в большей степени через судебную защиту структурных элементов финансовой системы, среди которых важное значение придается налоговой и банковской системам, о чем свидетельствуют результаты судебной практики Верховного Суда РФ³⁶.

При этом следует отметить неоднозначность научных подходов и доктринального толкования самого понятия «судебная практика». Особенно наглядно это проявляется в финансовом законодательстве, характеризующемся конфликтным характером регулируемых им отношений. Поэтому и судебная практика в данной сфере отличается многообразием правовых подходов и решений. Например, в налоговой сфере это касается определения элементов на-

логообложения, наличие которых обязательно (кроме налоговой льготы, так как это факультативный элемент) для того, чтобы налог считался законно установленным.

Судебная практика свидетельствует, что количество налоговых споров, рассмотренных в арбитражных судах в 2021 г., составляло 16 567 дел, в 2022 г. — 24 000 дел, т.е. прослеживается тенденция к увеличению количества налоговых споров (рост на 44,8 %)³⁷.

Следует также отметить, что периодически в российской доктрине возникают идеи образования новых специализированных судов, в частности финансовых судов, несмотря на палитру разногласий в отношении данного вопроса, от отрицательного подхода (в частности, определенные опасения в стремлении к институциональной специализации обосновывают В. В. Захаров³⁸ и Д. Н. Бахрах³⁹) до положительной, одобрительной⁴⁰.

По мнению А. Р. Юлдашева, «функционирование специальных судов позволяет учитывать специфические особенности правовых конфликтов при рассмотрении конкретных дел»⁴¹.

Одним из основных аргументов создания специализированных (административных) судов В. И. Майоров и В. В. Денисенко считают борьбу с коррупционными проявлениями во всех эшелонах власти, «а также отсутствие полной независимости судов общей юрисдикции от органов местной власти, оказывающих судам определенную материальную поддержку в связи с их недостаточным финансированием»⁴².

³⁵ СПС «КонсультантПлюс».

³⁶ См., например: Обзор судебной практики Верховного Суда РФ 2021. № 4 (определение № 308-ЭС21-6663) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 4. С. 37–38 ; постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 1. С. 9–14 ; *Брызгалин А. В., Федорова О. С., Королева М. В., Зырянов А. В.* Судебная практика по налоговым и финансовым спорам. 2021 год // *Налоги и финансовое право*. 2022. № 4. С. 8–129.

³⁷ См.: *Подносова И. Л.* Арбитражные суды играют важную роль в поддержании стабильности и устойчивости экономических связей // *Судья*. 2023. № 4. С. 24.

³⁸ *Захаров В. В.* Специализация судей как средство совершенствования правосудия // *Российский судья*. 2019. № 1. С. 31–36.

³⁹ *Бахрах Д. Н.* Нужна специализация судей, а не судов // *Российская юстиция*. 2003. № 2. С. 10–11.

⁴⁰ См.: *Демин А. А.* Необходимость одновременного введения судов административной юстиции и Административно-процессуального кодекса // *Проблемы защиты публичных и частных интересов в административных судах : материалы конференции / отв. ред. В. И. Радченко*. М. : Российская академия правосудия, 2001. С. 216–220.

⁴¹ *Юлдашев А. Р.* Финансовые суды в Германии. М. : Анкил, 2000. С. 4.

⁴² *Майоров В. И., Денисенко В. В.* К вопросу о возможности создания административных судов в России // *Административное право и процесс*. 2020. № 1. С. 37.

Поучительным представляется опыт Китайской Народной Республики, в которой сформированы и успешно действуют финансовые суды. В частности, в 2018 г. был создан Шанхайский финансовый суд в качестве специального народного суда, рассматривающий дела, связанные с финансовой сферой, Пекинский финансовый суд учрежден в 2021 г. Характерной чертой судебной системы указанного государства является профессиональная специализация судебных органов, которая применяется в отношении споров в четырех наиболее важных сферах: финансах, интеллектуальной собственности, при регулировании интернет-отношений, в международной торговле. К преимуществам специализированных судов, в частности в отношении финансов, можно отнести: наличие и использование специальных знаний именно в области финансов; повышенный уровень компетентности специалистов; наличие и использование приобретенного опыта судей, минимизацию коллизий; повышение уровня доверия граждан к судебной системе; последовательный характер выносимых решений; эффективность осуществления правосудия.

Учитывая важность механизмов судебной защиты отношений, возникающих в финансовой сфере, судебную нагрузку на судей, зарубежную практику (в частности, деятельность федерального финансового суда Германии, финансового суда Греции, финансового трибунала Эквадора, опыт организации и деятельности специализированных судов Казахстана⁴³, Китайской Народной Республики) применительно к нашему государству, полагаем целесообразным поддержать позицию ученых о формировании в Российской Федерации финансовых судов.

Безусловно, это вопрос не ближайшей перспективы, но в будущем их формирование представляется необходимым в свете приобщения их к принятию новой Конституции РФ, которое, по предположению ученых, должно состояться в 2025–2026 гг.⁴⁴

По мнению А. И. Щукина, формирование специализированных судов, в том числе в сфере финансов, должно являться «стратегической

целью дальнейшего совершенствования отечественной судебной системы»⁴⁵.

Представляется, что формирование финансовых судов в Российской Федерации должно способствовать обеспечению целостности и укрепления финансовой системы государства. Аргументом в пользу создания системы финансовых судов РФ является отсутствие формальной специализации в деятельности арбитражных судов. Арбитражным судам подведомственны как частноправовые, так и публично-правовые споры. Отмечается также возрастающая сложность рассматриваемых судами финансово-правовых споров. Создание системы специализированных финансовых судов должно способствовать дальнейшему формированию качественных финансовых отношений и привлечению на внутренний рынок иностранных инвесторов. Финансовые суды могут выполнить роль гаранта защиты прав иностранных инвесторов. В спорных ситуациях участники финансовых правоотношений при обращении в специализированные финансовые суды могут использовать аргументацию, опираясь на узкоспециализированные финансово-правовые нормы, что может способствовать более оперативному рассмотрению и разрешению финансовых споров.

Заключение

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод, что принимаемые государством меры, направленные на укрепление финансовой системы, в настоящее время представляются недостаточно эффективными, о чем свидетельствуют продолжающийся отток капитала из страны; запрет на использование российских международных резервов; отсутствие механизма реализации отдельных финансово-правовых норм; низкий уровень правовой (особенно финансово-правовой) культуры непосредственно граждан, должностных лиц в указанной сфере и государства; высокий уровень коррупции в финансовой сфере; отсутствие доверия граждан к проводимой

⁴³ См.: *Аблаева Э. Б.* Специализированные экономические, финансовые и административные суды Казахстана: история возникновения, современное состояние, перспективы развития // *Lex russica*. 2020. № 3. С. 121–134.

⁴⁴ См.: *Клеандров М. И.* Об основах механизма судебной власти в новой Конституции Российской Федерации // *Журнал конституционного правосудия*. 2022. № 8 (86). С. 18.

⁴⁵ *Щукин А. И.* Специализация судов в Китае как национальная стратегия развития государства (ч. II) // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2023. Т. 19, № 2. С. 66–77.

в стране финансово-правовой политике; недостаточность и необъективность информации о состоянии российской финансовой системы.

В целях развития и совершенствования действующего законодательства необходимо рассмотреть возможные перспективы законодательного закрепления понятия «финансовая система Российской Федерации», а также определения количественных и содержательных аспектов ее структурных элементов. При этом финансовая система Российской Федерации и ее структура должны быть синхронизированы с действующим бюджетным, банковским, валютным, налоговым и другим законодательством. Указанные виды законодательства оформляют существующие подотрасли права и правовые институты, которые уже имеют значительную правоприменительную базу и положительный

опыт. Правовые позиции, сформулированные Верховным Судом РФ, также должны быть фундаментом для формирования общего финансового законодательства, основу которого должны составить такие явления, как финансовая система и структурные элементы финансовой системы РФ.

На фоне отмеченных проблем, безусловно, будет возрастать роль судебной системы, особенно деятельности Верховного Суда РФ, что в общих чертах вытекает из положений ст. 126 Конституции РФ, в использовании терминов «Верховный» и «высший», так как Верховный Суд РФ является высшим судебным органом для четырех видов судопроизводств⁴⁶ с приоритетным направлением в сфере обеспечения целостности и укрепления финансовой системы России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аблаева Э. Б. Специализированные экономические, финансовые и административные суды Казахстана: история возникновения, современное состояние, перспективы развития // *Lex russica*. 2020. № 3. С. 121–134.

Бахрах Д. Н. Нужна специализация судей, а не судов // *Российская юстиция*. 2003. № 2. С. 10–11.

Бондарь Н. С. Единство теории и практики одинаково важно как для маститых профессионалов, так и для студентов юридических вузов // *Судья*. 2022. № 12. С. 4–9.

Борисов Г. А. Роль верховных судов в формировании единообразной судебной практики: тенденции на постсоветском пространстве // *Российское правосудие*. 2023. № 4. С. 74–81.

Брызгалин А. В., Федорова О. С., Королева М. В., Зырянов А. В. Судебная практика по налоговым и финансовым спорам. 2021 год // *Налоги и финансовое право*. 2022. № 4. С. 8–129.

Выступление Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В. Д. Зорькина на X Всероссийском съезде судей // *Судья*. 2023. № 1.

Годме П. М. Финансовое право. М.: Прогресс, 1978. 428 с.

Грачева Е. Ю., Арзуманова Л. Л. Доктрина науки финансового права: эволюционное развитие и современность // *Журнал российского права*. 2023. Т. 27, № 5. С. 171–186.

Демин А. А. Необходимость одновременного введения судов административной юстиции и Административно-процессуального кодекса // *Проблемы защиты публичных и частных интересов в административных судах: материалы конференции / отв. ред. В. И. Радченко*. М.: Российская академия правосудия, 2001. С. 216–220.

Гетман Е. С. Женщина в судебной власти // *Судья*. 2023. № 3. С. 3.

Запольский С. В. О финансовой политике в Российской Федерации и правовых формах ее глобальной реализации // *Финансовое право*. 2020. № 4. С. 7–11.

Захаров В. В. Специализация судей как средство совершенствования правосудия // *Российский судья*. 2019. № 1. С. 31–36.

Зайцев О. А., Кучина Я. О. Сравнительно-правовые элементы трансформации уголовного права для защиты цифровых отношений // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2023. Т. 19, № 2. С. 21–31.

Клеандров М. И. Об основах механизма судебной власти в новой Конституции Российской Федерации // *Журнал конституционного правосудия*. 2022. № 2 (86). С. 18–23.

⁴⁶ Конституция Российской Федерации (принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобрена в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.) // *Российская газета*. № 237 (853). 25 декабря 1993 г.

- Лебедев В. М. Не судите строго // Российская газета. № 269 (8917). 29 ноября 2022 г.
- Майоров В. И., Денисенко В. В. К вопросу о возможности создания административных судов в России // Административное право и процесс. 2020. № 1. С. 36–40.
- Момотов В. В. Пространство права и власть технологий в зеркале судебной практики: современный взгляд // Журнал российского права. 2023. № 2. С. 112–124.
- Подносова И. Л. Арбитражные суды играют важную роль в поддержании стабильности и устойчивости экономических связей // Судья. 2023. № 4. С. 23–28.
- Соколова Э. Д. Теоретические и правовые основы финансовой деятельности государства и муниципальных образований / под ред. Е. Ю. Грачевой. М. : Юриспруденция, 2007. 136 с.
- Сорокин В. В. Теория права и государства : учебник. М. : Проспект, 2021. 584 с.
- Старилов Ю. Н. Консерватизм правовой политики как гарантия прогресса в сфере административных и иных публичных правоотношений // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». 2023. № 1. С. 7–32.
- Хабриева Т. Я., Капустин А. Я. Международное право и санкции. Поиск границ допустимого // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89, № 1. С. 3–9.
- Шевурдяев С. Н. Обращение в доход государства денежных средств публичных должностных лиц в порядке антикоррупционного контроля: новелла российского законодательства // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 5. С. 3–10.
- Щукин А. И. Специализация судов в Китае как национальная стратегия развития государства (ч. II) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19, № 2. С. 66–77.
- Юлдашев А. Р. Финансовые суды в Германии. М. : Анкил, 2000. 136 с.

REFERENCES

- Ablaeva EB. Specialized Economic, Financial and Administrative Courts of Kazakhstan: History, Current Status, Development Prospects. *Lex russica*. 2020;3:121-134. (In Russ.).
- Bakhrakh DN. Specialization of judges is needed, not courts. *Rossiyskaya Justitsiya*. 2003;2:10-11. (In Russ.).
- Bondar NS. The unity of theory and practice is equally important for both venerable professionals and law students. *Sudya [The Judge]*. 2022;12:4-9. (In Russ.).
- Borisov AG. Role of Supreme Courts in Ensuring Uniform Judicial Practice: Trends in the Post-Soviet Space. *Russian Justice System*. 2023;4:74-81. (In Russ.).
- Bryzgalin AV, Fedorova OS, Koroleva MV, Zyryanov AV. Judicial practice in tax and financial disputes. The year 2021. *Nalogi i finansovoe pravo [Tax and Financial Law]*. 2022;4:8-129. (In Russ.).
- Demin AA. The need for simultaneous introduction of administrative justice courts and the Administrative Procedure Code. In: Radchenko VI (ed.). *Problems of protection of public and private interests in administrative courts: Conference Proceedings*. Moscow: Russian Academy of Justice Publ.; 2001. (In Russ.).
- Getman ES. The Woman in the Judiciary. *Sudja [The Judge]*. 2023;3:3. (In Russ.).
- Godme PM. Financial law. Moscow: Progress Publ.; 1978. (In Russ.).
- Gracheva EYu, Arzumanova LL. The doctrine of the science of financial law: evolutionary development and modernity. *Journal of Russian Law*. 2023;27(5):171-186. (In Russ.).
- Khabrieva TYa, Kapustin AYa. International law and sanctions. Search for acceptable boundaries. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*. 2019;89(1):3-9. (In Russ.).
- Kleandrov MI. On the basics of the mechanism of judicial power in the new Constitution of the Russian Federation. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya*. 2022;2(86):18-23. (In Russ.).
- Lebedev VM. Don't judge strictly. *Rossiyskaya Gazeta*. 2022;269(8917). 29 November 2022. (In Russ.).
- Mayorov VI, Denisenko VV. On the question of the possibility of creating administrative courts in Russia. *Administrativnoe pravo i protsess*. 2020;1:36-40. (In Russ.).
- Momotov VV. The Space of Law and the Power of Technology in the Mirror of Judicial Practice: a modern view. *Journal of Russian Law*. 2023;2:112-124. (In Russ.).
- Podnosova IL. Arbitration courts play an important role in maintaining the stability and sustainability of economic ties. *Sudya [The Judge]*. 2023;4:23-28. (In Russ.).
- Shchukin AI. Specialization of courts in China as a national strategy for the development of the state (Part II). *Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence*. 2023;19(2):66-77. (In Russ.).

Sheverdyayev SN. Forfeiture of Cash of Public Officials to the State within the Anti-Corruption Control Procedure: a Novelty of Russian Law. *Constitutional and Municipal Law*. 2022;5:3-10. (In Russ.).

Sokolova ED. Theoretical and legal foundations of financial activity of the state and municipalities. Ed. by Gracheva EYu. Moscow: Jurisprudence Publ.; 2007. (In Russ.).

Sorokin VV. Theory of Law and the State. Moscow: Prospect Publ.; 2021. (In Russ.).

Speech by the Chairman of the Constitutional Court of the Russian Federation V. D. Zorkin at the 10th All-Russian Congress of Judges. *Sudya [The Judge]*. 2023;1:15. (In Russ.).

Starilov YuN. Conservatism of legal policy as a guarantee of progress in the field of administrative and other public legal relations. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*. 2023;1:7-32. (In Russ.).

Yuldashev AR. Financial courts in Germany. Moscow: Ankil Publ.; 2000. (In Russ.).

Zaitsev OA, Kuchina YaO. Comparative legal elements of the transformation of criminal law for the protection of digital relations. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence*. 2023;19(2):21-31. (In Russ.).

Zakharov VV. Specialization of judges as a justice improvement means. *Russian Judge*. 2019;1:31-36. (In Russ.).

Zapolskiy SV. On the financial policy in the Russian Federation and legal forms of its global implementation. *Financial Law*. 2020;4:7-11. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гриценко Валентина Васильевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного и административного процессуального права юридического факультета Воронежского государственного университета
д. 10а, Ленина пл., г. Воронеж 394018, Российская Федерация
vvgritsenko@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valentina V. Gritsenko, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor, Department of Administrative and Administrative Procedural Law, Faculty of Law, Voronezh State University
10a, Lenina St., Voronezh 394018 Russian Federation
vvgritsenko@mail.ru

Материал поступил в редакцию 26 июня 2023 г.

Статья получена после рецензирования 27 июня 2023 г.

Принята к печати 17 октября 2023 г.

Received 26.06.2023.

Revised 27.06.2023.

Accepted 17.10.2023.

DOI: 10.17803/1729-5920.2023.204.11.041-056

И. А. Кравец

Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет (НГУ)
г. Новосибирск, Российская Федерация

Коммуникативный конституционализм, конституционное вовлечение и гражданство в публично-правовом пространстве алгоритмического и информационного общества

Резюме. В статье обсуждаются теоретические основы и методологическое значение коммуникативного конституционализма, создается научный базис конституционной коммуникации в публично-правовом пространстве, показываются проблемы конституционно-правового характера, возникающие в информационном обществе. Коммуникативный конституционализм и цифровое гражданство рассматриваются в качестве гибридных институтов в публично-правовом и информационном пространстве. Автор обращает внимание на природу и значение института общественного участия или института участия общественности в публично-правовом пространстве, различные формы его проявления, отмечает процесс институционализации конституционного права как права общества и общественных интересов, опираясь на исследования отечественных и зарубежных ученых. В статье раскрываются публично-правовая природа коммуникативного конституционализма, комплексная природа и трансформация гражданства как публично-правового и информационно-цифрового образования. В качестве выводов отмечается, что существует разрозненность и дисперсность правового регулирования и институционального дизайна институтов общественных инициатив, общественных обсуждений и выявления общественного мнения по публично значимым вопросам, проектам нормативных правовых актов, конституционным изменениям; отсутствует гарантированный конституционным законодательством институт научной экспертизы наряду с общественным обсуждением.

Предлагается в порядке правовых научных инициатив: 1) инкорпорировать в структуру законодательства принцип научного федерализма и участия общественности в разработке проектов поправок к Конституции РФ и проекта новой конституции; 2) закрепить на законодательном или конституционно-правовом уровне обязанность субъектов права инициативы по пересмотру Конституции и внесению конституционных поправок направлять проекты поправок, внесенные в Государственную Думу, в ведущие университеты страны, в научные институты РАН с целью проведения обсуждений и принятия заключений; 3) создать гарантии законодательного характера для привлечения граждан посредством интернет-технологий для обсуждения содержания поправок к Конституции, проекта новой конституции, в том числе с правом предлагать редакции отдельных норм.

Ключевые слова: коммуникативный конституционализм; информационное общество; алгоритмическое общество; цифровое гражданство; конституционное вовлечение; цифровой конституционализм; информационная грамотность; конституционная коммуникация; делиберативная демократия

Для цитирования: Кравец И. А. Коммуникативный конституционализм, конституционное вовлечение и гражданство в публично-правовом пространстве алгоритмического и информационного общества. *Lex russica*. 2023. Т. 76. № 11. С. 41–56. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.204.11.041-056

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00627 (URL: <https://rscf.ru/project/23-28-00627/>) «Коммуникативный конституционализм и конституционная мобилизация: проблема делиберативного участия в публичном и информационном пространстве и трансформация системы публичной власти (концепты, нормы и институциональные механизмы)».

© Кравец И. А., 2023

Communicative Constitutionalism, Constitutional Involvement and Citizenship in the Public Legal Space of Algorithmic and Information Society

Igor A. Kravets

Novosibirsk National Research State University (NSU)
Novosibirsk, Russian Federation

Abstract. The paper dwells on theoretical foundations and methodological significance of communicative constitutionalism, provides an academic basis for constitutional communication in the public legal space, shows the problems of constitutional law nature arising in the information society. Communicative constitutionalism and digital citizenship are considered as hybrid institutions in the field of public law and information space. The author draws attention to the nature and significance of the institute of public participation or the institute of public participation in the public law area, various forms of its manifestation, notes the process of institutionalization of constitutional law as the law of society and public interests based on the research of domestic and foreign scholars. The paper explains the public law nature of communicative constitutionalism, the complex nature and transformation of citizenship as a public law and as an information-digital entity. As a conclusion, it is noted that there is a fragmentation and dispersion of legal regulation and institutional design of institutions of public initiatives, public discussions and the identification of public opinion concerning publicly significant issues, draft regulatory legal acts, and constitutional amendments. There is no institution of scientific expertise guaranteed by constitutional legislation along with public discussion.

In the order of legal scientific initiatives the author proposes to: 1) incorporate into the legislation the principle of scientific federalism and public participation in the development of draft amendments to the Constitution of the Russian Federation and the draft of a new Constitution; 2) consolidate at the legislative or constitutional law level the obligation of subjects of the initiative to revise the Constitution and constitutional amendments to send draft amendments submitted to the State Duma, to the leading universities of the country, research institutes of the Russian Academy of Sciences in order to conduct discussions and adopt conclusions; 3) create legislative guarantees to attract citizens through Internet technologies to discuss the content of amendments to the Constitution, the draft of a new Constitution, including the right to propose revisions of certain norms.

Keywords: communicative constitutionalism; information society; algorithmic society; digital citizenship; constitutional involvement; digital constitutionalism; information literacy; constitutional communication; deliberative democracy

Cite as: Kravets IA. Communicative Constitutionalism, Constitutional Involvement and Citizenship in the Public Legal Space of Algorithmic and Information Society. *Lex russica*. 2023;76(11):41-56. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2023.203.10.041-056

Acknowledgements. The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-00627, <https://rscf.ru/project/23-28-00627> («Communicative constitutionalism and constitutional mobilization: the problem of deliberative participation in the public and information space and the transformation of the system of public power (concepts, norms and institutional mechanisms»)).

Коммуникативный конституционализм в информационном обществе: определение, предметная сфера и методологические аспекты

Новые качества конституционного права формируются на наших глазах. Наряду с традиционными, появляются *новые направления* развития в конституционном праве, среди которых, как отмечает С. А. Авакьян, приобретение более

тесных связей с обществом, при этом сохраняется «адресная связь с государством» (конституционное право «всё в большей мере становится **правом общества**»); констатируется, что «масштабы влияния общественных сил на государственные дела тоже радикально меняются»¹.

Институт общественного участия, или институт участия общественности в пуб-

¹ Авакьян С. А. Основные тенденции современного развития конституционного права // Конституционное право: итоги развития, проблемы и перспективы : сборник материалов международной научной конференции / отв. ред. С. А. Авакьян. М. : РГ-Пресс, 2017. С. 6.

лично-правовом пространстве, с его различными формами проявления, несомненно, отражает процесс институционализации конституционного права как *права общества и общественных интересов*. Среди активно используемых в конституционно-правовом пространстве страны институтов, обеспечивающих включение *общества и общественных интересов* в процесс обсуждения и принятия решений по публично значимым вопросам на различных уровнях организации публичной власти, следует отметить институты общественных палат, общественных советов, публичных слушаний, правотворческих инициатив граждан, инициативных проектов (особенно на муниципальном уровне), российских общественных инициатив² и общественных обсуждений проектов нормативных правовых актов (например, портал для размещения информации о подготовке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения³). Институты общественного участия содействуют развитию в доктрине и практике российского конституционализма *общественного коммуникационного пространства и права общественных интересов*.

Институт общественного участия тесно связан с конституционным развитием страны, а участие общественности — важная составляющая в процессе конституционных изменений и преобразований. Так, существовало ясное понимание того, что Закон РФ о поправке к Конституции РФ 2020 г.⁴ реализует новый этап конституционной модернизации страны; поэтому важно понимать изменения Конституции

России в «контексте глобального конституционного развития»⁵. Среди глобальных трендов в сравнительном исследовании конституционных изменений признается следующее направление: расширение привлечения граждан и общественности как к процессу разработки, обсуждения и принятия поправок к действующей конституции, так и к разработке проекта новой конституции. Исследователи отмечают, что практика конституционных изменений в первые два десятилетия XXI в. показывает, что в нормативном, технологическом и институциональном плане постепенно пересматривается роль народа и его представителей в конституционном дизайне и конституционных изменениях⁶.

Такой тренд расширенного участия института общественности в конституционных изменениях, несомненно, влияет на создание новых и расширение старых форм конституционной коммуникации и конституционного правотворчества, в том числе *народного конституционного правотворчества*.

Новые качества приобретают и ставшие традиционными для конституционного права категории, среди которых и категория «конституционализм». Традиционное представление о конституционализме как концепции, объясняющей верховенство конституции в правовой системе страны, развивается под влиянием *информационного и алгоритмического общества, доктрины правовой коммуникации, потребностей конституционного вовлечения граждан, общественных объединений для участия в публично-правовом пространстве, в том числе для обсуждения вопросов, имеющих кон-*

² Портал «Российская общественная инициатива» (URL: <https://www.roi.ru>) создан во исполнение Указа Президента РФ от 04.03.2013 № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса “Российская общественная инициатива”» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Федеральный портал проектов нормативных правовых актов (официальный сайт для размещения информации о подготовке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения). URL: <https://regulation.gov.ru/> (дата обращения: 12.05.2023).

⁴ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Хабриева Т. Я., Клишас А. А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М. : Норма, Инфра-М, 2022. С. 16.

⁶ Contiades X., Fotiadou A. Introduction: Participatory Constitutional Change // Participatory Constitutional Change: The People as Amenders of the Constitution / ed. by X. Contiades, A. Fotiadou. Abingdon ; New York : Routledge, 2017. P. 1–2, 6.

ституционное значение или касающихся конституционных изменений.

Информационное и алгоритмическое общество создает новые условия и возможности для реализации прав, правовой коммуникации и политического участия; одновременно общество с широким использованием информационных и цифровых технологий и внедрением элементов алгоритмического управления порождает новые угрозы, связанные с проблемой подлинной цифровой идентификации личности, манипулированием результатами цифрового голосования, случаями анонимного использования цифровых сетей и др.

Появляется на доктринальном уровне и в политико-правовой практике современных государств (с учетом использования информационных и цифровых технологий) *коммуникативный конституционализм*, который как *публично-правовая категория* становится новой исследовательской парадигмой. *Коммуникативный конституционализм* в информационном и правовом пространстве и *конституционная мобилизация в публичной сфере*, приводящая к модернизации политико-правовых институтов, — это сравнительно новое междисциплинарное направление в исследовании современной конституционной и политико-правовой системы России в контексте мировых трендов, соперничающих между собой на геополитической карте миропорядка⁷.

Для обоснования *коммуникативного конституционализма* в данной статье имеют значение две ключевые концепции, которые одновременно формируют представление о *новом качестве публично-правовой коммуникации* в конституционном пространстве и конституционном праве: 1) *теория консти-*

туционного правопользования (В. И. Крусс)⁸ и 2) *теория коммуникативного действия или коммуникативной деятельности* (Ю. Хабермас)⁹. *Идея конституционного правопользования* в условиях информационного и алгоритмического общества и делиберативного участия приобретает новые технические средства, телеологическую (стратегическую) и нормативно установленную обусловленность и моральное оправдание в различных сферах реализации прав и свобод. *Идея коммуникативного действия (или коммуникативной деятельности)* в публично-правовой сфере, несомненно, развивается через обоснование, рационализацию, постижение и выражение информационных интересов в *конституционной коммуникации* — важной предметной сфере взаимодействия граждан, государства, институтов гражданского общества для обсуждения и принятия конституционно значимых решений как через традиционные формы и институты делиберативного и императивного участия, так и через новые технологические формы (Интернет, цифровые обсуждения, голосования, краудсорсинг).

Конституционная коммуникация — это разновидность активного взаимодействия различных субъектов права в публично-правовом и информационном пространстве. Данный вид коммуникации соединяет элементы правового, политического и информационного характера, обеспечивая работу и проявление ее *тройственной природы* (правовой, политической, информационной). Следовательно, доктрина *конституционной коммуникации* возникает как результат конвергенции правового и политического взаимодействия различных субъектов права по конституционно значимым вопросам и использования новейших информационных

⁷ Карточка поддержанного Российским научным фондом проекта № 23-28-00627 «Коммуникативный конституционализм и конституционная мобилизация: проблема делиберативного участия в публичном и информационном пространстве и трансформация системы публичной власти (концепты, нормы и институциональные механизмы)» // URL: <https://rscf.ru/project/23-28-00627/>.

⁸ Крусс В. И. Теория конституционного правопользования: монография. М. : Норма, 2007 ; Он же. Конституционное правопользование и юридическая ответственность // Государство и право. 2007. № 6. С. 13–20.

⁹ Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности = *Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns* : пер. с нем. М. : Весь мир, 2022 (первоначально переводилась и осмыслялась как «теория коммуникативного действия», см.: Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия (фрагменты) // Вопросы социальной теории. 2007. Т. 1. Вып. 1. С. 229–245) ; Вербилович О. Теория коммуникативного действия: ключевые категории и познавательный потенциал // Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади : коллективная монография / под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова. М. : Вариант : ЦСПГИ, 2013. С. 35–52.

и цифровых технологий для участия в обсуждении и принятии решений в публично-правовом пространстве.

Вопросы формирования нормативных, интеллектуальных и институциональных основ конституционной коммуникации базируются на ранее опубликованных результатах исследования, посвященных вопросам понимания и предупреждения рисков конституционной революции¹⁰, использованию элементов делиберативного участия в конституционном развитии России¹¹, совершенствованию коммуникативных возможностей политического участия в механизме конституционной модернизации с учетом ретроспективных аспектов¹².

Феномен коммуникативного конституционализма возникает на широкой теоретической и методологической основе, которая представляет собой симбиоз юридических, философских, политических, информационных знаний. *Коммуникативный конституционализм* основывается на открытой динамической модели взаимоотношений общества и государства в контексте осуществления как конституционной, так и обычной законодательной политики. *Программа коммуникативного конституционализма может рассматриваться*

в качестве новой парадигмы исследований конституционализма и делиберативной демократии. Данная программа нуждается в создании концептуальных, нормативных, институциональных и функциональных основ (коммуникативного конституционализма) в контексте форм делиберативного участия в публичном пространстве в условиях информационного общества и цифровой правовой среды. Ключевыми научными подходами, положенными в основу анализа *коммуникативного конституционализма*, стали концепции в области юриспруденции, политической теории и философии. Во-первых, среди юридических концепций важное (хотя и не единственное) место занимают: концепция «право-как-целостность» (Р. Дворкин)¹³ и концепция «право-как-коммуникация» (М. Ван Хук)¹⁴, российский вариант коммуникативной концепции права (А. В. Поляков¹⁵, другие авторы из петербургской школы¹⁶), а также значимая концепция *делиберативного конституционализма* (Р. Леви и др.)¹⁷ и формирующаяся концепция *цифрового конституционализма* (И. А. Кравец)¹⁸, *интернет-конституционализма* (А. Н. Медушевский)¹⁹ и *цифровых прав в публичной сфере, цифровизации национального правового*

¹⁰ Кравец И. А. Конституционные революции в исторической и современной юриспруденции: правовые и методологические аспекты // История государства и права. 2023. № 5. С. 6–14.

¹¹ Раздъяконова Е. В. Делиберативное участие в конституционном развитии России: теоретические аспекты и историческая ретроспектива // История государства и права. 2023. № 5. С. 15–20.

¹² Дробот С. Е. Коммуникативные возможности политического участия в механизме конституционной модернизации: ретроспективные аспекты и перспективы совершенствования // История государства и права. 2023. № 5. С. 21–26.

¹³ Dworkin R. Law's Empire. Cambridge, Massachusetts : Harvard University Press, 1986.

¹⁴ Ван Хук М. Право как коммуникация / пер. с англ. М. В. Антонова и А. В. Полякова. СПб. : Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, Университетский издательский консорциум, 2012.

¹⁵ Поляков А. В. Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование) : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2002.

¹⁶ Антонов М. В., Поляков А. В., Честнов И. Л. Коммуникативный подход и российская теория права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2013. № 6 (311). С. 78–95.

¹⁷ The Cambridge Handbook of Deliberative Constitutionalism / R. Levy, H. Kong, G. Orr, J. King (eds.). Cambridge : Cambridge University Press, 2018. DOI: 10.1017/9781108289474.

¹⁸ Кравец И. А. Информационный и цифровой конституционализм и конституционные общественные инициативы в условиях российского правового пространства // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 9. С. 9–15 ; Он же. Цифровой конституционализм: методологические и правовые аспекты // Государство и право. 2022. № 1. С. 19–33.

¹⁹ Медушевский А. Н. Конституция Интернета: идея, проекты и перспективы // Общественные науки и современность. 2019. № 1. С. 71–86 ; в более ранних работах о взаимодействии права и Интернета см.: Медушевский А. Н. Право и новые технологии: параметры регулирования Интернета (Рунета) // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. № 1. С. 106–113.

пространства (В. В. Невинский²⁰, С. М. Шахрай²¹, М. В. Залоило, Д. А. Пашенцев²² и др.). Во-вторых, среди политических концепций доминирующее положение занимают концепция *делиберативной демократии* (A. Bächtiger, J. S. Dryzek, J. Mansbridge и др.)²³ и концепция *демократии участия (партиципаторной демократии)* (К. Пейтман, Д. Циммерман и др.), которые в условиях использования современных информационных технологий модифицируются и распространяются на область информационных и цифровых отношений. В-третьих, в процессе информатизации и цифровизации общественных отношений и правовых институтов среди информационных концепций ведущее место отводится концепции *постиндустриального и информационного общества* и их критике (Д. Белл, Ф. Уэбстер и др.)²⁴, а также появившейся сравнительно недавно концепции *алгоритмического общества* (М. Шуйленбург, Р. Питерс)²⁵, углубляющей наши представления о роли алгоритмов в процессах управления и развития общества в цифровую эпоху. Информационное общество создает условия для того, чтобы человек (гражданин) выступал в двояком качестве: как *потребитель услуг, реализатор информационных интересов и своих прав* посредством современных технологий, одновременно приобретая статус *производителя услуг, субъекта права* для качественной (а не только количественной) их оценки (определения степени удовлетворенности услугой), *производителем общественных благ* в интернет-пространстве или *участником обсуждения и принятия решений* по общественно значимым вопросам.

В-четвертых, приобретают особое значение социолого-правовые и конституционные *концепции генеративной природы учредительной (конституирующей) власти, конституционного краудсорсинга и императивного и делиберативного участия института общественности* в конституционных изменениях, которые опираются на развитие взглядов С. А. Авакьяна о конституционной реформе и перспективах принятия новой конституции России²⁶, идей В. Е. Чиркина об опасности президентской модели изменения конституции²⁷ и В. В. Комаровой²⁸ о формах демократии, способах реализации различных форм и полномочий учредительной власти в российском и сравнительном конституционализме (на основе критического осмысления естественно-правового конституционализма, децизионизма и нормативизма).

Предметная область коммуникативного конституционализма только формируется, но уже сейчас она охватывает важнейшие сферы общественных отношений по вопросам конституционного характера в публичной сфере: 1) сферу предоставления государственных и муниципальных услуг; 2) сферу обсуждения желательности разработки и принятия поправок к Конституции РФ; 3) сферу разработки и обсуждения общественных инициатив, проектов нормативных правовых актов; 4) сферу делиберативного участия на различных уровнях организации публичной власти (в том числе инициативные проекты, правотворческие инициативы граждан, участие в общественных палатах и общественных советах).

²⁰ Невинский В. В. «Цифровые права» человека: сущность, система, значение // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 10. С. 26–32.

²¹ Шахрай С. М. Цифровая конституция. Основные права и свободы личности в тотально информационном обществе // Вестник Российской академии наук. 2018. Т. 88, № 12. С. 1075–1082.

²² Залоило М. В., Пашенцев Д. А. Национальный правопорядок России в условиях цифровизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10. Вып. 2. С. 196–209.

²³ The Oxford Handbook of Deliberative Democracy / Eds. by A. Bächtiger, J. S. Dryzek, J. Mansbridge, and M. E. Warren. Oxford University Press, 2018. URL: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780198747369.001.0001>.

²⁴ Webster F. Theories of the Information Society. 4th ed. Abingdon, Oxon ; New York, NY : Routledge, 2014.

²⁵ The Algorithmic Society. Technology, Power, and Knowledge / ed. by M. Schuilenburg, R. Peeters. Abingdon ; New York : Routledge, 2021.

²⁶ Авакьян С. А. О роли конституционного права в условиях новых задач и концептуальных решений для политического будущего России // Вестник Московского университета. Серия 11 «Право». 2023. № 1. С. 3.

²⁷ Чиркин В. Е. Конституция: российская модель. М. : Юристъ, 2002. С. 60.

²⁸ Комарова В. В. Учредительная власть и формы ее реализации // Современное общество и право. 2011. № 1. С. 13–19.

Гражданство XXI в. и конституционно-правовые проблемы коммуникации в публичном пространстве информационного и алгоритмического общества

XXI век характеризуется двумя перекрещивающимися тенденциями:

1) глобальным распространением различных культур с их этико-религиозной спецификой, нормативных порядков с возникновением множественных и (или) многослойных юрисдикций и уровней законности, публично-правовых и частноправовых репрезентаций, общественных и научных дискурсов, множественных доктринальных и юрисдикционных областей в сфере прав человека;

2) значительной сегментацией и локализацией национальных правовых систем, ограниченного действия норм и принципов международного права, смещением от универсальных международных договоров к двухсторонним или региональным (межрегиональным) международным организациям, увеличению международной напряженности вследствие поиска новых средств внутригосударственного и международного характера для обеспечения и упрочения государственного суверенитета государств на политической карте мира.

Следует обозначить несколько ключевых проблем конституционно-правового характера, которые возникают вследствие развития в российском и глобальном правовом пространстве институтов информационного и алгоритмического общества. Проводимые исследования международной группы ученых показывают значимость создания конституционных гарантий на вызовы алгоритмического общества²⁹.

Первая проблема: насколько конституционное право способно подключиться к регулированию форм взаимодействия информационной революции и современного конституционализма?

Существует противоречивая оценка форм взаимодействия информационной революции и публичного права в современных исследованиях. Одни авторы отрицают утверждение о том, что такая революция «оказывает прямое влияние на конституционные парадигмы» (это «было бы преувеличением и, в конце концов, неправдой»)³⁰. Другие отмечают специфику алгоритмического общества, в котором угрозы («основные») конституционным демократиям «больше не исходят исключительно от органов государственной власти, поскольку они исходят главным образом от частных акторов, управляющих пространствами, которые формально являются частными пространствами»³¹; однако на практике такие акторы выполняют функции органов публичной власти без необходимых гарантий в информационном и цифровом пространстве. В качестве важнейших направлений совершенствования правового (в том числе конституционного) регулирования и практики реализации форм взаимодействия информационной революции и современного конституционализма можно отметить следующие: 1) конституционализация информационных отношений и информационных технологий через информационные права, полномочия органов публичной власти, государственные гарантии реализации информационных интересов и информационных прав при использовании онлайн-технологий; 2) признание на конституционно-правовом уровне алгоритмической власти в качестве разновидности публичной власти, реализуемой в процессе разработки и принятия публично значимых решений в различных сферах (законодательной, исполнительно-распорядительной, правовой) на основе использования системы алгоритмов³²; выработка правовых регуляторов для идентификации, классификации алгоритмов и границ использования алгоритмической власти в публично-правовом пространстве.

²⁹ Pollicino O., Gregorio G. Constitutional Law in the Algorithmic Society // Constitutional Challenges in the Algorithmic Society / ed. by H.-W. Micklitz, O. Pollicino, A. Reichman [et al.]. Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 2022. P. 3–24.

³⁰ Valchev D. Constitutional Dimensions of Information Revolution // The IT Revolution and its Impact on State, Constitutionalism and Public Law / ed. M. Belov. Oxford : Hart Publishing, 2021. P. 53.

³¹ Gregorio G. Digital Constitutionalism in Europe. Reframing Rights and Powers in the Algorithmic Society. Cambridge, UK : Cambridge University Press, 2022. P. 4.

³² Использование системы алгоритмов в государственном правлении выходит на новый уровень, когда и происходит оцифровка больших объемов данных, и автоматизируются многие процедуры (их этапы) в ходе принятия решений. См.: The Algorithmic Society. Technology, Power, and Knowledge. P. 1–2.

Вторая проблема: отражение в конституции и законодательстве страны гарантий цифрового участия и гарантий противодействия конституционно-правовыми средствами чрезмерному алгоритмическому управлению, снижению человеческого участия в информационном обществе и в «надзорном капитализме».

Субъекты права в различной степени участвуют в конституционной коммуникации. Взаимодействие субъектов конституционного права в публично-правовых коммуникациях происходит на трех уровнях организации публичной власти (федеральном, региональном и муниципальном) и сопровождается возникновением конституционно-правовых отношений:

— во-первых, между человеком и гражданином с одной стороны и федеральными, региональными и местными органами публичной власти при реализации прав, свобод, исполнении обязанностей, их защите с другой стороны;

— во-вторых, между общественными формированиями, некоммерческими организациями (общественными объединениями, религиозными организациями, политическими партиями) и органами публичной власти по вопросам политического и неполитического участия, реализации общественных инициатив, предоставления общественных и социально значимых услуг при грантовой поддержке;

— в-третьих, между различными органами публичной власти, действующими на федеральном, региональном и муниципальном уровне в процессе межведомственного взаимодействия или участия в реализации федеральных, региональных программ и национальных проектов, обеспечения реализации прав и свобод граждан, их защиты или в целях координационного взаимодействия.

Существует публично-информационная сфера конституционной коммуникации, взаимодействие в рамках осуществления текущей законодательной политики и публично-правовая коммуникация в сфере конституционных изменений.

Коммуникативный конституционализм возникает в условиях информационного общества, когда развиваются различные тренды в современных правовых системах и государствах:

1) тренд формирования алгоритмического общества;

2) тренд развития и упрочения «надзорного капитализма», или капитализма наблюдения;

3) тренд расширения сферы участия института общественности в конституционных изменениях в рамках различных юрисдикций;

4) тренд использования новых технологий (в том числе Интернета и технологий краудсорсинга) для обсуждения в информационном пространстве конституционных изменений, их желательности вплоть до принятия конституционных поправок или разработки новой конституции.

Со времени появления книги Шошаны Зубофф об эпохе капитализма наблюдения («надзорного капитализма») показано, что «корпорации и правительства используют технологии для влияния на поведение людей»; существует «паразитическая экономическая логика, в которой производство товаров и услуг подчинено новой глобальной архитектуре модификации поведения»; появляется «новая инструментальная власть, которая утверждает господство над обществом и бросает поразительные вызовы рыночной демократии»³³. В более поздней работе Ричарда Слотера «Удаление антиутопии: повторное утверждение человеческих приоритетов в эпоху надзорного капитализма» предложено расширить сферу понимания «эпохи капитализма наблюдения», автор обращает внимание на процесс углубления и расширения такого явления, как «надзорный капитализм»: происходит интенсивная слежка и связанное с ней «злоупотребление личными данными, которые попадают в руки могущественных цифровых олигархов», существуют реальные «экзистенциальные угрозы, исходящие от неправомерного использования передовых цифровых технологий» для отдельного человека и человечества в целом; автор предлагает делать «шаги к восстановлению нашего достоинства, переутверждая человеческие потребности и заменяя избыточные ценности сознательно принятыми, которые имеют больший смысл в нашем фрагментированном и находящемся в опасности мире»³⁴.

С позиций конституционного права и доктрины конституционализма следует задумать-

³³ Zuboff S. The age of surveillance capitalism: the fight for a human future at the new frontier of power. New York : Public Affairs, 2019.

³⁴ Slaughter R. A. Deleting Dystopia: Re-Asserting Human Priorities in the Age of Surveillance Capitalism. University of Southern Queensland, 2021. P. 1–5.

ся над созданием *государственно-правовых гарантий развития алгоритмического общества в России*, гарантий противодействия конституционно-правовыми средствами *чрезмерному алгоритмическому управлению, снижению человеческого участия в системе алгоритмического управления, расширения гарантий цифрового участия граждан в обсуждении и принятии публично значимых решений*. В Российской Федерации разработана Концепция развития технологий машиночитаемого права (Минэкономразвития России, утверждена в сентябре 2021 г. Правительственной комиссией по цифровому развитию)³⁵; в научных публикациях обсуждаются авторские концепции машиночитаемого права³⁶, концепция «закон как код» и модель «прецизионного» регулирования³⁷.

В современных публикациях под *влиянием алгоритмизации* различных сфер правового регулирования, а также гуманитарных и общественных наук обсуждаются такие концепты, как «алгоритмическая власть»³⁸ и «алгоритмическое регулирование», «алгоритмическое управление» и «алгоритмическое принятие решений»³⁹, «алгоритмическая культура»⁴⁰ и «алгоритмическая справедливость», «алгоритмическая нация (нации)»⁴¹, «алгоритмические города» и даже «алгоритмическое гражданство»⁴². Дальнейшее развитие сферы государственного и муниципального управления, здравоохранения, предоставления государственных и муниципальных услуг, процедур участия в обсуждении и принятии решений по общественно

значимым проектам, общественным инициативам будет сопровождаться расширением *внедрения алгоритмов*. Алгоритмы будут еще больше проникать не только в различные подсистемы обществ, но и в *структуру научного знания, следовательно, в процессе осмысления социальной реальности* будет увеличиваться количество концептов с прилагательным «алгоритмический».

Управление на основе алгоритмов вызывает к жизни *новую парадигму принятия решений*, которая получила название «алгоритмическое управление». Данный вид управления нуждается и в правовом регулировании, и в *гарантиях прозрачности для заинтересованных субъектов (граждан, некоммерческих организаций, хозяйствующих субъектов), и в делиберативном цифровом участии граждан*. Как отмечают специалисты в теории алгоритмического общества, такая парадигма характеризуется «повышенной рациональностью управления, сдвигом в порядке функционирования власти, замкнутостью процедур принятия решений»⁴³. На текущий момент конституционное право России нуждается в создании необходимых гарантий соразмерного человеческого участия (в том числе посредством информационных и цифровых технологий) в обсуждении и принятии решений на основе алгоритмов.

Третья проблема: нуждаются ли доктрина конституционного права и нормативный правовой порядок в институте цифрового гражданства наряду с гражданством как публично-правовым институтом?

³⁵ См.: URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/792d50ea6af3a9c75f95494c253ab99/31_15092021.pdf (дата обращения: 12.05.2023).

³⁶ Понкин И. В. Концепт машиночитаемого права // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 231–236.

³⁷ Трунцевский Ю. В. Закон как код и прецизионное право в ракурсе датификации // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17, № 1. С. 49–67.

³⁸ Ferrari F., Graham M. Fissures in algorithmic power: platforms, code, and contestation // Cultural Studies. 2021. Vol. 35 (4–5). P. 814–832. DOI: 10.1080/09502386.2021.1895250.

³⁹ Algorithmic decision-making and system destructiveness: A case of automatic debt recovery / T. Rinta-Kahila, I. Someh, N. Gillespie [et al.] // European Journal of Information Systems. 2022. Vol. 31 (3). P. 313–338. DOI: 10.1080/0960085X.2021.1960905.

⁴⁰ Werner A. Organizing music, organizing gender: algorithmic culture and Spotify recommendations // Popular Communication. 2020. Vol. 18 (1). P. 78–90. DOI: 10.1080/15405702.2020.1715980.

⁴¹ Calzada I. 'Algorithmic nations': seeing like a city-regional and techno-political conceptual assemblage // Regional Studies, Regional Science. 2018. Vol. 5 (1). P. 267–289. DOI: 10.1080/21681376.2018.1507754.

⁴² Calzada I. Emerging digital citizenship regimes: Pandemic, algorithmic, liquid, metropolitan, and stateless citizenships // Citizenship Studies. 2022. DOI: 10.1080/13621025.2021.2012312 ; Calzada I., Bustard J. R. T. The dilemmas around digital citizenship in a post-Brexit and post-pandemic Northern Ireland: towards an algorithmic nation? // Citizenship Studies. 2022. DOI: 10.1080/13621025.2022.2026565.

⁴³ The Algorithmic Society. Technology, Power, and Knowledge. P. 1–2.

Институт гражданства в работах отечественных ученых занимает доминирующее положение при рассмотрении основ правового положения личности, прав и свобод человека и гражданина, определении принципов взаимодействия личности и государства на конституционно-правовом уровне. В качестве *публично-правового института* гражданство рассматривается в науке конституционного права как устойчивая правовая связь человека и государства; как правовое состояние человека, отражающее принадлежность к государству; как правовое отношение, выражающееся во взаимных правах, обязанностях и ответственности человека и государства⁴⁴. В редких случаях исследователи не рассматривают отношения гражданства в блоке общественных отношений, возникающих в сфере закрепления и реализации основных прав, свобод, гарантий их реализации и обязанностей человека и гражданина⁴⁵. Современные концепции гражданства соединяют активность и консерватизм, стремление выйти за пределы государственной идентичности и создать условия для гражданского благополучия, сформировать пределы включения и политической идентичности и построить мосты между сохранением инаковости и политической ассимиляцией, поддерживать мультикультурные и полиэтнические основы гражданства в сложных обществах и политическое единство в пределах национальной юрисдикции.

Появляется ли и требует ли своего правового базиса цифровое гражданство? Как традиционное гражданство, основанное на территориальной юрисдикции современных государств, взаимодействует с цифровой средой и информационными технологиями? Существует ли цифровое измерение гражданства, где и когда оно начинается и каковы территориальные и информационные пределы цифрового граждан-

ства? Как влияют новации в области цифрового и информационного пространства на границы понимания, реализации и обеспечения гражданства как ключевого института в области политического участия и конституционной коммуникации?

Цифровая эпоха формирует *новые вызовы* не только перед конституционным правом в целом, но и перед отдельными конституционно-правовыми институтами; и таким институтом является *гражданство*. *Вызовы алгоритмического и информационного общества* содействуют *трансформации* института гражданства как института конституционного права и публично-правовых отношений между личностью и государством. Появляется феномен цифрового гражданства в условиях расширения сферы участия граждан в публично-правовом пространстве и в конституционных изменениях, когда использование новых технологий (информационных и цифровых) несет с собой новые угрозы ценностям конституционной демократии, политическому участию и идентичности граждан⁴⁶. Необходимо на первом этапе обозначить некоторые аспекты понимания и возможной институционализации цифрового гражданства в российском публично-правовом пространстве.

Очевидно, что вопросы приобретения и прекращения гражданства, их основания и требования останутся в зоне правового регулирования традиционного законодательства о гражданстве РФ. В этом плане принятие нового федерального закона о гражданстве продолжает следовать прежней государственно-правовой традиции регулирования и не затрагивает вопросы цифрового гражданства, хотя могут применяться новейшие информационные и цифровые технологии для взаимодействия человека и гражданина и органов публичной власти, уполномоченных на решение вопросов гражданства⁴⁷. Вместе с тем с учетом уже имею-

⁴⁴ Авакьян С. А. Россия: гражданство, иностранцы, внешняя миграция. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2003 ; Кутафин О. Е. Российское гражданство. М. : Юристъ, 2004 ; Овсянко Ж. И. Гражданство в России (общетеоретическое, историческое и конституционно-правовое исследование) : монография, 2-е изд. Ростов н/Д : Изд-во ЮФУ, 2010.

⁴⁵ Невинский В. В. Предмет российского конституционного (государственного) права в ценностном измерении соотношения интересов личности, общества и государства советского и постсоветского периодов // Конституционное право: итоги развития, проблемы и перспективы : сборник материалов междунауч. науч. конференции / отв. ред. С. А. Авакьян. М. : РГ-Пресс, 2017. С. 31.

⁴⁶ Кравец И. А. Цифровое гражданство и конституционные вызовы в информационном и алгоритмическом обществе // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 2 (153). С. 93–123.

⁴⁷ Федеральный закон от 28.04.2023 № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» // Портал правовой информации. Номер опубликования: 0001202304280013. 28 апреля 2023 г. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202304280013>.

щихся научных подходов к пониманию цифрового гражданства, которые сформулированы исследователями информационных технологий и информационного общества, политического участия и делиберативной демократии, следует отметить, что развиваются *формы цифрового участия граждан в общественной, экономической, политической, правовой сферах*; следовательно, постепенно формируется представление о цифровом гражданстве как цифровой платформе гражданского участия и в более широком смысле как платформе для публично-правовой коммуникации в информационном пространстве.

Представление о цифровом гражданстве, возникшее в первое десятилетие XXI в., о том, что «цифровое гражданство» заключается прежде всего в возможности принимать участие онлайн в жизни общества⁴⁸, очевидно, изменяется под влиянием широкого спектра используемых информационных и цифровых технологий в современном государстве, от портала государственных услуг (с получением услуг в цифровой форме) до процедур электронного голосования и цифрового участия в обсуждении общественных инициатив, проектов правовых актов, других вопросов общественной значимости.

Следовательно, настало время обсуждать возможность принятия на общегосударственном уровне концепции развития цифрового гражданства, разработки специального федерального закона о правах цифрового гражданства, тем более что в системе науки конституционного и информационного права (или права информационных технологий) многие права на коммуникацию в сети Интернет доктринально рассматриваются (в научных публикациях) как права цифрового гражданства. Наиболее важное значение среди таких прав имеют право на доступ в интернет-пространство, право на поиск, получение и передачу информации, в том числе через современные интернет-технологии, право на электронное участие в различных голосованиях по публично значимым

вопросам или в ходе реализации инициативных проектов и др. Вопросы развития и правового регулирования цифрового гражданства необходимо рассматривать с учетом совершенствования механизма обеспечения конституционных прав человека и гражданина в Российской Федерации в условиях перехода к цифровой экономике⁴⁹.

Четвертая проблема: формы, процедуры и границы конституционного вовлечения и проблемы цифровой идентификации личности. Насколько важно следовать государственно-правовой традиции, не упуская включения новаций в повестку нормативного, процедурного и этического регулирования в цифровую эпоху?

Алгоритмическое общество развивается на наших глазах и нуждается в надлежащей публично-правовой основе и применении гарантийной функции государства при регулировании цифровой идентичности граждан и использовании ими различных прав в публичной сфере. Переход к алгоритмическому обществу произошел в результате внедрения пяти разработок: «данные, алгоритмы, сети, облако и экспоненциально улучшающееся оборудование»⁵⁰. Новые технологии проложили дорогу постгуманизму, в котором изменяется место человеческой личности⁵¹: находясь под национальной юрисдикцией, гражданин эффективно объективируется благодаря таким технологиям, происходит коммодификация человеческих качеств и интересов, потребностей, а люди превращаются в генераторы данных для алгоритмического управления.

Как отмечает Иан Ллойд, в условиях цифровизации общественных отношений прилагательное «виртуальный» связано со многими аспектами участия в различных сегментах жизни современного человека, общества и государства. «Миллионы ведут виртуальное общение со своими друзьями в социальных сетях», активно используются виртуальные персональные сети для удаленного входа в институциональные сети. Существует опасность развития

⁴⁸ Mossberger K., Tolbert C. J., McNeal R. S. Digital Citizenship: The Internet, Society, and Participation. Cambridge, MA : The MIT Press, 2008. P. 1–2.

⁴⁹ Гладкова Т. С. Механизм обеспечения конституционных прав в Российской Федерации в условиях перехода к цифровой экономике // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 1. С. 60–63.

⁵⁰ McAfee A., Brynjolfsson E. Machine, Platform, Crowd: Harnessing Our Digital Future. New York and London : W. W. Norton, 2017.

⁵¹ Kalpokas I. Algorithmic Governance. Politics and Law in the Post-Human Era. Cham, Switzerland : Springer, 2019. P. 1–5.

виртуальной идентичности «как самоцели при участии в виртуальных мирах»; цифровое пространство допускает возможность «публиковать сообщения под псевдонимом на дискуссионных форумах или в качестве средства для достижения цели, когда мы можем стремиться защитить свою истинную личность, действуя в Интернете»⁵².

Особое значение в эпоху информационного и алгоритмического общества приобретают формы публично-правовой коммуникации по конституционным и смежным вопросам. Как показывает опыт подготовки, обсуждения и принятия Закона РФ о поправке к Конституции РФ 2020 г., огромное значение имело коллективное участие представителей самых разных групп населения в составе рабочей группы по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию РФ, образованной распоряжением Президента РФ от 15.01.2020 г. № 5-рп⁵³. По мнению Т. Я. Хабриевой и А. А. Клишаса, «разработка изменений Основного Закона почти сразу превратилась в коллективное конституционное творчество граждан», а рабочая группа «стала одним из основных каналов выражения народной конституционной (правотворческой) инициативы»⁵⁴. Однако возникают некоторые взаимосвязанные вопросы: на каких правовых основах разрабатывался проект Закона РФ о поправке к Конституции РФ 2020 г. до внесения его в рабочую группу; в случае возникновения необходимости для разработки и принятия новых (в том числе существенных и многочисленных) поправок к Конституции РФ чем руководствоваться и в каком порядке разрабатывать должны конституционные правотворцы, от воли каких должностных лиц будет зависеть возможность участия общественности, обычных граждан в обсуждении вопросов желательности конституционных поправок, их содержания и процедуры принятия?

Однако для успешного конституционного прогнозирования развития Российского государства и общества необходимо создать надежные конституционно-правовые основы для коммуникаций граждан и органов публичной

власти по вопросам конституционных изменений. Наиболее подходящей формой правового регулирования следует признать федеральный конституционный закон о формах учредительной власти и гарантиях участия граждан в конституционных изменениях.

Пятая проблема: разрозненность и дисперсность правового регулирования и институционального дизайна институтов общественных инициатив, общественных обсуждений и выявления общественного мнения по публично значимым вопросам, проектам нормативных правовых актов, конституционным изменениям; отсутствие гарантированного конституционным законодательством института научной экспертизы наряду с общественным обсуждением. Следует подумать над созданием обязательного института научной, юридической и общественной экспертизы в отношении проектов поправок к Конституции РФ, в отношении возможного нового проекта конституции. Такой институт может быть предусмотрен в федеральном конституционном законе о формах учредительной власти и гарантиях участия граждан в конституционных изменениях.

Во-первых, необходимо инкорпорировать в структуру законодательства принцип научного федерализма и участия общественности в разработке проектов поправок к Конституции РФ и проекта новой конституции. Во-вторых, следует на законодательном или конституционно-правовом уровне сформулировать обязанность субъектов права инициативы по пересмотру Конституции и внесению конституционных поправок направлять проекты поправок, внесенные в Государственную Думу, в ведущие университеты страны, включая национальные исследовательские государственные университеты, федеральные университеты, в которых осуществляется подготовка по направлению «Юриспруденция», а также в юридические вузы (юридические университеты) и в научные институты РАН, где проводятся исследования по правовой тематике (Институт государства и права РАН, институты философии и права), с целью проведения обсуждений и принятия заключений⁵⁵. В-третьих, гарантировать на

⁵² *Lloyd I. J. Information Technology law. Sixth Edition. New York : Oxford University Press, 2011. P. 587.*

⁵³ СПС «КонсультантПлюс».

⁵⁴ *Хабриева Т. Я., Клишас А. А. Указ. соч. С. 13.*

⁵⁵ В работах отмечается значимая и гипертрофированная роль главы Российского государства и указного права в конституционной модернизации страны. См.: *Дробот С. Е. Указное право в механизме конституционной модернизации // Юридическая наука и практика. 2023. Т. 19, № 1. С. 5–15.*

законодательном уровне привлечение граждан посредством интернет-технологий для обсуждения содержания поправок к Конституции, проекта новой конституции, в том числе с правом предлагать редакции отдельных норм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авакьян С. А. Основные тенденции современного развития конституционного права // Конституционное право: итоги развития, проблемы и перспективы : сборник материалов международной научной конференции / отв. ред. С. А. Авакьян. М. : РГ-Пресс, 2017. С. 6–14.

Авакьян С. А. О роли конституционного права в условиях новых задач и концептуальных решений для политического будущего России // Вестник Московского университета. Серия 11 «Право». 2023. № 1. С. 3–21.

Авакьян С. А. Россия: гражданство, иностранцы, внешняя миграция. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2003. 643 с.

Авакьян С. А. Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 7. С. 23–28.

Актуальные проблемы информационного права : учебник / под ред. И. Л. Бачило, М. А. Лапиной. 2-е изд., перераб. М. : Юстиция, 2019. 594 с.

Антонов М. В., Поляков А. В., Честнов И. Л. Коммуникативный подход и российская теория права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2013. № 6 (311). С. 78–95.

Ван Хук М. Право как коммуникация / пер. с англ. М. В. Антонова и А. В. Полякова. СПб. : Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, Университетский издательский консорциум, 2012. 288 с.

Вербилович О. Теория коммуникативного действия: ключевые категории и познавательный потенциал // Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади : коллективная монография / под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова. М. : Вариант : ЦСПГИ, 2013. С. 35–52.

Гладкова Т. С. Механизм обеспечения конституционных прав в Российской Федерации в условиях перехода к цифровой экономики // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 1. С. 60–63.

Дробот С. Е. Коммуникативные возможности политического участия в механизме конституционной модернизации: ретроспективные аспекты и перспективы совершенствования // История государства и права. 2023. № 5. С. 21–26.

Дробот С. Е. Указное право в механизме конституционной модернизации // Юридическая наука и практика. 2023. Т. 19, № 1. С. 5–15.

Комарова В. В. Учредительная власть и формы ее реализации // Современное общество и право. 2011. № 1. С. 13–19.

Кравец И. А. Цифровой конституционализм: методологические и правовые аспекты // Государство и право. 2022. № 1. С. 19–33.

Кравец И. А. Информационный и цифровой конституционализм и конституционные общественные инициативы в условиях российского правового пространства // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 9. С. 9–15.

Кравец И. А. Конституционные революции в исторической и современной юриспруденции: правовые и методологические аспекты // История государства и права. 2023. № 5. С. 6–14.

Кравец И. А. Цифровое гражданство и конституционные вызовы в информационном и алгоритмическом обществе // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 2 (153). С. 93–123.

Крусс В. И. Конституционное правоупотребление и юридическая ответственность // Государство и право. 2007. № 6. С. 13–20.

Крусс В. И. Теория конституционного правоупотребления : монография. М. : Норма, 2007. 751 с.

Кутафин О. Е. Российское гражданство. М. : Юристъ, 2004. 589 с.

Медушевский А. Н. Конституция Интернета: идея, проекты и перспективы // Общественные науки и современность. 2019. № 1. С. 71–86.

Медушевский А. Н. Право и новые технологии: параметры регулирования Интернета (Рунета) // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. № 1. С. 106–113.

Невинский В. В. Предмет российского конституционного (государственного) права в ценностном измерении соотношения интересов личности, общества и государства советского и постсоветского периодов // Конституционное право: итоги развития, проблемы и перспективы : сборник материалов международной научной конференции / отв. ред. С. А. Авакьян. М. : РФ-Пресс, 2017. С. 23–35.

Невинский В. В. «Цифровые права» человека: сущность, система, значение // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 10. С. 26–32.

Овсепян Ж. И. Гражданство в России (общетеоретическое, историческое и конституционно-правовое исследование) : монография. 2-е изд. Ростов н/Д : Изд-во ЮФУ, 2010. 320 с.

Поляков А. В. Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование) : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2002. 94 с.

Понкин И. В. Концепт машиночитаемого права // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 231–236.

Раздьяконова Е. В. Делиберативное участие в конституционном развитии России: теоретические аспекты и историческая ретроспектива // История государства и права. 2023. № 5. С. 15–20.

Трунцевский Ю. В. Закон как код и прецизионное право в ракурсе датификации // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17, № 1. С. 49–67. DOI: 10.12737/jflcl.2021.008.

Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия (фрагменты) // Вопросы социальной теории. 2007. Т. 1. Вып. 1. С. 229–245.

Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности = *Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns*. М. : Весь Мир, 2022. 880 с.

Хабриева Т. Я., Клишас А. А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М. : Норма, Инфра-М, 2022. 240 с.

Чиркин В. Е. Конституция : российская модель. М. : Юрист, 2002. 158 с.

Шахрай С. М. Цифровая конституция. Основные права и свободы личности в тотально информационном обществе // Вестник Российской академии наук. 2018. Т. 88, № 12. С. 1075–1082.

REFERENCES

Antonov MV, Polyakov AV, Chestnov IL. The communicative approach and the Russian theory of law. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie*. 2013;6(311):78-95. (In Russ.).

Avakyan SA. On the role of constitutional law in the context of new challenges and conceptual solutions for Russia's political future. *Moscow University Bulletin. Series 11. Law*. 2023;1:3-21. (In Russ.).

Avakyan SA. Russia: citizenship, foreigners, external migration. St. Petersburg: Jurid. Center-Press; 2003. (In Russ.).

Avakyan SA. The information space of knowledge, digital world and constitutional law. *Constitutional and Municipal Law*. 2019;7:23-28. (In Russ.).

Avakyan SA. The main trends in the modern development of constitutional law. In: Avakyan SA (ed.). *Constitutional law: results of development, problems and prospects: Collection of Proceedings of the International Scientific Conference*. Moscow: RG-Press Publ.; 2017. (In Russ.).

Bachilo IL, Lapina MA (eds.). *Actual problems of IT law*. 2nd ed. Moscow: Justicia Publ.; 2019. (In Russ.).

Chirkin VE. *The Constitution: the Russian model*. Moscow: Jurist Publ.; 2002. (In Russ.).

Drobot SE. Communicative opportunities for political participation in the constitutional modernization mechanism: retrospective aspects and improvement prospects. *Istoriya gosudarstva i prava*. 2023;5:21-26. (In Russ.).

Drobot SE. Decree law in the mechanism of constitutional modernization. *Yuridicheskaya nauka i praktika*. 2023;19(2):55. (In Russ.).

Gladkova TS. The mechanism of enforcement of constitutional rights in the Russian Federation in the conditions of the transition to the digital economy. *Constitutional and Municipal Law*. 2023;1:60-63. (In Russ.).

Habermas Yu. Theory of communicative action (fragments). *Voprosy sotsialnoy teorii*. 2007;1(1):229-245. (In Russ.).

Habermas Yu. Theory of communicative activity. Trans. from Germ. (Habermas, Jürgen. *Theorie des kommunikativen Handelns*). Moscow: Ves mir Publ.; 2022. (In Russ.).

Khabrieva TYa, Klishas AA. Thematic commentary to the Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation dated March 14, 2020 No. 1-FKZ «On Improving the regulation of certain issues of the Organization and functioning of public Power». Moscow: Norma; Infra-M Publ.; 2022. (In Russ.).

Komarova VV. The constituent power and the forms of its implementation. *Sovremennoe obshchestvo i pravo*. 2011;1:13-19. (In Russ.).

Kravets IA. Constitutional Revolutions in Historical and Modern Jurisprudence: legal and methodological aspects. *Istoriya gosudarstva i prava*. 2023;5:6-14. (In Russ.).

Kravets IA. Digital citizenship and constitutional challenges in the Information and algorithmic society. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 2023;2(153):93-123. (In Russ.).

Kravets IA. Digital Constitutionalism: methodological and legal aspects. *Gosudarstvo i pravo*. 2022;1:19-33. (In Russ.).

Kravets IA. Informational and digital constitutionalism and constitutional public initiatives in conditions of the Russian legal framework. *Constitutional and Municipal Law*. 2020;9:9-15. (In Russ.).

Kruss VI. Constitutional legal use and legal responsibility. *Gosudarstvo i pravo*. 2007;6:13-20. (In Russ.).

Kruss VI. Theory of constitutional legal use. Moscow: Norma publ.; 2007. (In Russ.).

Kutafin OE. Russian citizenship. Moscow: Jurist Publ.; 2004. (In Russ.).

Medushevsky AN. Law and new technologies: parameters of Internet regulation (Runet). *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 2006;1:106-113. (In Russ.).

Medushevsky AN. The Constitution of the Internet: idea, projects and prospects. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*. 2019;1:71-86. (In Russ.).

Nevinskiy VV. Human 'Digital Rights': The Essence, System, Meaning. *Constitutional and Municipal Law*. 2019;10:26-32. (In Russ.).

Nevinskiy VV. The subject of Russian constitutional (state) Law in the value dimension of the Correlation of the interests of the Individual, society and the State of the Soviet and post-Soviet periods. In: Avakyan SA (ed.). *Constitutional law: results of development, problems and prospects: Collection of Proceedings of the International Scientific Conference*. Moscow: RG-Press Publ.; 2017. (In Russ.).

Ovsepyan Zhl. Citizenship in Russia (general theoretical, historical and constitutional-legal research). 2nd ed. Rostov-on-Don: SFU Publishing House; 2010. (In Russ.).

Polyakov AV. The communicative concept of law (genesis and theoretical and legal justification). Dr. Diss. (Law). St. Petersburg; 2002. (In Russ.).

Ponkin IV. The concept of machine-readable law. *Yuridicheskaya tekhnika*. 2021;15:231-236. (In Russ.).

Razdyakonova EV. Deliberative participation in constitutional development of Russia: theoretical aspects and historical retrospect. *Istoriya gosudarstva i prava*. 2023;5:15-20. (In Russ.).

Shakhrai SM. Digital Constitution. Fundamental rights and freedoms of the individual in a total information society. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*. 2018;88(12):1075-1082. (In Russ.).

Truntsevskiy YuV. Law as code and precision law from a datification perspective. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. 2021;17(1):49-67. (In Russ.). DOI: 10.12737/jflcl.2021.008

Van Hook M. Law as communication. Translated from English by M. V. Antonova and A.V. Polyakov. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University, University Publishing Consortium; 2012. (In Russ.).

Verbilovich O. Theory of communicative action: key categories and cognitive potential. In: Yarskaya-Smirnova ER, Romanova PV. *Public sphere: theory, methodology, case study*. Moscow: Variant: TsPGI Publ.; 2013. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кравец Игорь Александрович, доктор юридических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой конституционного и муниципального права, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, конституционного права Новосибирского национального исследовательского государственного университета (НГУ)

д. 2, Пирогова ул., г. Новосибирск 630090, Российская Федерация
kravigor@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Igor A. Kravets, Dr. Sci. (Law), Professor, Acting Head of the Department of Constitutional and Municipal Law, Head of the Department of Theory and History of the State and Law, Constitutional Law, Novosibirsk National Research State University (NSU)
2, Pirogova St., Novosibirsk 630090, Russian Federation
kravigor@gmail.com

*Материал поступил в редакцию 31 мая 2023 г.
Статья получена после рецензирования 3 июня 2023 г.
Принята к печати 17 октября 2023 г.*

*Received 31.05.2023.
Revised 03.06.2023.
Accepted 17.10.2023.*

Ю. Е. Пудовочкин

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

М. М. Бабаев

Всероссийский научно-исследовательский
институт МВД России
г. Москва, Российская Федерация

Преступность в контексте философии истории

Резюме. Совершенствование методологических основ криминологической науки предполагает расширение ее междисциплинарных связей, в том числе с философией и историей. Это обеспечивает возможность исследования преступности как определенного социального процесса, протекающего в общей логике развития общества и подчиненного ей. Классическая философия истории предлагает несколько вариантов понимания смысла и движущих сил исторического процесса, которые предопределяют конкурирующие взгляды на историю преступности. Теология и марксизм, принципиально различаясь во взгляде на механизм истории, обеспечивают понимание преступности как линейно развивающегося процесса, имеющего истоки в прошлом, но неизбежно исчезающего в будущем по мере достижения «конца истории». Циклические концепции исторического процесса позволяют взглянуть на преступность как на вечное, неуничтожимое явление, меняющее свои основные формы по мере смены исторических циклов и в соответствии с основными параметрами самого этого цикла. Концепции многофакторного исторического развития обуславливают подчеркнута социологическое объяснение преступности, в рамках которого ее состояние может оцениваться вне контекста прошлого и будущего. Постмодернистский вызов универсальным классическим историософским концепциям фактически разрушил их объяснительное значение и методологическую ценность. Вместе с тем постмодернизм создает благоприятные возможности для понимания процесса преступности как неотъемлемой части множества параллельно протекающих и пересекающихся историй: истории либерализма, истории экономики, истории сохранения национальной идентичности и т.д. В этом случае на месте истории преступности (в единственном числе) появляются истории преступности (во множественном числе). И только такой многослойный взгляд на процессы развития преступности и ее связи с социальными процессами может обеспечить адекватное методологическое сопровождение криминологических исследований. В этом отношении результаты исследования можно рассматривать как вклад в развитие набирающей актуальность исторической криминологии.

Ключевые слова: историческая криминология; методология криминологии; преступность как процесс; развитие преступности; философия преступности; история преступности; будущее преступности; объяснение преступности; теология; марксизм; циклизм; постмодерн

Для цитирования: Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Преступность в контексте философии истории. *Lex russica*. 2023. Т. 76. № 11. С. 57–73. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.204.11.057-073

Crime in the Context of Philosophy of History

Yuriy E. Pudovochkin

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Mikhail M. Babaev

All-Russian Scientific Research Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Moscow, Russian Federation

Abstract. Methodological foundations for improvement of criminological science involve the expansion of its interdisciplinary connections, including its connections with philosophy and history. This makes it possible to study crime as a certain social process taking place in the general logic of the development of society and subordinate to it. The classical philosophy of history offers several options for understanding the meaning and driving forces of the historical process that predetermine competing views on the history of crime. Theology and Marxism, fundamentally differing in their view of the mechanism of history, provide an understanding of crime as a linearly developing process that has its origins in the past, but inevitably disappears in the future as the «end of history» is reached. Cyclical concepts of the historical process allow us to look at crime as an eternal, indestructible phenomenon that changes its basic forms as historical cycles change and in accordance with the basic parameters of this cycle itself. The concepts of multifactorial historical development determine an emphatically sociological explanation of crime, within which its state can be assessed outside the context of the past and future. The postmodern challenge to universal classical historiosophical concepts has actually destroyed their explanatory significance and methodological value. At the same time, postmodernism creates favorable opportunities for understanding the process of crime as an integral part of many parallel and overlapping histories: the history of liberalism, the history of economics, the history of preserving national identity, etc. In this case, crime stories (plural) appear in place of crime history (singular). And only such a multi-layered view of the processes of crime development and its connection with social processes can provide adequate methodological support for criminological research. In this regard, the results of the study can be considered as a contribution to the development of historical criminology, which is gaining relevance.

Keywords: historical criminology; methodology of criminology; crime as a process; development of crime; philosophy of crime; history of crime; future of crime; explanation of crime; theology; Marxism; cyclism; postmodern

Cite as: Pudovochkin YuE, Babaev MM. Crime in the Context of Philosophy of History. *Lex russica*. 2023;76(11):57-73. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2023.203.10.057-073

Введение

Преступность является частью общества, и в этом качестве понимание специфики ее развития неотделимо от понимания сущности самого общества, его устройства и особенностей эволюции. В криминологической науке способность преступности развиваться вместе с развитием социума, с одной стороны, прямо утверждается через указание на такой ее имманентный признак, как «историческая изменчивость». «Эволюция преступности, — пишет Ю. М. Антонян, — это одна из составляющих истории развития общества, социальные, эко-

номические и гуманитарные процессы в котором всегда вызывали изменения преступности, а также способов и средств совершения преступлений»¹. С другой стороны, проблематика взаимной связи истории общества и истории преступности всё еще остается недостаточно исследованной.

В самом первом приближении можно указать несколько причин такого положения вещей.

Во-первых, это общее (мягко скажем, не вполне удовлетворительное) состояние современной отечественной криминологической науки, характеризующееся среди прочего па-

¹ Антонян Ю. М. Основные черты преступности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». 2022. № 2. С. 90.

дением исследовательского интереса к междисциплинарным (философско-криминологическим и историко-криминологическим) разработкам.

Во-вторых, уничтожительная постмодернистская критика, а по большому счету постмодернистское разрушение некогда авторитетных, универсальных концепций философии истории, призванных объяснять смысл и направленность общественного развития. Современная историческая наука и философия не склонны к глобальным теоретическим построениям, сосредоточившись на разработке важных, разных, но всё же относительно частных концепций. Доктрины, подобные теологии, диалектике Гегеля или марксизму, которые могли бы объяснить всё происходящее в мире в пределах единой концептуальной рамки, являются порождением прошедших времен. Они, вне сомнений, не утратили ни привлекательности, ни познавательной ценности, но они суть доктрины «из прошлого». В то время как философия постмодерна — порождение дня сегодняшнего — не склонна к «метарассказам» (Ж.-Ф. Лиотар²), формируется «сложный комплекс особого миропонимания и мироотношения, внешне отмеченный несистематизированностью, зыбкостью, подвижностью и принципиальной непроработанностью своих составных частей»³. Отсутствие современных доктрин, предлагающих универсальный взгляд на мир в целом, создает для исследователей в отдельных областях научного знания (в том числе в криминологии) существенные препятствия в поиске общих закономерностей и взаимозависимостей развития общества, в том числе в объяснении истории и будущего преступности.

В-третьих, это нерешенность (а по большому счету необсуждаемость) современной криминологической наукой ряда методологических по своему значению вопросов о том, должно ли подходить к исследованию связи истории общества и преступности с социально-исторических или собственно криминологических позиций, предполагает ли логика соответствующего анализа выведение истории преступ-

ности как частного из социальной истории как общего и тем самым распространение логики исторического развития на логику развития преступности или же, напротив, эволюция преступности, определяемая изменениями самой преступности и будучи самостоятельным феноменом, должна быть вписана в общий исторический контекст, должен ли историк преступности быть прежде всего историком, думать и действовать как историк или же он в первую очередь юрист, размышляющий в категориях криминологии и права. На все эти вопросы едва ли можно ответить однозначно. Более того, их решение напрямую определяется пониманием природы самой преступности (является она онтологической реальностью или конструктом, определяется она прежде всего общественными или личными факторами и т.д.) и представлениями об историческом процессе (является он всемирным или локальным, направленным или циклическим и т.д.). Очевидно, что непротиворечивое сочетание различных исходных методологических установок может приводить к допустимому плюрализму теоретических построений, объясняющих прошлое, настоящее и будущее преступности.

Отмеченные сложности тем не менее не должны восприниматься как непреодолимые. Напротив, бросая вызов криминологической науке, они, как любые препятствия, призваны стимулировать научный поиск ответа на вопрос о том, что происходило, происходит и будет происходить с преступностью.

Задачи исследования

Изучение преступности не просто как развивающегося феномена, но в парадигмальной рамке процесса, в единстве ее прошлого, настоящего и будущего⁴ с необходимостью предполагает соотнесение логики этого процесса с общей логикой истории. Ее выявление, конструирование, понимание и интерпретация составляют поле пересечения предметных интересов философии и истории, а именно философии истории, которая выступает в качестве «дисциплины,

² Лиотар Ж. Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998.

³ Богомолова М. А. Становление философской концепции постмодернизма // Вестник Чувашского университета. 2008. № 4. С. 336–337.

⁴ См.: Бабаев М. М. Преступность как процесс (теоретические и прикладные проблемы изучения) // Российский криминологический взгляд. 2010. № 2. С. 291–303.

способной рефлексировать прошлое, постигать настоящее и проецировать будущее»⁵.

Вопрос о смысле, направленности и закономерностях исторического процесса архисложный даже для специалистов (историков и философов). Его решение, а точнее, решения (во множественном числе!) составляют широчайший спектр самых разных, взаимодополняющих и взаимоисключающих, идеалистических и материалистических, линейных и циклических, одно- и многофакторных теоретических построений. Погрузиться в каждое из них при проведении криминологического исследования преступности и вряд ли возможно, и едва ли необходимо.

Представляется, что криминологу (по крайней мере на данном этапе осмысления темы взаимосвязи истории и преступности) достаточно иметь представление хотя бы о некоторых основных концепциях философии истории. А если точнее, не столько о самих историософских построениях, сколько о диктуемом ими подходе к пониманию истории преступности.

Нельзя сказать, что вопрос этот прошел совершенно мимо внимания исследователей. Некоторое (пусть и не всегда специальное) внимание ему уделяли как представители криминологической науки, так и философы. В связи с этим мы видим своей задачей при подготовке настоящей работы прежде всего проведение обзора имеющегося опыта криминологического осмысления проблемы преступности в контексте философии истории.

Обзор этот будет кратким и заведомо неполным, а включенные в него концепции — субъективно отобранными. Причина тому — новизна заявленной темы, не позволяющая опереться на обобщающие и систематические работы предшественников, а равно ее сложность и многоаспектность, исключающая для нас возможность одномоментного представления в рамках одного исследования полномасштабного полотна, раскрывающего все грани темы. Тем не менее при составлении этого

обзора были по возможности учтены высказанные выше методологические соображения, касающиеся связи понимания преступности и смысла истории, что позволило представить концепции, расположенные в самых разных частях историико-философского и криминологического спектра. Сами концепции, исходя из их содержания, удобно объединить в несколько типологических групп.

Обзор концептуальных построений: от философии истории к истории преступности

1. Линейная история преступности как преходящего социального явления

В рамках данного подхода целесообразно представить такие, казалось бы, несовместимые теоретические построения, как теология и марксизм. При всех известных фундаментальных различиях объединяет их одно: понимание преступности как явления временного, возникшего на определенном этапе развития человеческого общества. Причины преступности, понимаемые идеалистически или материалистически, своим содержанием коренятся в прошлом, их наличие и действие определено преемственностью исторического процесса, отражает детерминированность настоящего прошлым. Вместе с тем причины преступности не являются вечными, они могут или должны быть преодолены в исторической перспективе. Вместе с их исчезновением исчезнет и преступность. При этом ее «нулевое будущее» зависит не только от фундаментальных факторов исторического процесса, но и от правильно устроенного «криминологического настоящего», предполагающего ориентацию на минимизацию и устранение причин преступности как общего процесса построения светлого будущего.

А. Теологическая концепция

Теологическая концепция общественно-исторического процесса⁶ исходит из того, что происходящее в мире есть реализация замысла

⁵ Адуло Т. И. Философия истории как рефлексирование прошлого, постижение настоящего и проецирование будущего // Культура. Наука. Творчество : сборник научных статей XVI Международной научно-практической конференции (Минск, 12 мая 2022 г.) / отв. ред. Н. В. Карчевская. Минск : Белорусский государственный университет культуры и искусств, 2022. С. 14.

⁶ Мы говорим в данном случае о концепции в единственном числе, сознавая, что существует множество подходов к теологической интерпретации истории. Однако в рамках нашего исследования различающимся множеством допустимо пренебречь, представив некоторые положения православной христианской историософии, по крайней мере так, как она (не исключено, поверхностно) представляется авторам.

Творца, предоставившего человеку, в том числе для реализации этого замысла, свободу воли. История в христианской традиции: а) всегда общечеловеческая, всемирная, единая для всех народов и цивилизаций; б) линейная, направленная от сотворения мира к его концу и установлению Царства Божьего; в) дуалистическая, основанная на противопоставлении духовного и мирского, божественного и дьявольского⁷.

История человеческого общества начинается с грехопадения. Смысл же земной истории — и личной истории отдельного человека, и истории человечества в целом — состоит в том, чтобы противостоять греху, понять и приблизиться к замыслу Творца. Среди множества возможностей для этого — жизнь в государственно устроенном обществе, управляемом, среди прочего, правом. Согласно Основам социальной концепции Русской православной церкви⁸, государство и право есть установленные людьми богособразные средства, при помощи которых они должны противостоять греху, способствуя достижению цели исторического процесса — построению Царства Божьего.

В силу природы человека процесс этот не является простым. «В зависимости от самоопределения свободной личности образ Божий в человеке может помрачаться или проявляться с большей силой. <...> Результат напрямую зависит от самоопределения личности». Проявлением свободной воли человека, свободно отошедшего от своего божественного начала, могут выступать преступные деяния. «Человеческая греховность порождает преступления — нарушения границ, положенных законом. <...> Главным источником преступления является помраченное состояние человеческой души. Вместе с тем “подчас преступности способствуют экономические и социальные обстоятельства, слабость государственной власти, отсутствие законного порядка. <...> Наконец, сама власть, совершая противозаконные действия, может становиться правонарушителем”».

Противодействие преступлениям и исправление преступников — часть общей работы по

духовному очищению человека, по избавлению его от греха и тем самым подготовке к историческому финалу. «Совершенное и осужденное по закону преступление предполагает справедливое наказание. Смысл его состоит в исправлении человека, нарушившего закон, а также в ограждении общества от преступника и в пресечении его противоправной деятельности». «Однако самым действенным в преодолении преступности призвано быть пастырское служение Церкви, особенно в Таинстве Покаяния. Любому, кто кается в совершенном правонарушении, в качестве неперемennого условия разрешения от греха священник должен решительно предложить отказаться пред Лицом Божиим от продолжения преступной деятельности. Только таким образом человек будет побужден оставить путь беззакония и вернуться к добродетельной жизни».

Таким образом, теологическая концепция истории и социального порядка позволяет утверждать, что:

— преступность является частью исключительно земной жизни человека и общества; ее не существовало до грехопадения и ее наличие не предполагается в Царстве Божьем. Иными словами, она есть исторически преходящее явление, имеющее свое начало и конец, строго ограниченные временные рамки;

— земная история преступности не стабильна и имеет свою динамику. С. М. Иншаков пишет: «В мире существуют два полюса: плюс и минус, добро и зло, бог и антибог. Вокруг первого полюса группируются светлые личности (силы добра), вокруг второго — темные (силы зла). Абсолютное большинство людей занимают промежуточное положение. В определенные периоды (золотой век) бóльшая часть людей смещается к полюсу добра. Бывают и противоположные исторические эпохи (сумерки богов), когда словно темный ветер гонит людей к полюсу зла»⁹. Именно эти колебания «степени греховности» общества и влияют на изменения масштабов преступности во времени;

— преступность детерминируется прежде всего личными качествами человека, погряз-

⁷ Гринин Л. Е. Теория, методология и философия истории: очерки развития исторической мысли от древности до середины XIX века. Лекция 3 : Средневековая теология, теория истории и историография. Западная Европа. Лекция 4 : Философско-историческая мысль в Средние века. Византия, Русь, Арабский мир, Китай // Философия и общество. 2010. № 2 (58). С. 151–192.

⁸ Здесь и далее см.: Основы социальной концепции Русской православной церкви (приняты Освященным архиерейским собором Русской православной церкви 13–16 августа 2000 г.) (п. II.1, III.1, III.2, IV.2, IX.1, IX.3, IX.4) // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения: 13.07.2023).

⁹ Иншаков С. М. Криминология : учебник. М. : Юриспруденция, 2000. С. 17–18.

шего в грехе, а также неблагоприятными социальными обстоятельствами, которые, в свою очередь, есть также отступление от замысла Творца. Однако все эти криминогенные факторы преходящи. Они исчезнут в момент второго пришествия;

— преступление и грех хотя и имеют различную природу, но тесно взаимосвязаны. По мнению некоторых исследователей, грех и преступление можно соотнести, с одной стороны, как внутреннюю причину и внешнее следствие, а с другой стороны, как целое и часть, учитывая, что «каждое предусмотренное в УК РФ преступление относится к области греховного, т.е. является личным грехом»¹⁰. Однако не каждый грешник есть с необходимостью преступник, равно как и не всякого преступника с необходимостью ждет судьба грешника. Следовательно, в глобальном всемирно-историческом отношении будущее преступников не предопределено, и они имеют все шансы как на искупление, так и на Царство Божье.

Б. Марксистская концепция

Марксистская интерпретация исторического процесса, на протяжении многих десятилетий признаваемая отечественной наукой единственно верной, не ушла с авансцены философии истории и остается достаточно популярной. Как и христианство, исторический материализм признает наличие единого, всемирного процесса развития человеческих сообществ. Вместе с тем основная движущая сила истории и общественного развития понимается им подчеркнута материалистически. В качестве таковой выступает развитие производительных сил (базиса), которые стимулируют процессы изменения общественного сознания и надстройки. История при этом протекает стадийно и направленно — от догосударственной стадии к государственно устроенной, а внутри нее — от классово-антагонистических обществ (от рабовладения через феодализм к капитализму) до обществ бесклассовых (коммунизм); причем смена этапов (формаций) происходит через революционные преобразования.

Государство и право, а вместе с ними и преступность как массовое нарушение госу-

дарственно установленных законов, являются с точки зрения марксистской концепции преходящими явлениями, возникшими на определенном этапе развития общества и неизбежно обязанными исчезнуть. «Основная историческая причина преступности — классовое и социальное расслоение общества, господство общественных отношений, построенных на эксплуатации, неравенстве, угнетении, благополучии меньшинства за счет большинства». И далее: «Преступность — порождение классово-антагонистических отношений. Она возникает с разделением общества на классы как результат противоречий между индивидуальными интересами и потребностями людей и общественными условиями, не обеспечивающими эти потребности и интересы. Указанное противоречие — неизбежное следствие организации общества, при которой орудия и средства производства находятся в руках незначительного меньшинства, обладающего тем самым экономической силой и опирающейся на нее политической властью»¹¹.

В противоположность классово-антагонистическим сообществам, сообщество коммунистическое лишено этой главной социальной причины преступности, а следовательно, мыслится как общество, лишенное ее. По этому поводу В. И. Ленин писал: «Мы не утописты и нисколько не отрицаем возможности и неизбежности эксцессов отдельных лиц, а равно необходимости подавлять такие эксцессы. Но, во-первых, для этого не нужна особая машина, особый аппарат подавления, это будет делать сам вооруженный народ с такой же простотой и легкостью, с которой любая толпа цивилизованных людей даже в современном обществе разнимает дерущихся или не допускает насилия над женщиной. А во-вторых, мы знаем, что коренная социальная причина эксцессов, состоящих в нарушении правил общежития, есть эксплуатация масс, нужда и нищета их. С устранением этой главной причины эксцессы неизбежно начнут “отмирать”. Мы не знаем, как быстро и в какой постепенности, но мы знаем, что они будут отмирать. С их отмиранием отомрет и государство»¹².

¹⁰ Голубов И. И., Денисенко М. В. Некоторые аспекты соотношения греха и преступления // Горизонты гуманитарного знания. 2018. № 4. С. 145, 146.

¹¹ Курс советской криминологии: Предмет. Методология. Преступность и ее причины. Преступник / Г. В. Дашков, А. И. Долгова, И. И. Карпец [и др.]. М. : Юридическая литература, 1985. С. 214, 215.

¹² Ленин В. И. Государство и революция // Полное собрание сочинений : в 33 т. 5-е изд. М. : Издательство политической литературы, 1969. Т. 33. С. 91.

Мысль об отмирании преступности по мере приближения к коммунистическому общественному идеалу утвердилась в советской криминологии в качестве догмы. «Социализм, построенный в нашей стране, — писал А. А. Герцензон, — устранил... главную, коренную социальную причину преступности. В СССР, таким образом, имеются реальные, объективные условия для искоренения преступности, поскольку в самой природе социализма, в его экономическом базисе и в его надстройке нет оснований для существования преступности»¹³.

Тем не менее объективная реальность существования («временного») преступности при социализме требовала объяснений. В полном соответствии с марксистским учением о соотношении базиса и надстройки, преемственности исторического процесса и закономерностях революционного переустройства ответ был найден.

Преступность в социалистическом обществе (за исключением преступности антигосударственной, которая является «выражением борьбы лагеря империализма со странами социалистического содружества» и существование которой остается «неизбежным до победы социализма в главных империалистических государствах»¹⁴) прямо объявлялась результатом сохранения «пережитков прошлого» в обновляющемся советском социуме.

«В отличие от эксплуататорского общества преступность не присуща социалистическому строю. Она существует лишь постольку, поскольку при социализме — этой переходной от капитализма к коммунизму фазе — сохраняются остатки досоциалистического прошлого», утверждал А. А. Герцензон¹⁵. «На состояние и динамику преступности оказывают воздействие некоторые устойчивые негативные явления, оставшиеся от старого общества: отсутствие привычки к организованности и сознательной дисциплине, элементы анархии и социального разложения, мещанство, алкоголизм»¹⁶. «Хотя существование преступности и связано с некоторыми особенностями общественных

отношений в социалистическом обществе, но, во-первых, эти особенности есть проявление незавершенности исторического процесса перехода к высшей стадии общественного развития — коммунизму, во-вторых, они не выражают сущности новой формации, а наоборот, временны и преходящи, и в-третьих, возникновение на почве подобных условий индивидуалистических взглядов и побуждений — не органическое и неизбежное, а лишь побочное и возможное их следствие»¹⁷.

Таким образом, марксистская концепция дает основание утверждать:

— Преступность есть не просто исторически изменчивый, но собственно исторический феномен, который возникает с момента возникновения государства и права в классово-антагонистическом обществе и должен исчезнуть в коммунистическом бесклассовом и неантагонистическом социуме.

— Причины преступности, как и сама преступность, носят социальный и (или) социально-психологический характер и являются собой «пережитки прошлого», историческое наследие, доставшееся обществу от предшествующих эпох, которые будут преодолены по мере продвижения к коммунизму.

— Будущее преступности предопределено. Она должна исчезнуть (вместе с правом и государством), как только во всемирно-исторической перспективе бесклассовое общество будет построено в каждом государстве.

2. Циклическая и маятниковая история преступности как вечного социального явления

Концепции линейной истории, прямо или косвенно подразумевающие наличие в ней идеи прогрессивного развития общества, противостоят философским построениям, основанным на понимании истории как циклического, или маятникового, процесса. Такое представление об истории, в отличие от теологических и марксистских построений, не предполагает с необходимостью, что все народы мира, все со-

¹³ Герцензон А. А. Введение в советскую криминологию. М. : Юридическая литература, 1965. С. 6–7.

¹⁴ Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М. : Изд-во МГУ, 1968. С. 211.

¹⁵ Советская криминология / А. А. Герцензон, В. К. Звирбуль, И. И. Карпец [и др.]. М. : Юридическая литература, 1966. С. 62.

¹⁶ Курс советской криминологии: Предмет. Методология. Преступность и ее причины. Преступник. С. 185.

¹⁷ Сахаров А. Б. Методологические вопросы изучения социальной обусловленности преступности // Влияние социальных условий на преступность : сборник научных трудов. М. : Институт Прокуратуры СССР, 1983. С. 18.

общества людей и государства имеют единую, общую для всех историю. Всемирная история здесь может пониматься и как единый процесс, и как множество развивающихся локальных, цивилизационных процессов. При этом история каждой отдельной цивилизации может повторять общую для всех схему, а может быть и уникальной. Эти нюансы понимания истории важны для обсуждения вопроса о наличии или отсутствии специфических закономерностей развития преступности в каждом отдельном государстве. Однако для понимания логики собственно истории преступности ими можно в некоторой степени пренебречь.

Важнее подчеркнуть, что циклический, или маятниковый, исторический процесс не имеет своей финальной точки. В его рамках история общества, а вслед за ней и история преступности мыслится как непрерывный и вечный процесс изменений, логика которых состоит в последовательном переживании (смене) определенных фаз (состояний), содержание которых задано степенью воплощения одной из двух противоположных по своей сути идей. В отличие от марксизма, делавшего ставку на материалистическое понимание движущих сил истории, здесь (как и в теологических построениях) во главу угла ставится нематериальный фактор, фактор культуры, но в отличие от последних идеи, движущие миром, не связаны исключительно с богом и понимаются диалектически. «Исторические повороты, — пишет И. В. Кондаков, — бывают вызваны какими-то тектоническими “толчками”, происходящими в ментальной сфере, что связано с обострениями ключевых проблем исторического развития, требующими принятия радикальных решений, способных переломить проблемную ситуацию и привести к обновлению социокультурной среды»¹⁸. Научкой предложены различные варианты понимания полюсов «маятника истории». Некоторые философы усматривают логику истории во взаимодействии и чередовании культурных механизмов конструктив-

ной напряженности: инверсии и медиации¹⁹; А. А. Ирвин утверждает, что история движется между двумя полюсами, одним из которых является коллективистическое общество, другим — индивидуалистическое общество²⁰.

Особое влияние в рамках рассматриваемых теоретических построений имеет концепция П. А. Сорокина, в рамках которой человеческая история истолковывается как последовательная смена трех типов культур: чувственной (для которой характерны материализм, детерминизм, господство материальных ценностей, релятивизм этих ценностей и т.д.), идеациональной (с присущими ей идеализмом, инде-терминизмом, господством духовных и абсолютных ценностей и т.д.), идеалистической (гармонично сочетающей оба предыдущих типа культуры)²¹.

Преступления существуют в рамках каждого типа культуры. При этом ни одно деяние, по П. А. Сорокину, не является преступлением в силу своей онтологической природы, оно приобретает таковой статус, только будучи опосредованным сознанием некоторой группы людей. «“Преступным” будет и может быть тот или иной акт не сам по себе, а лишь в том случае, когда в психическом переживании когнитивный акт квалифицируется как преступный»²². Эти «психические переживания» определяются, среди прочего, господствующим типом культуры. В рамках идеациональной культуры большинство криминализованных деяний носят идеациональный характер, то есть являются действиями, оскверняющими идеациональные (абсолютные, высшие) ценности (большую часть таких преступлений составляют преступления против религии и нравственных принципов). Соответственно, в чувственной форме культуры уголовно наказуемыми считаются те деяния, которые представляются опасными для общества или для властей придерживающихся с позиций утилитаризма, гедонизма, эвдемонизма. При этом в целом идеациональное уголовное право стремится быть

¹⁸ Кондаков И. В. К современной философии истории // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2017. № 4/2. С. 222.

¹⁹ Пелипенко А. А., Яковенко И. Г. Культура как система. М. : Языки русской культуры, 1998 ; Кондаков И. В. Указ. соч. С. 221–230.

²⁰ Ирвин А. А. Философия истории. М. : Гардарики, 2000.

²¹ Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. М. : Астрель, 2006.

²² Сорокин П. А. Преступление и кара, подвиг и награда : социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. М. : Астрель, 2006. С. 153.

значительно более суровым и строгим, чем чувственное уголовное право²³.

История преступности в рамках теоретических построений П. А. Сорокина может мыслиться как история последовательной смены одобряемых официальной культурой шаблонов поведения, которая происходит через их неизбежный конфликт по мере смены самих типов культур, со столь же неизбежным повышением уровня преступности в период такой смены. Процесс смены шаблонов поведения сам по себе является достаточно болезненным для социального организма и в глобальном масштабе означает определенный кризис. Всякий общественный кризис неизбежно должен сопровождаться и повышением преступлений, причем с точки зрения обеих борющихся сторон, держащихся старых и новых шаблонов поведения. С точки зрения правительственной преступление будут расти потому, что разразившийся кризис означает рост противоправных деяний, нарушающих нормы, охраняемые уголовным законом. С точки же зрения другой борющейся стороны преступления тоже повысятся, так как теперь с ее точки зрения поведение представителей власти и лиц, держащихся «старого порядка», начинает квалифицироваться в качестве преступного²⁴. Однако после этой смены культурных шаблонов, после того как новый шаблон будет более или менее утвержден и распространен, преступность столь же неизбежно пойдет на спад. Таким образом, не существует единой и раз навсегда данной тенденции развития преступности. Закономерность ее исторической динамики состоит в наличии самой динамики, постоянном движении в соответствии с изменениями общества и культуры.

3. Линейная история преступности как вечного социального явления

В противовес теологии и марксизму, конструирующим однофакторный механизм исторического процесса, и одновременно в противовес циклическим трактовкам истории, исключаящим линейную ее направленность, в современной науке весьма распространен подход, в рамках которого признается значимость влияния

множества факторов на исторический процесс, хотя и не формулируются четко цель и смысл исторического процесса. Суть плюралистического подхода состоит в том, что «исторический процесс объявляется результатом параллельного и равнозначного воздействия многих факторов: экономического, политического, идейного, психологического, биологического и т.п., из которых ни один не является определяющим, хотя в зависимости от исторических условий один из них может выйти временно на передний план, потеснив остальные»²⁵.

Такое понимание истории вполне согласуется с представлениями о вечном характере преступности и многофакторном характере ее причинного комплекса. Тезисы об отмирании преступности по мере приближения конца света или коммунизма в настоящий момент не пользуются особой популярностью в криминологической литературе. Едва ли не единственно верной признается мысль о том, что преступность — вечное социальное явление, постоянный спутник человечества, от которого оно никогда не избавится. При этом на преступность столь же вечно влияет целостный комплекс детерминирующих факторов, типологически связанных с факторами исторического процесса.

Эта криминологическая парадигма (надо признать, вполне обоснованная) задает особый характер взаимосвязи истории общества и преступности. Парадоксальным образом признание исторической вечности преступности делает саму преступность внеисторической, разрывая методологическую связь между философией истории и историей преступности. Ведь как бы ни понимался смысл истории человеческого общества, преступность в ней будет представлена всегда. Она, таким образом, не зависит от логики исторического процесса, подчиняясь собственным законам развития. Ее история приобретает самостоятельный характер и собственную логику.

«Преступность в истории человечества, — пишут Ю. М. Антонян и О. Ю. Звизжова, — можно представить в виде змеи, которая движется не строго прямо, а извилистым и сложным путем. С одной стороны, она остро и живо реагирует на изменения социальной среды, представления людей и их требования, характер их

²³ Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. С. 542–545.

²⁴ Сорокин П. А. Преступление и кара, подвиг и награда. С. 468.

²⁵ Семенов Ю. И. Философия истории. Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней. М. : Современные тетради, 2003. С. 442.

сотрудничества или вражды для того, чтобы защитить чьи-то эгоистические или иные аморальные интересы либо предотвратить угрозу. С другой стороны, преступность твердо и неизменно идет вперед, несмотря на все преграды, которые ей ставят общество, государство и отдельные люди»²⁶.

Преступность, ввиду внеисторического характера ее детерминант (стремление людей, недовольных своим статусом и положением, изменить его) и мотивации, наделяется свойством «временного единства», «меняются главным образом конкретные жизненные ситуации при совершении преступлений, способы реализации мотивов, а также орудия, используемые при этом»²⁷.

Вечность преступности, разумеется, не означает ее неизменности. Она меняется, но ее изменения определяются не логикой исторического процесса, а социальными изменениями, направленность и содержание которых могут быть совершенно любыми. Источник истории общества и источник истории преступности находятся при таком подходе в разных точках, не совпадают. Отсюда хотя и взаимосвязанное, но самостоятельное, параллельное развитие, с одной стороны, общества в целом, с другой стороны, преступности в нем. При таком подходе криминология может строить концепцию понимания и профилактики преступности в рамках любой историософской концепции, а может и вполне обойтись без какой бы то ни было философии истории.

Преступность здесь по большей части объясняется «настоящим» и исследуется как «настоящее». Прошлое преступности объявляется ее историей, будущее — ее прогнозом. И хотя прошлое, настоящее и будущее преступности определяется корреспондирующим им прошлым, настоящим и будущим социума, связь между прошлым, настоящим и будущим самой преступности оказывается весьма своеобразной.

Ю. М. Антонян, в частности, предлагает выделять в структуре преступности ее ядро и периферию. «Всегда сохраняется группа деяний (убийства, кражи, изнасилования, разбои и некоторые другие), которые во всех обществах признаются преступлениями, — это и

есть ядро преступности. Наличие такого ядра... свидетельствует о вечности преступности. Наряду с ядром, имеется ее периферийная часть, которая обладает тоже вечным свойством: она постоянно меняется»²⁸. Таким образом, «ядро» обеспечивает неизменное единство прошлого, настоящего и будущего преступности, а «периферия» — ее изменения в ответ на особенности конкретно-исторического момента.

О постмодернизме и ответе на его вызов

Логика исторического процесса, обоснованная описанными выше масштабными историософскими построениями, оказалась подорванной, а в некотором смысле и низвергнутой особенностями современной эпохи, характеризующейся непредсказуемыми и порой необъяснимыми изменениями социальной динамики. С одной стороны, это актуализирует проблему поиска универсальной концепции философии истории, объясняющей в новых условиях смысл исторического процесса, а с другой — создает существенные препятствия в ее построении, которые к настоящему моменту не могут считаться преодоленными. По большому счету, в историко-философской литературе можно констатировать определенный вакуум новых созидательных, смыслоутверждающих идей и концепций или, по выражению С. А. Колесникова, «методологический штиль»²⁹.

С «падением» исторического материализма, пишет Т. И. Адуло, «социальная философия не закрепила за собой статуса научной дисциплины, способной обеспечивать теоретическое осмысление человеческой истории, а социология на постсоветском пространстве не достигла уровня философии истории, хотя и заявила о своей претензии на эту миссию»; «социальная философия в современном ее виде не только не выступает в качестве надежной философско-теоретической базы теоретического осмысления и прогнозирования социальных процессов, но и не выполняет свою главную функцию — не выступает в качестве систематизатора и координатора социальных и гуманитарных наук в целом, т.е. не выполняет ту функцию, которую

²⁶ Антонян Ю. М., Звизжова О. Ю. Преступность в истории человечества. М. : Норма, Инфра-М, 2012. С. 8.

²⁷ Антонян Ю. М., Звизжова О. Ю. Указ. соч. С. 22.

²⁸ Причины преступности в России / под ред. Ю. М. Антоняна. М. ; СПб. : Нестор-История, 2013. С. 20–21.

²⁹ Колесников С. А. Перспективы теологического историзма: разрешение неопределенности и вызовы противостояния // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2020. № 2 (30). С. 73.

в свое время выполнял исторический материализм»³⁰.

«В XX веке, — отмечает Ю. Н. Харари, — мировые элиты в Берлине, Москве, Нью-Йорке и Лондоне предложили три грандиозные концепции, призванные объяснить прошлое и предсказать будущее всего мира. Это фашистская концепция, коммунистическая концепция и либеральная концепция. <...> В 1938 году человечество могло выбирать из трех глобальных проектов; в 1968-м — из двух; в 1998-м казалось, что восторжествовал один из них, и вот к 2018-му мы остались ни с чем. <...> Жить с единственной концепцией очень удобно: всё абсолютно ясно. А вот остаться совсем без концепции страшно — всё кажется бессмысленным»³¹. При отсутствии альтернативной теории для объяснения реальности «будущее проходит мимо».

Крушение универсалистских теоретических концепций происходит на фоне активного развития различного рода теорий, восходящих к философии постмодерна. Не останавливаясь подробно на распутывании сложного клубка постмодернистских построений истории, отметим главное в этом философском подходе: история не является неуклонным поступательным движением; направленности истории и какой бы то ни было логики исторического процесса не существует; история — это всегда становление настоящего, которое только и является реальностью; прошлое есть всего лишь нагромождение фактов, но никак не процесс; смысл исторической науки не в том, чтобы объяснить прошлое, а в том, чтобы дать такую интерпретацию прошлых событий, которая была бы политически целесообразной для конструирования настоящего³².

Отсутствие четких представлений о смысле истории, в том числе и сомнения в наличии самого этого смысла, способно лишить рассуждения об истории преступности историософской основы, которая позволила бы не только связать воедино историю всех социальных процессов (включая криминогенные и криминальные), но и понять логику, направленность и закономерности их развития. В такой сложной

методологической ситуации история преступности (с ее прошлым, настоящим и будущим) не «выводится» содержательно из общей истории социума, а сама история общества представляется всего лишь хронологией определенных событий, которые выступают фоном для развития преступности. Преступность приобретает собственную логику, интерпретация которой подчиняется уже не историософской традиции, а исключительно криминологическим истолкованиям самого феномена преступности. Отсюда вполне закономерным видится то обстоятельство, что логика преступности становится объектом исследования прежде всего криминологов.

При этом постмодернистская деконструкция затронула не только вопросы смысла истории, но и вопросы понимания преступности. Главное, в чем это проявилось, — это лишение преступности ее онтологического статуса как социального явления.

Внушительный массив криминологических концепций, отвергающих онтологическую реальность преступности, не нашел прочной почвы и последователей в российской криминологической науке. Тем не менее на две такие концепции следует обратить внимание как минимум по причине их распространенности и авторитета разработчиков.

Первая — это теория социального конструирования преступности. Ее активным сторонником в России следует признать Я. И. Гилинского, который последовательно утверждает: «В реальной действительности нет объекта, который был бы “преступностью” (или “преступлением”) по своим внутренним, имманентным свойствам, *sui generis*, *per se*. Преступление и преступность — понятия релятивные (относительные), конвенциональные (“договорные”: как “договорятся” законодатели), они суть социальные конструкты, лишь отчасти отражающие отдельные социальные реалии»³³. Преступность в концепции автора — один из множества видов девиантного поведения, формальные границы которого очерчены законом, принятым группой лиц, наделенных властью.

³⁰ Адуло Т. И. Указ. соч. С. 15, 16.

³¹ Харари Ю. Н. 21 урок для XXI века / пер. с англ. Ю. Гольдберга. М. : Синдбад, 2021. С. 19, 22.

³² См. подробнее: Бибилова Л. В. Постмодернизм и ценностный кризис европейской исторической науки // Тетради по консерватизму. 2015. № 3. С. 59–72 ; Гусева И. И. Историческая реальность в свете постмодернистского «вызова» // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2004. № 9. С. 69–73.

³³ Гилинский Я. И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2009. С. 37.

Отсюда «преступность есть порождение власти в целях ограничения иных, не принадлежащих власти, индивидов в их стремлении преодолеть социальное неравенство, вести себя иначе, чем предписывает власть»³⁴.

Вторая, так называемая семантическая, концепция преступности обоснована Д. А. Шестаковым. В ее рамках четко противопоставляются «преступное множество» как совокупность совершенных в стране преступлений и собственно преступность как «свойство человека, социального института, общества отдельной страны, глобального общества воспроизводить множество опасных для окружающих людей деяний, проявляющееся во взаимосвязи преступлений и их причин, поддающееся количественной интерпретации и предопределяющее введение уголовно-правовых запретов»³⁵.

В границах этих теоретических построений может быть представлен свой собственный взгляд на историю преступности, который хотя и не аргументирован разработчиками непосредственно, но вполне логично вытекает из авторских рассуждений и косвенно подтверждается их анализом.

В частности, история преступности как результата конструирующей политики власти допустимо может быть представлена как история криминализации общественно опасных (или не опасных) деяний. А в семантической концепции история преступности должна мыслиться как история возникновения, развития, изменения преступного свойства (или свойств) у человека или социальных институтов³⁶.

Однако в первом случае история преступности становится неотличимой от истории уголовной политики, которая закономерно воспринимается как неотъемлемая часть истории политики вообще (политической борьбы, смены правящих элит и т.п.). Во втором случае история преступности подменяется историей социализации или историей отдельных форм социальной организации жизни человека.

При любом подходе преступность, лишенная онтологического статуса, по сути, лишается собственной логики развития, растворяясь в закономерностях или хаосе политических или социальных процессов, наделяясь логикой субъектов, интерпретирующих саму преступность. Прошлое преступности становится неактуальным, а будущее — неизвестным. Значение приобретает только ее настоящее, которое выводится из социально-политического настоящего.

Важнейшая особенность такого подхода — субъективно избираемое исследователем либо лишение истории преступности (вслед или на фоне истории общества) какого-либо смысла и логики, либо использование исторических и криминологических фактов для оправдания, поддержки той цели общественного и политического развития, которая сейчас, в данный момент представляется субъективно значимой. В последнем случае важно, что, в отличие от телеологии истории эпохи модерна, когда цель истории или задавалась «извне», или объявлялась имманентной обществу, объективной и закономерной установкой его развития, постмодернистская телеология истории способна обосновать целью едва ли не любое стремление тех людей и социальных групп, которые в настоящем располагают властным и иным ресурсом для «управления историей». Задолго до постмодернизма Х. Арндт показала, что за пределами телеологии попытки заполнить смысловой вакуум истории опирались на представление об истории исключительно как процессе, смысл которому придает любая произвольная цель, способная оправдать любые поступки для ее достижения³⁷.

Строго говоря, именно в таких рамках, как нам представляется, и развивается объяснение преступности современной наукой, безотносительно к тому, как криминологи формулируют свое отношение к постмодернизму.

Здесь возможно два основных подхода.

³⁴ Гилинский Я. И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. С. 42.

³⁵ Шестаков Д. А. Криминология: Новые подходы к преступлению и преступности. Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2006. С. 136.

³⁶ Однако, видимо, неуловимость самого этого свойства обусловила тот факт, что Д. А. Шестаков в параграфе, который называется «История преступности в России», ведет рассуждения не об истории преступности в заявленном им понимании, а об истории преступного множества, ссылаясь на многочисленные статистические данные о числе зарегистрированных и иных преступлений.

³⁷ См. об этом: Аникина А. Б. Логика исторического процесса: ее конструирование и саморазрушение // Сибирский философский журнал. 2016. Т. 14, № 1. С. 83–93.

Первый состоит в том, что, отказывая истории в наличии каких-либо закономерностей и признавая смыслом истории повседневную практику субъектов, создающих эту историю³⁸, мы можем воспринимать преступность как «социальное явление, заключающееся в решении частью населения своих проблем с виновным нарушением уголовно-правового запрета»³⁹, как неизбежную часть «повседневности»⁴⁰. В этом случае допустимы в принципе любые теории детерминации преступности, от биологических до космических, и, соответственно, любые программы противодействия ей, от проектов социального инжиниринга до массовой декриминализации. История преступности здесь будет восприниматься как отвлеченный набор статистических данных, а актуальная преступность — объясняться текущим состоянием общества, его экономических, политических, культурных и прочих характеристик. Налицо разрыв между прошлым и будущим и сосредоточенность на исследовании исключительно преступности как настоящего.

Второй подход более сложный. Основываясь опять же на методологическом разрыве между прошлым и будущим, он позволяет рассматривать преступность как явление настоящего, препятствующее достижению официально признанной в современных условиях цели общественного развития. Это позволяет более или менее органично, но всё же субъективно связать историко-криминологические факты, на их основе создать концепцию исторического понимания и объяснения преступности, которая может служить основой для принятия современных уголовно-политических решений, которые, в свою очередь, являются частью более широкого процесса исторической легитимации современного политического и государственного курса.

Для иллюстрации возможностей данного подхода можно обратиться к двум сформировавшимся на волне постмодерна концепциям истории. Первая — возникшая в европейской науке концепция исторического обоснования

единства Европы⁴¹, вторая — официально признанная в России концепция отечественной истории, в рамках которой суть исторического процесса сводится к «совокупности усилий многих поколений россиян», «непрерывному процессу обретения национальной идентичности», «непрерывному процессу становления и развития российской государственности, формирования государственной территории и единого многонационального российского народа, а также его основных символов и ценностей»⁴².

Таким пониманием смысла истории общества вполне можно наделить и историю преступности. В первом случае допустимо анализировать преступность в контексте развития межгосударственных интеграционных процессов (шире — в контексте глобализации): выявлять криминогенные и антикриминогенные свойства глобализации, выделять в структуре преступности национальный, трансграничный и глобализационный компоненты, смотреть на преступность как на столкновение культур и цивилизаций и т.д. Во втором случае мыслимым будет взгляд на преступность как на попытку отдельных лиц или групп подорвать национальную идентичность страны (что позволит связать воедино средневековых еретиков и иноагентов) и противодействовать развитию российской государственности (что поставит в один ряд польских интервентов начала XVII в. и современных шпионов, князя Курбского и лиц, неоднократно нарушающих правила проведения митингов).

Относительно произвольно конструируемый смысл истории общества, как видим, задает столь же произвольно моделируемый взгляд на преступность, ее природу, направленность и динамику развития.

Заключение

Представленный обзор научных подходов к пониманию логики исторического развития пре-

³⁸ См. об этом: Сопов В. В., Ярославцева А. В. Предмет истории и смысл исторического познания // *Abyss* (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). 2022. № 3 (21). С. 86–99.

³⁹ Преступность, ее виды и проблемы / под ред. А. И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2011. С. 17.

⁴⁰ Гилинский Я. И. Преступность как повседневность // *Телескоп*. 2019. № 1 (133). С. 24–26.

⁴¹ См.: Бибикова Л. В. Указ. соч. С. 68–69.

⁴² См.: Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории // URL: https://mosmethod.ru/files/metod/srednyaya_starshaya/istor/Koncepcia_final.pdf (дата обращения: 16.07.2023).

ступности в контексте некоторых историософских концепций, на первый взгляд, приводит к неутешительному выводу о том, что часть таких концепций (прежде всего линейного однофакторного развития) не может служить основой для современных рассуждений на заявленную тему, будучи дискредитированными практикой и опровергнутыми временем, другая часть (прежде всего постмодернистские) обезоруживает исследователей своей деконструктивной логикой. Наделенные же определенным смыслом и логикой, лишенные эсхатологизма циклические концепции, хотя и проникают в ткань криминологических сочинений, остаются по большей части на периферии философии истории и востребованы главным образом как часть литературного наследия, но не как основа для социальной практики.

В таких условиях рассуждения о преступности как о процессе, интегрирующем прошлое, настоящее и будущее, становятся крайне затруднительными, особенно принимая во внимание имеющуюся, но сознательно оставленную за рамками настоящей работы неопределенность понимания самого настоящего, прошлого и будущего.

И тем не менее эти трудности необходимо преодолеть. Как ни странно это прозвучит, но вызов, брошенный философии истории постмодерном, может быть преодолен на основе возможностей самого постмодерна, допускающего плюралистическое истолкование смысла истории и столь же плюралистическое истолкование преступности. История преступности, по

всей видимости, должна мыслиться сегодня во множественном числе — как ее истории. Преступность как процесс в данном случае есть одновременно часть и процесса борьбы за власть, и процесса экономического развития, и процесса обретения национальной идентичности, и процесса секуляризации культуры, и процесса построения правового государства, и многих иных процессов, протекающих в обществе. Каждый из этих процессов подчиняется собственной логике, и вместе с тем все они связаны между собой. Поиск и обретение этого связующего звена и есть, собственно, обретение смысла истории общества и преступности как его части. Но смысл не может быть единым. В разные времена и у разных людей он разный, предопределенный прежде всего мировоззренческими установками⁴³. Более того, современная философия фактически отказывает истории в трансцендентном смысле. «Если нет изначально заданного направления у истории, то, значит, мы сами можем задавать ей и самим себе то или иное направление движения, которое мы хотели бы осуществить, а если нет трансцендентной цели истории, то мы сами можем выдвигать и пытаться реализовать те или иные промежуточные исторические цели»⁴⁴. Отсюда процессуальная парадигма понимания преступности с неизбежностью распадается на множество концептуальных построений, которое (множество) только и способно охватить собой многоаспектные связи прошлого, настоящего и будущего преступности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адуло Т. И. Философия истории как рефлексирование прошлого, постижение настоящего и проецирование будущего // *Культура. Наука. Творчество* : сборник научных статей XVI Международной научно-практической конференции (Минск, 12 мая 2022 г.) / отв. ред. Н. В. Карчевская. Минск : Белорусский государственный университет культуры и искусств, 2022. С. 13–17.

Алферов А. А. Проблема смысла истории // *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*. 2020. № 6А. С. 71–77.

Аникина А. Б. Логика исторического процесса: ее конструирование и саморазрушение // *Сибирский философский журнал*. 2016. Т. 14, № 1. С. 83–93.

Антонян Ю. М. Основные черты преступности // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция»*. 2022. № 2. С. 89–99.

Антонян Ю. М., Звизжова О. Ю. Преступность в истории человечества. М. : Норма, Инфра-М, 2012. 208 с.

⁴³ См. об этом: *Личман Б. В.* Мировоззрение современной интерпретации истории: смысл истории или смысл в истории // *Пробелы в российском законодательстве*. 2015. № 6. С. 9–11.

⁴⁴ *Алферов А. А.* Проблема смысла истории // *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*. 2020. № 6А. С. 71.

- Бабаев М. М. Преступность как процесс (теоретические и прикладные проблемы изучения) // Российский криминологический взгляд. 2010. № 2. С. 291–303.
- Бибикова Л. В. Постмодернизм и ценностный кризис европейской исторической науки // Тетради по консерватизму. 2015. № 3. С. 59–72.
- Богомолова М. А. Становление философской концепции постмодернизма // Вестник Чувашского университета. 2008. № 4. С. 335–342.
- Герцензон А. А. Введение в советскую криминологию. М. : Юридическая литература, 1965. 227 с.
- Гилинский Я. И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2009. 504 с.
- Гилинский Я. И. Преступность как повседневность // Телескоп. 2019. № 1 (133). С. 24–26.
- Голубов И. И., Денисенко М. В. Некоторые аспекты соотношения греха и преступления // Горизонты гуманитарного знания. 2018. № 4. С. 143–151.
- Гринин Л. Е. Теория, методология и философия истории: очерки развития исторической мысли от древности до середины XIX века. Лекция 3 : Средневековая теология, теория истории и историография. Западная Европа. Лекция 4 : Философско-историческая мысль в Средние века. Византия, Русь, Арабский мир, Китай // Философия и общество. 2010. № 2 (58). С. 151–192.
- Гусева И. И. Историческая реальность в свете постмодернистского «вызова» // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2004. № 9. С. 69–73.
- Иншаков С. М. Криминология : учебник. М. : Юриспруденция, 2000. 426 с.
- Ирвин А. А. Философия истории. М. : Гардарики, 2000. 528 с.
- Колесников С. А. Перспективы теологического историзма: разрешение неопределенности и вызовы противостояния // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2020. № 2 (30). С. 72–99.
- Кондаков И. В. К современной философии истории // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2017. № 4/2. С. 221–230.
- Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М. : Изд-во МГУ, 1968. 232 с.
- Курс советской криминологии: Предмет. Методология. Преступность и ее причины. Преступник / Г. В. Дашков, А. И. Долгова, И. И. Карпец [и др.]. М. : Юридическая литература, 1985. 416 с.
- Ленин В. И. Государство и революция // Полное собрание сочинений : в 33 т. Т. 33. 5-е изд. М. : Издательство политической литературы, 1969. 433 с.
- Лиотар Ж. Ф. Состояние постмодерна. М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 1998. 159 с.
- Личман Б. В. Мировоззрение современной интерпретации истории: смысл истории или смысл в истории // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 6. С. 9–11.
- Основы социальной концепции Русской православной церкви (приняты Освященным Архиерейским Собором Русской православной церкви 13–16 августа 2000 г.) // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения: 13.07.2023).
- Пелипенко А. А., Яковенко И. Г. Культура как система. М. : Языки русской культуры, 1998. 376 с.
- Преступность, ее виды и проблемы / под ред. А. И. Долговой. М. : Российская криминологическая ассоциация, 2011. 370 с.
- Причины преступности в России / под ред. Ю. М. Антоняна. М. ; СПб. : Нестор-История, 2013. 346 с.
- Сахаров А. Б. Методологические вопросы изучения социальной обусловленности преступности // Влияние социальных условий на преступность : сборник научных трудов. М. : Институт Прокуратуры СССР, 1983. С. 6–29.
- Семенов Ю. И. Философия истории. Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней. М. : Современные тетради, 2003. 776 с.
- Советская криминология / А. А. Герцензон, В. К. Звирбуль, И. И. Карпец [и др.]. М. : Юридическая литература, 1966. 319 с.
- Сопов В. В., Ярославцева А. В. предмет истории и смысл исторического познания // Abyss (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). 2022. № 3 (21). С. 86–99.
- Сорокин П. А. Преступление и кара, подвиг и награда : социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. М. : Астрель, 2006. 618 с.
- Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. М. : Астрель, 2006. 1176 с.
- Харари Ю. Н. 21 урок для XXI века / пер. с англ. Ю. Гольдберга. М. : Синдбад, 2021. 416 с.
- Шестаков Д. А. Криминология: Новые подходы к преступлению и преступности. Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2006. 561 с.

REFERENCES

- Adulo TI. Philosophy of history as reflection of the past, comprehension of the present and projection of the future. In: Karchevskaya NV (ed.). *The Culture. The Science. The Creativity*: Collection of Scientific Articles of the 16th International Scientific and practical conferences. Minsk; 12 May 2022. Minsk: Belarusian State University of Culture and Arts; 2022. (In Russ.).
- Alferov AA. The problem of the meaning of history. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke*. 2020;6A:71-77. (In Russ.).
- Anikina AB. Logic of the historical process: its construction and self-destruction. *Sibirskiy filosofskiy zhurnal*. 2016;14(1):83-93. (In Russ.).
- Antonyan YuM (ed.). The causes of crime in Russia. Moscow, St. Petersburg: Nestor-History Publ.; 2013. (In Russ.).
- Antonyan YuM, Zvizzhova OYu. Crime in the history of mankind. Moscow: Norma, Infra-M Publ.; 2012. (In Russ.).
- Antonyan YuM. The main features of crime. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Yurisprudentsiya»*. 2022;2:89-99. (In Russ.).
- Babaev MM. Crime as a process (theoretical and applied problems of study). *Rossiyskiy kriminologicheskiy vzglyad*. 2010;2:291-303. (In Russ.).
- Bibikova LV. Postmodernism and the Value Crisis of European Historical Science. *Tetradi po konservatizmu*. 2015;3:59-72. (In Russ.).
- Bogomolova MA. The formation of the philosophical concept of postmodernism. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 2008;4:335-342. (In Russ.).
- Dolgova AI (ed.). Crime, its types and problems. Moscow: Russian Criminological Association Publ.; 2011. (In Russ.).
- Gerzenzon AA, Zvirbul VK, Karpets II, et al. Soviet criminology. Moscow: Yurid. lit. Publ.; 1966. (In Russ.).
- Gerzenzon AA. Introduction to Soviet Criminology. Moscow: Jurid. lit. Publ.; 1965. (In Russ.).
- Gilinskiy YaI. Crime as a daily occurrence. *Teleskop*. 2019;1(133):24-26. (In Russ.).
- Gilinskiy YaI. Criminology: theory, history, empirical base, social control. 2nd ed. St. Petersburg: Yurid. Center-Press Publ.; 2009. (In Russ.).
- Golubov II, Denisenko MV. Some aspects of the ratio of sin and crime. *Gorizonty gumanitarnogo znaniya*. 2018;4:143-151. (In Russ.).
- Grinin LE. Theory, methodology and Philosophy of history: essays on the development of historical thought from antiquity to the middle of the XIX century. Lecture 3: Medieval theology, theory of history and historiography. Western Europe. Lecture 4: Philosophical and historical thought in the Middle Ages. Byzantium, Russia, the Arab world, China. *Filosofiya i obshchestvo*. 2010;2(58):151-192. (In Russ.).
- Guseva II. Historical reality in the light of the postmodern challenge. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsialno-ekonomicheskogo universiteta*. 2004;9:69-73. (In Russ.).
- Harari YuN. 21 lessons for the XXI century. Trans. from Eng. Goldberg Yu. Moscow: Sinbad Publ.; 2021. (In Russ.).
- Inshakov SM. Criminology. Moscow: Jurisprudence Publ.; 2000. (In Russ.).
- Irwin AA. Philosophy of history. Moscow: Gardariki Publ.; 2000. (In Russ.).
- Kolesnikov SA. Perspectives of Theological Historicism: Resolution of Uncertainty and Challenges of Confrontation. *Vestnik Ekaterinburgskoy dukhovnoy seminarii*. 2020;2(30):72-99. (In Russ.).
- Kondakov IV. Towards a modern Philosophy of history. *Vestnik RGGU. Seriya «Filosofiya». Sotsiologiya. Iskusstvovedenie*. 2017;4(2):221-230. (In Russ.).
- Kuznetsova NF. Crime and Criminality. Moscow: Moscow State University Publishing House; 1968. (In Russ.).
- Lenin VI. The State and the Revolution. In: Complete works: in 33 vols. Vol. 33. 5th ed. Moscow: Izd. polit. lit. Publ.; 1969. (In Russ.).
- Lichman BV. The worldview of the modern interpretation of history: the meaning of the story or the meaning in the story. *Probely v rossiyskom zakonodatelstve*. 2015;6:9-15. (In Russ.).
- Liotar JF. The state of postmodernity. Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aleteya Publ.; 1998. (In Russ.).
- Pelipenko AA, Yakovenko IG. Culture as a system. Moscow: Languages of Russian culture Publ.; 1998. (In Russ.).
- Sakharov AB. Methodological issues of studying the social conditionality of crime. In: *The influence of social conditions on crime*. Moscow: Institute of the Prosecutor's Office of the USSR; 1983. (In Russ.).
- Semenov Yul. Philosophy of history. (General theory, main problems, ideas and concepts from antiquity to the present day). Moscow: Sovremennye tetradi Publ.; 2003. (In Russ.).

Shestakov DA. Criminology: New approaches to crime and criminality. Criminogenic laws and criminological legislation. Countering crime in a changing world. 2nd ed. St. Petersburg: Yurid. Center-Press Publ.; 2006. (In Russ.).

Sopov VV, Yaroslavtseva AV. The subject of history and the meaning of historical cognition. *Abyss (Voprosy filosofii, politologii i sotsialnoy antropologii)*. 2022;3(21):86-99. (In Russ.).

Sorokin PA. Crime and punishment, feat and reward: a sociological study on the basic forms of social behavior and morality. Moscow: Astrel Publ.; 2006. (In Russ.).

Sorokin PA. Social and cultural dynamics. Moscow: Astrel Publ.; 2006. (In Russ.).

The course of Soviet criminology: Subject. Methodology. Crime and its causes. A Criminal. Moscow: Jurid. lit. Publ.; 1985. (In Russ.).

The foundations of the social concept of the Russian Orthodox Church. Adopted by the Consecrated Bishops' Council of the Russian Orthodox Church, August 13–16, 2000. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (Accessed 13.07.2023). (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Пудовочкин Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
11081975@list.ru

Бабаев Михаил Матвеевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России
д. 25, стр. 1, Поварская ул., г. Москва 121069, Российская Федерация
babaevmm@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yuri E. Pudovochkin, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor, Department of Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9, Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow 125993, Russian Federation
11081975@list.ru

Mikhail M. Babaev, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chief Researcher, All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
25/1, Povarskaya St., Moscow 121069, Russian Federation
babaevmm@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 29 июля 2023 г.

Статья получена после рецензирования 13 сентября 2023 г.

Принята к печати 17 октября 2023 г.

Received 29.06.2023.

Revised 13.09.2023.

Accepted 17.10.2023.

DOI: 10.17803/1729-5920.2023.204.11.074-085

А. М. ПлешаковНаучно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказания
(ФКУ НИИ ФСИН России)
г. Москва, Российская Федерация**А. С. Туманов**Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
г. Москва, Российская Федерация

Уголовная ответственность за хищения из трубопроводов: законодательные, теоретические и практические аспекты

Резюме. Статья посвящена проблемам, возникающим в теории уголовного права и судебно-следственной практике при квалификации кражи, предусмотренной пунктом «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ. По результатам исследования представлены авторские рекомендации в части совершенствования практики квалификации кражи, совершенной из иных трубопроводов (нормативно не закрепленных в ст. 158 УК РФ). Анализируются физическая сущность предмета хищения и его разная интерпретация в юридической литературе. Рассматриваются обязательные признаки тайного хищения в виде изъятия и обращения углеводородов в свою пользу, совершенного путем так называемой криминальной врезки. Особое внимание уделено вопросам разграничения приготовления и покушения на анализируемый состав тайного хищения, оценки действий соисполнителя и пособника в краже из нефтепровода, нефтепродуктопровода и газопровода. Систематизируется категория «место» преступного деяния, т.е. хищения из трубопроводов различных видов, в том числе магистральных, и предлагается квалификация содеянного. Выделена авторская позиция относительно квалификации иных форм хищения (в частности, грабежа и разбоя), совершаемых из нефтепровода, нефтепродуктопровода или газопровода. Анализируется правоприменительная практика, затрагиваются вопросы отграничения кражи нефти, нефтепродуктов или газа из трубопровода от причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием. В заключение делается вывод о том, что кража нефти (нефтепродуктов) и кража газа представляют две разновидности хищения в рамках одного квалифицированного состава преступления. Авторами изучено свыше 400 судебных решений (приговоров, определений, постановлений) о преступлениях в виде тайного хищения нефти, нефтепродуктов либо газа из трубопроводов за период с 2007 по 2022 г. в более чем 20 регионах России. Результаты исследования нашли отражение в представленных выводах и заключениях.

Ключевые слова: тайное хищение из трубопроводов; нефтепровод; нефтепродуктопровод; газопровод; магистральный трубопровод; грабеж; разбой; причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием; самовольное подключение к трубопроводам; повреждение трубопроводов

Для цитирования: Плешаков А. М., Туманов А. С. Уголовная ответственность за хищения из трубопроводов: законодательные, теоретические и практические аспекты. *Lex russica*. 2023. Т. 76. № 11. С. 74–85. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.204.11.074-085

Criminal Responsibility for Pipeline Thefts: Legislative, Theoretical and Practical Aspects

Alexander M. Pleshakov

Research Institute Federal Penitentiary Service (Federal State Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia)
Moscow, Russian Federation

Alexander S. Tumanov

Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper is devoted to the problems arising in the theory of criminal law and court and investigative practice when classifying a theft under paragraph «b» of Part 3 of Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation. According to the results of the study, the authors present their recommendations as to improvement of the classification of a theft committed from other pipelines (not normatively fixed in Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation). The physical essence of the object of theft and its different interpretation in the legal literature are analyzed. The paper considers mandatory elements of a theft in the form of stealing and using hydrocarbons in their favor, committed by the so-called illegal tapping. Special attention is given to the issues of differentiation of planning and attempt in the analyzed body of theft, assessment of the actions of the coauthor and accomplice in the theft from the oil pipeline, oil product pipeline and gas pipeline. The category of «place» of a criminal act, i.e., theft from pipelines of various types, including trunk pipelines, is systematized, and the classification of the deed is proposed. The author's position on the classification of other forms of theft (in particular, robbery and plundering) committed from an oil pipeline, oil product pipeline or gas pipeline is highlighted. The law enforcement practice is analyzed, the issues of distinguishing the theft of oil, petroleum products or gas from the pipeline from causing property damage by deception or abuse of trust are touched upon. The authors conclude that theft of oil (petroleum products) and theft of gas represent two types of theft within the same body of the crime. The authors have studied over 400 court decisions (sentences, rulings, resolutions) on crimes in the form of theft of oil, petroleum products or gas from pipelines for the period from 2007 to 2022, in more than 20 regions of Russia. The results of the study are reflected in the presented conclusions.

Keywords: stealing from pipelines; oil pipeline; oil product pipeline; gas pipeline; trunk pipeline; robbery; plundering; causing property damage by deception or abuse of trust; unauthorized tapping to pipelines; damage to pipelines

Cite as: Pleshakov AM, Tumanov AS. Criminal Responsibility for Pipeline Thefts: Legislative, Theoretical and Practical Aspects. *Lex russica*. 2023;76(11):74-85. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2023.204.11.074-085

Система трубопроводных сетей на территории Российской Федерации имеет значительную протяженность. Относительная доступность и незащищенность трубопроводов, высокая цена углеводородов нередко порождают преступное поведение отдельных лиц. Ведущие энергетические компании не раз отмечали, что доминирующей угрозой безопасности их деятельности является хищение транспортируемого сырья. Так, например, в отчетах ПАО «Транснефть» указывалось, что в общем массиве противоправных посягательств в сфере нефтегазового сектора доля криминального изъятия углеводородов составляет свыше 60 %¹.

Уголовная ответственность за хищения нефти, нефтепродуктов и газа предусмотрена в п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ. За последние годы подобные преступные посягательства приобрели достаточно устойчивый и распространенный характер. Данные судебной и ведомственной статистики за последние 10 лет показывают, что в России за кражу углеводородов в среднем ежегодно осуждается примерно 700 человек².

Охрана общественных отношений по поводу права собственности на нефть, нефтепродукты и газ имеет стратегическое значение как для национальных, так и для международных интересов государства. Преступные посягательства

¹ Официальный сайт ПАО «Транснефть». URL: <https://www.transneft.ru> (дата обращения: 12.06.2023).

² ГИАЦ МВД России. Форма № 5, разд. 10. Сведения о состоянии преступности и результатах борьбы с ней в топливно-энергетическом комплексе.

на продукцию из трубопроводных сетей как объектов топливно-энергетического комплекса подрывают экономическую безопасность и в конечном итоге обороноспособность страны.

Предметы преступления имеют альтернативный характер (нефть, нефтепродукты и газ) и относятся к исчерпаемым природным ресурсам, т.е. у них есть пределы и они рано или поздно могут быть израсходованы. В экологическом плане при жизни современных людей они являются невозобновляемым естественным образованием. В свою очередь, нефтепродукты, как искусственные предметы, созданные деятельностью человека, могут появляться лишь до тех пор, пока есть нефть.

Характеристики материальных ценностей, которые могут находиться внутри трубопровода (предметы преступления), весьма разнятся между собой как по естественно-природному происхождению, так и по своим физическим параметрам.

Нефть представляет собой горючую маслянистую жидкость со специфическим запахом, которая распространена в осадочной оболочке планеты и является важнейшим полезным ископаемым. Состоит этот вид сырья из различных углеводородов (алканов, циклоалканов и пр.), а также соединений, содержащих кислород, серу и азот³.

В свою очередь, под нефтепродуктами, исходя из нормативного установления, понимаются материальные субстраты, которые были получены при переработке нефти, газового конденсата, углеводородного и химического сырья⁴. Как указывается в литературе, к продуктам переработки нефти относятся: моторные и энергетические топлива, смазочные и несмазочные нефтяные масла, углеродные и вяжущие материалы, нефтехимическое сырье, тормозные, амортизаторные, охлаждающие и технические жидкости, иные эксплуатационные материалы⁵.

Нефтепродукты аналогично нефти имеют физические параметры и потребительскую стоимость. Согласно результатам проведенного нами исследования, нефтепродукты доминируют в роли предмета анализируемого преступления. В 50 % случаев привлечения лиц к ответственности за совершение деяния, предусмотренного пунктом «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ, предметом кражи выступали те или иные нефтепродукты. Из них: дизельное топливо — 80 %, авиационный керосин — 10 %, бензин — 4 %, топливо для реактивных двигателей — 2 %, керосин — 2 % и прочие нефтепродукты — 2 %.

В соответствии со ст. 2 Федерального закона «О газоснабжении в Российской Федерации»⁶ под газом понимается:

— природный газ (смесь газов, в основе которой лежит метан (от 92 до 98 %));

— нефтяной или попутный газ (смесь газов, выделяющаяся из нефти, состоящая из метана, этана, пропана, бутана и изобутана);

— отбензиненный сухой газ (продукт, который получается в ходе переработки нефтяного газа);

— газ из газоконденсатных месторождений, добываемый газодобывающими и нефтедобывающими организациями;

— газ, вырабатываемый газодобывающими и нефтеперерабатывающими организациями.

В теории уголовного права вопрос о признании газа в качестве предмета хищения остается дискуссионным. Как отмечает Н. А. Лопашенко, с дополнением состава кражи квалифицирующим признаком «кража из газопровода» в уголовном праве тихо и незаметно произошла революция относительно понимания предмета преступлений против собственности. По мнению ученого, один из видов энергии (газовая) теперь признается предметом кражи⁷. В принципе, подобной точки зрения придерживается и В. В. Хилюта, который указывает, что газ возможно изъять. Можно лишь противоправно

³ Большая советская энциклопедия. URL: <https://bse.slovaronline.com/22987-NEFT> (дата обращения: 15.06.2023).

⁴ Приказ Минэнерго РФ от 19.06.2003 № 231 «Об утверждении Инструкции по контролю и обеспечению сохранения качества нефтепродуктов в организациях нефтепродуктообеспечения» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.06.2023).

⁵ Александрова В. И. Классификация продуктов переработки нефти // Горный информационно-аналитический бюллетень : научно-технический журнал. 2009. № 11. С. 87–89.

⁶ Федеральный закон от 31.03.1999 № 69-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О газоснабжении в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.06.2023).

⁷ Лопашенко Н. А. Преступления против собственности. Авторский курс : в 4 кн. Кн. I : Общие теоретические исследования посягательств на собственность. М. : Юрлитинформ, 2019. С. 87–89.

пользоваться им путем подключения к газопроводу и уклоняться от внесения платежей за его потребление⁸.

По нашему мнению, с такой позицией вряд ли можно согласиться. Уголовный закон предусматривает ответственность не за кражу энергии, а за хищение материального субстрата, который может вырабатывать тепловую энергию. Газ не электричество и не ветер, это энергоресурс, имеющий физическую форму и обладающий определенной экономической ценностью (стоимостью)⁹. Аналогичную позицию занимают и многие другие ученые¹⁰.

Физический признак газа является наиболее спорным. Сам по себе газ с материальной точки зрения представляет собой так называемое агрегатное состояние, т.е. такое, при котором частицы вещества не взаимодействуют друг с другом или весьма слабо связаны между собой и движутся свободно, заполняя весь предоставленный объем¹¹. Однако такое состояние отнюдь не означает отсутствие физического признака предмета. Как справедливо замечает А. В. Шульга, вещи в юридическом смысле не обязательно твердые тела, и нет никакой необходимости понимать под ними только материальные единицы. Соответственно, газообразная форма является одним из физических проявлений материи¹².

Нередко для получения экономической выгоды, облегчения хранения и транспортировки по трубопроводам природный газ проходит процесс сжижения. Сжиженный природный газ представляет собой жидкость без цвета и запаха, которая примерно в 600 раз меньше по объему, чем газ в обычном состоянии (газообразном)¹³.

Исходя из этого, газ в качестве предмета преступления, предусмотренного пунктом «б» ч. 3

ст. 158 УК РФ, может иметь два агрегатных состояния: газообразное или жидкое (сжиженное).

Судебно-следственная практика показывает, что хищение газа — одно из распространенных преступных деяний. По данным нашего исследования, среди всех преступлений, предусмотренных пунктом «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ, доля хищений природного газа весьма значительна и достигает 44 %.

С объективной стороны кража нефти (нефтепродуктов) и газа происходит тайно, т.е. незаметно для окружающих. Подобное преступное деяние содержит все признаки хищения, предусмотренные в примечании к ст. 158 УК РФ. Кража углеводородов — это противоправное безвозмездное изъятие чужого имущества (предмета преступления) и обращение его в свою пользу или в пользу других лиц, совершенное с корыстной целью и причинившее ущерб собственнику. Объективные признаки состава преступления в отношении нефти, нефтепродуктов и газа хотя и имеют общее основание в виде *тайных действий*, однако содержание различных признаков весьма различно.

Изъятие нефти и нефтепродуктов — это их извлечение (удаление, выведение) из владения собственника. Такое изъятие осуществляется из трубопровода. Это означает, что углеводородное сырье находится внутри хранилища и виновный изымает его наружу, в физическое пространство, т.е. в отдельное от трубопровода сооружение.

Практика показывает, что нефть, нефтепродукты извлекаются «из трубопровода, как правило, с помощью так называемой *врезки*. В соответствии с бланкетными установлениями (техническими актами) под врезкой понимаются действия и их результат, которые непосред-

⁸ Хилюта В. В. Преступления против оборота объектов гражданских прав: концептуально-теоретические основы моделирования : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. С. 231–233.

⁹ Надолинский И. Ответственность за незаконное подключение к газопроводу // Уголовное право. 2010. № 6. С. 44.

¹⁰ Вишнякова Н. В. Объект и предмет преступлений против собственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2003. С. 13 ; Любавина М. А. Проблемы квалификации кражи газа // Вестник Академии генеральной прокуратуры РФ. 2008. № 4 (6). С. 24–25 ; Митрофанов Р. А., Симагина Н. А. Теоретические и практические вопросы квалификации хищения газа // Российский следователь. 2014. № 8. С. 23–26.

¹¹ Физическая энциклопедия. URL: <https://rus-physical-enc.slovaronline.com/488-ГАЗ> (дата обращения: 15.06.2023).

¹² Шульга А. В. Объект и предмет преступлений против собственности в условиях рыночных отношений и информационного общества : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2008. С. 35.

¹³ Жидкий газ: технологии производства одного из главных трендов в отрасли // URL: <https://neftegaz.ru/science/partnerskiy-material/473481-zhidkiy-gaz-tekhnologii-proizvodstva-odnogo-iz-glavnykh-trendov-v-otrasli/> (дата обращения: 15.06.2023).

ственно связаны с криминальным проникновением во внутреннюю полость трубопровода с целью хищения содержащегося в нем топлива»¹⁴. По существу, это отверстие в теле трубы (его повреждение), к которому в дальнейшем крепятся шаровые краны, шланги, металлические трубы и другие приспособления для откачивания (изъятия) сырья.

Анализ этого бланкетного установления (врезка) имеет важное уголовно-правовое значение, поскольку связан с толкованием понятия «непосредственное изъятие», т.е. с разграничением приготовления и покушения на преступление. Полагаем, если виновный проник в тело трубопровода, то с этого момента и начинается процесс извлечения материальных ценностей. Соответственно, врезка представляет собой начало хищения, т.е. это деяние, непосредственно направленное на изъятие предмета преступления.

В этих случаях такие действия, на наш взгляд, могут оцениваться как покушение на преступление, если, разумеется, они в дальнейшем не были доведены до конца по независящим от этого лица обстоятельствам (например, виновный был задержан сотрудниками службы охраны). Однако наше исследование показывает, что в судебной практике наблюдается ярко выраженная тенденция оценивать врезку без дальнейшего извлечения углеводородов как приготовление к преступлению.

Так, приговором Волжского районного суда Самарской области некто Семиколонов был признан виновным в приготовлении к тайному хищению из нефтепродуктопровода (ч. 1 ст. 30, п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ). Виновный прибыл к месту нахождения нефтепродуктопровода, проходящего под землей, откопал тело трубопровода, затем наварил отрезок металлической трубы с резьбой и присоединил к нему шаровый кран, через который просверлил отверстие в нефтепродуктопроводе, т.е. проник в него. После чего Семиколонов изготовил отвод из шланга высокого давления длиной примерно 150 м с шаровым краном на конце в сторону ближайшей лесопосадки, намереваясь через него осуществлять хищение дизельного топлива из несанкционированной врезки. Однако

виновный не смог довести преступление до конца, так как был в этот момент задержан сотрудниками службы охраны трубопровода¹⁵.

С подобной оценкой деяния как приготовления к преступлению трудно согласиться. Врезка — это способ действий, обеспечивающих их «тайность», а не орудие или средство совершения преступления. Соответственно, об их приискации, изготовлении или приспособлении речи не идет, поскольку осуществление объективной стороны состава преступления уже началось (за счет просверливания отверстия, повреждения внешней оболочки, присоединения других механических приспособлений и т.д.).

Решение вопроса о моменте начала объективной стороны кражи из трубопровода, помимо правильного определения стадии совершения преступления, позволит провести разграничение между пособником и соисполнителем хищения. Кража, предусмотренная пунктом «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ, — это сложное по исполнению и зачастую продолжительное преступление. Нередко лица, замышляющие кражу углеводородного сырья, для совершения несанкционированной врезки в трубопровод привлекают лиц, обладающих необходимыми специальными познаниями и навыками. Как правило, данные лица участия в изъятии и обращении сырья не принимают. В правоприменительной практике существует тенденция, согласно которой действия этих лиц оцениваются как пособничество.

Так, приговором Орловского районного суда Орловской области некто Халимов был признан виновным в пособничестве в краже из магистрального нефтепродуктопровода «Куйбышев — Брянск». Халимовым совместно с иными лицами за вознаграждение был подкопан тоннель к трубопроводу, а затем просверлено сквозное отверстие в нижней части тела трубы, после чего приварен к ней металлический кран. Последующее изъятие сырья с помощью уже изготовленной Халимовым врезки производилось на следующий день другими соучастниками (исполнителями)¹⁶.

С подобной уголовно-правовой оценкой действий соучастника в краже из трубопрово-

¹⁴ Методика расчета ущерба от криминальных врезок в нефтепродуктопроводы. (утв. приказом Минэнерго РФ от 06.06.2001 № 167) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.06.2023).

¹⁵ Приговор Волжского районного суда Самарской области от 11.03.2019 по делу № 1-28/2019 // ГАС «Правосудие» (дата обращения: 17.06.2023).

¹⁶ Приговор Орловского районного суда Орловской области от 02.05.2016 по делу № 1164/2015 // ГАС «Правосудие». URL: <http://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 17.06.2023).

дов согласиться достаточно сложно. Как нами уже было указано, подключение к трубопроводу (в данном случае врезка) является началом объективной стороны анализируемого хищения. Соответственно, лица, совершающие врезку, но не производящие последующего изъятия, подлежат ответственности как соисполнители кражи. Эта позиция вполне согласуется и с рекомендациями высшего судебного органа. Так, в п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 уголовная ответственность за совершение тайного хищения группой лиц по предварительному сговору наступает и в тех случаях, когда предмет хищения изымается только одним из участников группы (при наличии предварительной договоренности). При этом если иные участники оказывали непосредственное содействие исполнителю в совершении преступления, то их действия оцениваются как соисполнительство¹⁷.

После противоправного извлечения (изъятия) нефти или нефтепродуктов из владений собственника происходит их обращение в пользу виновного или других лиц. Изъятие и обращение имущества при кражах как составные части объективных действий должны рассматриваться совместно, так как они находятся в неразрывной связи и дополняют друг друга. Мы анализируем эти элементы отдельно только в методических целях.

В теории уголовного права под обращением чужого имущества понимается установление фактического господства над предметом хищения. Обращение подразумевает возможность виновным владеть, пользоваться и распоряжаться похищенным имуществом по своему усмотрению¹⁸. Как правильно, на наш взгляд, указывает Н. А. Лопашенко, термин «обращение» подразумевает, что произошла замена законного собственника или владельца имущества на незаконного пользователя¹⁹. В свою очередь, А. И. Бойцов, трактуя рассматриваемый термин в механизме тайного хищения, тол-

кует физическое «изъятие» как противоправное извлечение (исключение, удаление, выведение) имущества из владения собственника с одновременным переводом его в фактическое незаконное обладание похитителя или иных лиц²⁰.

Хищение газа имеет несколько иной механизм преступного поведения по сравнению с кражей нефти и нефтепродуктов. Специфика объективной стороны состава кражи из газопровода заключается в том, что предмет хищения (газ) не хранится и не перевозится субъектами преступления, а сразу же потребляется. Похищенный газ распределяется по бытовым устройствам и расходуется путем непосредственного потребления (приготовление пищи, обогрев помещения, нагрев воды и т.п.). Особенность этой ситуации в том, что изъятие и обращение настолько слиты во времени, что происходят одновременно, т.е. представляют собой единый процесс и результат.

Наиболее распространенным способом тайного хищения газа является срывание пломб, заглушек, универсальных запорных устройств и последующее подключение к телу газопровода, в том числе с помощью врезки. Подобные действия были отмечены в 78 % изученных уголовных дел о хищении из газопровода.

Конструктивным признаком объективной стороны состава преступления, предусмотренного пунктом «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ, является место его совершения. Это три альтернативных вида трубопроводов: нефтепровод, нефтепродуктопровод и газопровод. Форма и содержание этих сооружений раскрывается, как правило, в отраслевых нормативных актах.

В учебной и научной литературе под нефтепроводом принято понимать трубопровод, предназначенный для перекачки нефти. Традиционно выделяется три вида нефтепроводов: внутренние (внутрипромысловые, внутрибазовые, внутризаводские и т.д.), местные (те, которые соединяют различные элементы транспортной цепочки) и магистральные²¹.

¹⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.06.2023).

¹⁸ Карпова Н. А. Хищение чужого имущества: вопросы квалификации и проблемы дифференциации уголовной ответственности / под ред. Н. Г. Кадникова. М. : Юриспруденция, 2011. С. 11.

¹⁹ Лопашенко Н. А. Преступления против собственности. Авторский курс : в 4 кн. Кн. II : Общая теория хищений. Виды хищения. М. : Юрлитинформ, 2019. С. 73.

²⁰ Бойцов А. И. Преступления против собственности. СПб., 2002. С. 227.

²¹ Нефтегазовое строительство : учеб. пособие / под общ. ред. И. И. Мазура и В. Д. Шапиро. М. : Омега-Л, 2005. С. 138–139.

Нефтепродуктопроводом называется трубопровод, предназначенный для перекачки нефтепродуктов. Классифицируются нефтепродуктопроводы по аналогии с нефтепроводами. Кроме того, выделяют еще подводящие и распределительные трубопроводы. Подводящие нефтепродуктопроводы соединяют заводы по переработке нефти с головной перекачивающей станцией, распределительные предназначены для поставки нефтепродуктов от магистралей к нефтебазам или наливным пунктам²².

Газопроводом признается конструкция, состоящая из соединенных между собой труб, предназначенная для транспортирования природного газа. К его разновидностям, согласно постановлению Правительства, относятся: газопровод внутренний (внутридомовой), наружный, подземный, надземный и сбросной²³.

В соответствии с уголовным законом трубопровод является хранилищем. Согласно примечанию 3 к ст. 158 УК РФ, под хранилищем понимаются помещения, участки территории, трубопроводы, которые предназначены для постоянного или временного хранения материальных ценностей. Следовательно, любой из трубопроводов, указанных в п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ, — это самостоятельный вид иного хранилища, имеющий свою физическую специфику. Материальные ценности, которые находятся в нем (нефть, нефтепродукты или газ), постоянно передвигаются. Подобное позволяет определять такие сооружения в качестве трубопроводного транспорта²⁴.

В законодательстве и на практике сложилась весьма неоднозначная ситуация, связанная с толкованием общей и специальной категории: «трубопровод как хранилище» и «трубопровод как квалифицирующее обстоятельство кражи». Дело в том, что в уголовном законе указан еще один конкретный вид хранилища — маги-

стральный трубопровод. Это понятие используется как один из квалифицирующих признаков в ст. 215.3 УК РФ («Самовольное подключение к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам либо приведение их в негодность»). В части 2 указанной статьи установлена ответственность за самовольное подключение к магистральным трубопроводам лицом, ранее подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, а в п. «б» ч. 4 ст. 215.3 УК РФ — за разрушение, повреждение или приведение в негодное для эксплуатации состояние таких трубопроводов.

В соответствии с постановлением Правительства РФ, данный вид трубопровода представляет собой совокупность технологически взаимосвязанных объектов, обеспечивающих транспортировку нефти или нефтепродуктов, соответствующих требованиям законодательства РФ, от мест приема до мест сдачи или перевалки на другие виды транспорта²⁵.

Магистральные трубопроводы, независимо от вариации, представляют собой целый комплекс объектов. В систему магистрального трубопровода входит не только сам трубопровод со всеми ответвлениями, но и иные сооружения, обеспечивающие его функционирование (средства технологической связи, оперативного управления, земляные амбары для временного хранения углеводородов, резервуарные парки, пункты подогрева сырья и пр.). Существуют и так называемые трансграничные магистральные трубопроводы, т.е. трубопроводы, которые пересекают границы нескольких государств и правовой режим которых определяется разными юрисдикциями. Посредством трансграничных трубопроводов транспортируются энергоносители от территории государства-отправителя до территории государства-получателя²⁶.

²² Нефтегазовое строительство : учеб. пособие. С. 153–154.

²³ Постановление Правительства РФ от 29.10.2010 № 870 (ред. от 14.12.2018) «Об утверждении технического регламента о безопасности сетей газораспределения и газопотреблении» // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 17.06.2023).

²⁴ Модельный закон «О трубопроводном транспорте» (принят на XVII пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ, 19 апреля 2001 г., № 17-5) // URL: <https://docs.cntd.ru/document/901914432?section=text> (дата обращения: 17.06.2023).

²⁵ Постановление Правительства РФ от 21.12.2009 № 1039 (ред. от 20.07.2012) «О порядке подключения нефтеперерабатывающих заводов к магистральным нефтепроводам и (или) нефтепродуктопроводам и учета нефтеперерабатывающих заводов в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.06.2023).

²⁶ Уршуля М. Международно-правовой режим трансграничных трубопроводов : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 22.

По своей социальной значимости, стратегическому потенциалу, экономическому объему магистральные трубопроводы имеют приоритет перед другими видами трубопроводного транспорта. Однако парадокс данной законодательной ситуации в том, что более общественно опасное по своей степени и характеру деяние (кража из магистрального трубопровода) наказывается значительно мягче, чем хищение из «обычных» нефтепроводов, нефтепродуктопроводов и газопроводов.

Кража из магистрального трубопровода не может квалифицироваться по п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ, поскольку такого квалифицирующего признака в уголовно-правовой норме нет. Однако опыт судебно-следственной практики показывает, что нередко деяние виновного, совершившего хищение из магистрального трубопровода, оценивается именно по данному пункту и части указанной статьи. Такую практику, по нашему мнению, не следует поддерживать, поскольку подобная интерпретация квалифицирующего признака является расширительной, размывающей основания уголовно-правового запрета.

Помимо магистральных трубопроводов различных видов и юрисдикций, в экономической деятельности задействованы и другие трубопроводы. Это могут быть конденсатопроводы, аммиакопроводы, газопроductопроводы и т.д. Хищения из всех подобных сооружений должны квалифицироваться по п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ — как кража с незаконным проникновением в иное хранилище.

Кража нефти (нефтепродуктов) и кража газа являются умышленными преступлениями. Однако корыстная цель таких действий имеет разное психическое содержание. При кражах нефти (нефтепродуктов) корысть как стремление к наживе заключается в желании получить материальную выгоду за счет имущества других лиц путем дальнейшей реализации похищенного. При хищении газа виновный стремится прежде всего избежать расходов за его оплату. Украденный газ не хранят «про запас», он не продается, а реализуется непосредственно *потреблением*. В силу этих различий в корыстной цели преступлений и ущерб, причиненный собственнику углеводородов, весьма различается по объему. Как показывает проведенное исследование, в среднем размер ущерба при хищении газа составляет примерно 50 тыс. руб., а при хищениях нефти

и нефтепродуктов такой объем практически в 10 раз больше — около 500 тыс. руб.

Противоправное изъятие и завладение углеводородным сырьем возможно также при грабеже и разбое, поскольку в этих составах преступлений присутствует такой квалифицирующий признак, как совершение преступного деяния с незаконным проникновением в хранилище. А любой трубопровод — это хранилище.

Грабёж и разбой из нефтепровода, нефтепродуктопровода и газопровода возможны в двух вариантах. Во-первых, действия виновного изначально могут быть выражены в виде открытого хищения или нападения в целях хищения с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, либо с угрозой применения этого насилия. Изъятие и завладение сырьем из полости трубопровода в подобных ситуациях происходят в присутствии третьих лиц, когда виновный осознает, что эти лица понимают противоправный характер его действий.

Во-вторых, если в процессе совершения кражи действия виновного обнаруживаются третьими лицами, однако виновный, сознавая это, продолжает совершать хищение, то содеянное должно оцениваться как грабёж, а в случае применения насилия, опасного для жизни и здоровья, либо угрозы его применения — как разбой. Эти ситуации, как замечает П. С. Яни, в уголовном праве называются «перерастание» кражи в грабёж или разбой²⁷.

Так, приговором Сургутского районного суда Ханты-Мансийского автономного округа Югры некто Т., Ш. и А. были привлечены к ответственности за совершение преступления, предусмотренного пунктами «а» и «в» ч. 2 ст. 161 УК РФ, т.е. грабежа, совершенного группой лиц по предварительному сговору, с незаконным проникновением в иное хранилище. Диспетчер цеха по добыче нефти и газа П., обнаружив падение давления в нефтепроводе, выехал совместно с водителем к участку трубопровода. Прибыв на место, они увидели автомобиль КамАЗ, в который Т., Ш. и А. перекачивали сырую нефть из нефтепровода с помощью шланга. Диспетчер П. вызвал службу охраны трубопровода, а водитель перекрыл выезд КамАЗу. Виновные, сознавая, что их противоправные действия обнаружены и зафиксированы, тем не менее продолжили совершение хищения (т.е. кража переросла в грабёж). Закончив перекачку нефти, виновные, используя другой выезд, скрылись с места совер-

²⁷ Яни П. С. Разграничение кражи и грабежа в судебной практике // Законность. 2016. № 3. С. 26–30.

шения преступления. В последующем они были задержаны сотрудниками службы охраны²⁸.

Одной из актуальных проблем применения уголовного законодательства об ответственности за хищение из трубопроводов выступает разграничение правовых норм, установленных в п. «б» ч. 3 ст. 158 и ст. 165 УК РФ («Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием»). Анализ судебной практики показал, что правоприменители порой испытывают затруднения при разграничении указанных норм уголовного закона.

Принципиальное различие правовых норм, предусмотренных статьями 158 и 165 УК РФ, заключается в том, что первая относится к разновидностям хищений, а вторая таковой не является. С. М. Кочои, на наш взгляд, справедливо обращает внимание на то, что разница между хищением и деянием, предусмотренным статьей 165 УК РФ, состоит в основном в характере действий виновного и в форме причиненного ущерба²⁹. Последствием от преступления, предусмотренного статьей 165 УК РФ, служит реальный материальный ущерб либо ущерб от упущенной выгоды на сумму свыше 250 тыс. руб.

Обобщение судебной практики и результаты исследования позволили выявить тенденцию, согласно которой изъятие газа, совершенное в рамках гражданско-правовых отношений, не признается хищением, а оценивается как причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ). При этом преступное поведение, как правило, выражается в двух формах.

Первая ситуация связана с незаконным изъятием (потреблением) газа в обход приборов учета (т.е. подключение или врезка в газопровод до счетчиков).

В качестве примера можно привести приговор Советского районного суда Тамбова, которым некто Леонов привлечен к ответственности по п. «б» ч. 2 ст. 165 УК РФ. Виновный, являясь собственником нежилого помещения, заключил договор поставки природного газа с ООО «Газпром межрегионгаз Тамбов». Имея доступ

к законным поставкам природного газа через опломбированный узел учета, Леонов в нарушение договора и правил поставки газа смонтировал врезку в газопровод с целью поступления газа к газопотребляющему оборудованию, минуя узел учета — счетчик. Таким образом, злоупотребляя доверием, виновный противоправно потребил газ на сумму свыше 4 млн руб. Государственное обвинение квалифицировало действия Леонова как кражу из газопровода в особо крупном размере (п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ).

Однако суд переквалифицировал деяние виновного на п. «б» ч. 2 ст. 165 УК РФ. При этом было указано, что в действиях виновного не было признаков хищения, так как Леонов имел действительное право на изъятие газа из трубопровода и обращение его в свою пользу. Судом также отмечено, что в действиях виновного отсутствует обязательный для хищения признак *противоправности* изъятия. Виновный использовал природный газ в большем количестве, чем показывал на приборах учета, и оплачивал, тем самым укрывая действительное количество потребленного газа и создавая у потерпевшего убеждение в правомерности своего поведения³⁰.

Вторая ситуация связана с незаконным изъятием (потреблением) газа сверх учета, т.е. искажением показателей приборов учета.

Так, например, Трусовским районным судом г. Астрахани некто Мусаев был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного частью 1 ст. 165 УК РФ. Между Мусаевым и ЗАО «Газпром Межрегионгаз Астрахань» был заключен договор поставки газа в нежилые помещения, принадлежащие ИП Мусаеву. Виновный незаконно установил три неодимовых магнита в приборы учета газа и неучтенно потребил свыше 110 тыс. кубометров газа на общую сумму почти 685 тыс. руб. Тем самым виновный причинил ЗАО «Газпром Межрегионгаз Астрахань» имущественный ущерб в виде *упущенной выгоды* на указанную сумму, т.е. неполученных доходов, которые были бы получены поставщиком при обычных условиях гражданского оборота³¹.

²⁸ Приговор Сургутского районного суда Ханты-Мансийского автономного округа Югры от 09.03.2017 по делу № 1-37/2017 (1-301/2016) // ГАС «Правосудие» (дата обращения: 17.06.2023).

²⁹ Кочои С. М. Уголовно-правовое противодействие преступлениям против собственности : учеб. пособие. М., 2021. С. 115.

³⁰ Приговор Советского районного суда Тамбова от 25.07.2016 по делу № 110/2016 // ГАС «Правосудие» (дата обращения: 17.06.2023).

³¹ Приговор Трусовского районного суда г. Астрахани от 23.11.2018 по делу № 1246/2018 // ГАС «Правосудие» (дата обращения: 17.06.2023).

Негативный признак состава преступления, предусмотренного статьей 165 УК РФ, прямо указывает, что в совершенном деянии должны отсутствовать признаки хищения. В проиллюстрированных выше судебных решениях суды обосновывали свою позицию по квалификации через отсутствие противоправности изъятия и иную (несвойственную хищению) форму ущерба, т.е. упущенную выгоду у поставщика.

Упущенная выгода понимается как неполученные доходы, которые лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (ч. 2 ст. 15 ГК РФ). Конкретизируя обозначенное понятие, высший судебный орган отмечает, что упущенной выгодой является неполученный доход, на который увеличилась бы имущественная масса лица, право которого нарушено, если бы нарушения не произошло³². С одной стороны, поставщик газа (газоснабжающая организация) в случае незаконного изъятия газа не получает доход, т.е. оплату абонента или покупателя за его потребление. С другой стороны, размер этого дохода полностью эквивалентен стоимости изъятых имущества. В частности, в приведенном нами примере из судебной практики (уголовное дело в отношении Мусаева) указывалось, что размер упущенной выгоды и стоимость изъятых газа идентичны. Соответственно, у собственника имущественная масса уменьшилась, но иных доходов, кроме как получение платы от потребителя за изъятый газ, не предполагалось. Поэтому в данном контексте об упущенной выгоде говорить не приходится. В указанных ситуациях, как мы полагаем, присутствует реальный (положительный) ущерб.

Таким образом, независимо от наличия или отсутствия гражданско-правовых отношений между поставщиком газа и его потребителем (покупателем), незаконное изъятие этого ресурса, совершенное в обход приборов учета или с помощью искажения их показателей, содержит все признаки хищения.

Однако совершенно справедливо можно задать вопрос: признаки какого хищения содержит противоправное изъятие газа в рамках

договорных обязательств? Ведь в ситуациях, когда виновный потребляет газ, искажая данные приборов учета либо в обход таких приборов, он вносит заведомо недостоверные сведения в квитанцию касательно количества потребленного газа. Но, как очевидно, количество газа, заявленное виновным как потребленное в течение отчетного периода, меньше реально изъятых. Как полагаем, в таких ситуациях речь нужно вести о мошенничестве, так как способ хищения меняется.

Как отмечает Пленум Верховного Суда РФ, способами хищения имущества при мошенничестве являются обман и злоупотребление доверием, под воздействием которых владелец передает имущество другому лицу либо не препятствует изъятию этого имущества. При этом обман как способ мошенничества может состоять в сознательном сообщении заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений, либо в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях, направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение³³.

Содержание обмана, как указывает А. И. Бойцов, — это разнообразные обстоятельства, относительно которых преступник вводит в заблуждение потерпевшего, либо факты, сообщение которых удержало бы лицо от передачи имущества³⁴.

В рассматриваемых нами ситуациях виновный, имея договорные обязательства с поставщиком, изымает газ в большем объеме, чем указывает газоснабжающей организации, соответственно, обманным способом вводит потерпевшего в заблуждение относительно количества (объема) реально потребленного им газа.

Состав «классического» мошенничества не предусматривает квалифицирующего признака в виде хищения из иного хранилища либо трубопровода. В целом подобная конструкция для данной формы хищения является нетрадиционной. Поэтому, по нашему мнению, анализируемые действия должны оцениваться, при отсутствии прочих обстоятельств, по ч. 1 ст. 159 УК РФ.

³² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 17.06.2023).

³³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.06.2023).

³⁴ Бойцов А. И. Указ. соч. С. 324.

В заключение следует сказать, что хищения нефти (нефтепродуктов) и газа из трубопроводов являются тяжкими преступлениями, за совершение любого из которых возможно наказание до шести лет лишения свободы. Однако дифференциация ответственности за эти действия зависит от множества разных уголовно-правовых и криминологических факторов.

Хищение нефти (нефтепродуктов) отличается от хищения газа:

- предметом преступления,
- технологически разными хранилищами углеводородов,

- способом изъятия энергоресурсов,
- обращением предмета преступления в свою пользу,
- формой распоряжения и реализацией похищенного,
- психическим содержанием корыстной цели,
- практическим отсутствием соучастия при кражах газа,
- размером причиненного ущерба собственнику.

Всё это позволяет нам говорить о двух разновидностях кражи в рамках одного квалифицированного состава преступления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александрова В. И. Классификация продуктов переработки нефти // Горный информационно-аналитический бюллетень : научно-технический журнал. 2009. № 11. С. 87–100.

Бойцов А. И. Преступления против собственности. СПб., 2002. 773 с.

Вишнякова Н. В. Объект и предмет преступлений против собственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2003. 26 с.

Карпова Н. А. Хищение чужого имущества: вопросы квалификации и проблемы дифференциации уголовной ответственности / под ред. Н. Г. Кадникова. М., 2011. 179 с.

Кочои С. М. Уголовно-правовое противодействие преступлениям против собственности : учеб. пособие. М., 2021. 81 с.

Лопашенко Н. А. Преступления против собственности. Авторский курс : в 4 кн. Кн. I : Общие теоретические исследования посягательств на собственность. М., 2019. 296 с.

Лопашенко Н. А. Преступления против собственности. Авторский курс : в 4 кн. Кн. II : Общая теория хищений. Виды хищения. М., 2019. 192 с.

Любавина М. А. Проблемы квалификации кражи газа // Вестник Академии генеральной прокуратуры РФ. 2008. № 4 (6). С. 24–28.

Митрофанов Р. А., Симагина Н. А. Теоретические и практические вопросы квалификации хищения газа // Российский следователь. 2014. № 8. С. 23–26.

Надолинский И. Ответственность за незаконное подключение к газопроводу // Уголовное право. 2010. № 6. С. 41–45.

Нефтегазовое строительство : учеб. пособие / под общ. ред. И. И. Мазура и В. Д. Шапиро. М., 2005. 774 с.

Уршуля М. Международно-правовой режим трансграничных трубопроводов : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 199 с.

Хильюта В. В. Преступления против оборота объектов гражданских прав: концептуально-теоретические основы моделирования : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. 595 с.

Шульга А. В. Объект и предмет преступлений против собственности в условиях рыночных отношений и информационного общества : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2008. 63 с.

Яни П. С. Разграничение кражи и грабежа в судебной практике // Законность. 2016. № 3. С. 26–30.

REFERENCES

Aleksandrova VI. Classification of oil refining products. *GIAB*. 2009;11:87-100. (In Russ.).

Boytsov AI. Crimes against property. St. Petersburg; 2002. (In Russ.).

Karpova NA. Theft of other people's property: Issues of classification and problems of differentiation of criminal responsibility. Kadnikov NG, editor. Moscow; 2011. (In Russ.).

Khilyuta VV. Crimes against the turnover of objects of civil rights: Conceptual and theoretical foundations of modeling. Dr. Diss. (Law). Minsk; 2021. (In Russ.).

- Kochoi SM. Criminal legal counteraction to crimes against property: A coursebook. Moscow; 2021. (In Russ.).
- Lopashenko NA. Crimes against property: in 4 books. Book I: General theoretical studies of encroachments on property. Moscow; 2019. (In Russ.).
- Lopashenko NA. Crimes against property: in 4 books. Book II: The general theory of stealing. Types of theft. Moscow; 2019. (In Russ.).
- Lyubavina MA. Problems of gas theft classification. *Vestnik Akademii generalnoy prokuratury RF*. 2008;4(6): 24-28. (In Russ.).
- Mazur II, Shapiro VD, editors. Oil and gas construction: A study guide. Moscow; 2005. (In Russ.).
- Mitrofanov RA, Simagina NA. Theoretical and practical issues of gas theft classification. *Rossiyskiy sledovatel [Russian Investigator]*. 2014;8:23-26. (In Russ.).
- Nadolinsky I. Responsibility for illegal tapping to the gas pipeline. *Ugolovnoe pravo [Criminal Law]*. 2010;6: 41-45. (In Russ.).
- Shulga AV. The object and subject of crimes against property in the conditions of market relations and information society. The Author's abstract of the Dr. Diss. (Law). Volgograd; 2008. (In Russ.).
- Urshulya M. International legal regime of cross-border pipelines. Cand. Diss. (Law). Moscow; 2016. (In Russ.).
- Vishnyakova NV. Object and subject of crimes against property. The Author's abstract of Cand. Diss. (Law). Omsk; 2003. (In Russ.).
- Yani PS. Differentiation of theft and robbery in judicial practice. *Zakonnost*. 2016;3:26-30. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Плешаков Александр Михайлович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник ФКУ «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказания» (ФКУ НИИ ФСИН России)
д. 15а, стр. 1, Нарвская ул., г. Москва 125130, Российская Федерация
ram7185@yandex.ru

Туманов Александр Сергеевич, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
д. 12, Академика Волгина ул., г. Москва 117997, Российская Федерация
tumanov.alexander18@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexander M. Pleshakov, Dr. Sci. (Law), Professor, Chief Researcher, Federal Penitentiary Service Research Institute (Federal Penitentiary Service Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia)
15a, build.1, Narva St., Moscow 125130, Russian Federation
ram7185@yandex.ru

Alexander S. Tumanov, Cand. Sci. (Law), Lecturer, Department of Criminal Law, Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
12, Akademika Volgina St., Moscow 117997, Russian Federation
tumanov.alexander18@gmail.com

*Материал поступил в редакцию 8 июля 2023 г.
Статья получена после рецензирования 17 июля 2023 г.
Принята к печати 17 октября 2023 г.*

*Received 08.07.2023.
Revised 17.07.2023.
Accepted 17.10.2023.*

DOI: 10.17803/1729-5920.2023.204.11.086-102

Н. А. КрайноваСевастопольский государственный университет
г. Севастополь, Российская Федерация

Государственно-частное партнерство в процессе ресоциализации осужденных

Резюме. Современное общество находится на этапе серьезной трансформации общественных отношений, испытывающей на прочность социальные ценности и институты. Внешние и внутренние угрозы актуализируют вопросы национальной безопасности, обуславливают необходимость построения новых социальных систем, цепочек социального взаимодействия, эффективных инструментов противодействия таким угрозам. Воспроизводство преступности всегда рассматривалось как внутренняя угроза национальной безопасности. Росту преступности государство противопоставляло эффективную систему противодействия преступности или предупреждение преступлений. Противодействие преступности никогда не являлось задачей, которую можно реализовать исключительно силами государства, в этой связи на современном этапе развития государственности актуально выстраивание механизмов государственно-частного партнерства. Основным препятствием для успешной реализации государственно-частного партнерства в пенитенциарной сфере видится недостаточность правового регулирования. Различные аспекты взаимодействия общества и государства, в результате которого создаются условия для возвращения в общество социально адаптированных лиц, должны быть детально урегулированы, что позволит сформировать понятную и максимально комфортную для всех участников отношений среду. Кроме того, такая среда должна быть привлекательна для представителей частного бизнеса, должна способствовать вовлечению максимального количества инвесторов в проекты, имеющие, помимо экономической выгоды, также и социальную направленность.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство; пробация; ресоциализация осужденных; принудительные работы; пенитенциарная сфера; помощь осужденным; трудовая адаптация; социальная адаптация

Для цитирования: Крайнова Н. А. Государственно-частное партнерство в процессе ресоциализации осужденных. *Lex russica*. 2023. Т. 76. № 11. С. 86–102. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.204.11.086-102

Public Private Partnership in Resocialization of Convicts

Nadezhda A. KraynovaSevastopol State University
Sevastopol, Russian Federation

Abstract. Modern society is at the stage of a serious transformation of social relations, testing the strength of social values and institutions. External and internal threats make national security issues urgent; necessitate the construction of new social systems, chains of social interaction, effective tools to counter such threats. Crime commission has always been regarded as an internal threat to national security. The state has countered the growth of crime with an effective crime counteraction or crime prevention system. Countering crime has never been a task that can be implemented exclusively by the state. In this regard, at the present stage of the development of statehood, it is important to build up mechanisms of public private partnership. The main obstacle to the successful implementation of public private partnership in the penitentiary sphere is the lack of legal regulation. It is vital that various aspects of the interaction between society and the state be subject to detailed regulation as this creates conditions for the socially adapted persons to return to society. This will allow for creation of environment that is understandable and as comfortable as possible for all participants. In

© Крайнова Н. А., 2023

addition, such an environment should be attractive to representatives of private business, should facilitate the involvement of the maximum number of investors in projects that have, in addition to economic benefits, also a social orientation.

Keywords: public private partnership; probation; resocialization of convicts; community service; penitentiary sphere; assistance to convicts; labor adaptation; social adaptation

Cite as: Kraynova NA. Public Private Partnership in Resocialization of Convicts. *Lex russica*. 2023;76(11):86-102. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2023.204.11.086-102

Проблемы ресоциализации осужденных неизменно вызывают значительный научный интерес, что обусловлено большой практической значимостью их решения¹. В настоящее время вопросы, так или иначе связанные с ресоциализацией, социальной адаптацией, реинтеграцией осужденных в общество, максимально актуализируются, что обусловлено спровоцированным внешнеполитическими факторами изменением социально-экономических условий, необходимостью мобилизации государства и гражданского общества.

В научной литературе обращается внимание на то, что в современных условиях беспрецедентного внешнего давления на Российскую Федерацию значительным вызовом для страны является ее внутренняя безопасность. Как отмечает С. В. Гарник, «против российского общества ведется и активная информационная война, имеющая целью разложение единства народов нашего многонационального государства по этическим, религиозным, социальным параметрам. Борьба может идти за каждую социальную группу внутри общества, и исчисляемое сотнями тысяч человек “население” пенитенциарных учреждений России должно также рассматриваться в этом контексте»². В данных условиях ценность каждого человека, его мировоззренческой позиции, нравственно-психологических установок, встроенности в социальные

отношения значительно возрастает. Совместная задача общества и государства состоит в том, чтобы обеспечить комфортное взаимодействие в целях укрепления социальных связей, не допустить деструктивного влияния извне, а также избежать разрушительного развития глубинных сил, которые могли бы изнутри «взорвать» существующие позитивные отношения.

Утвержденная распоряжением Правительства РФ Концепция развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 года предусмотрела в качестве перспективных целей развитие сети исправительных центров и совершенствование производственно-хозяйственной деятельности уголовно-исполнительной системы, повышение уровня занятости осужденных, создание и развитие системы probation³. Достижение заявленных целей вряд ли будет возможным без объединения усилий общества и государства, иными словами, без государственно-частного партнерства в пенитенциарной сфере.

Государственно-частное партнерство чаще всего рассматривается в контексте взаимодействия государственных структур и представителей бизнес-сообщества, общественных организаций, реализующих совместные проекты в области строительства объектов уголовно-исполнительной системы, материально-технического обеспечения и модерни-

¹ Проблемам ресоциализации осужденных посвящены три докторские диссертации (Рыбак М. С. Ресоциализация осужденных к лишению свободы: проблемы теории и практики. Саратов, 2001; Багреева Е. Г. Социокультурные основы ресоциализации преступников. М., 2001; Баранов Ю. В. Ресоциализация осужденных к лишению свободы и освобожденных от этого наказания: теоретико-методологические и правовые основы. М., 2008), значительное количество кандидатских диссертаций, на эту тему написаны монографические работы и научные статьи.

² Гарник С. В. Тенденции развития пенитенциарной практики в России на фоне существующих геополитических изменений и информационного противостояния // Уголовно-исполнительная система на современном этапе с учетом реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года : сборник тезисов выступлений и докладов участников Международной научно-практической конференции по проблемам исполнения уголовных наказаний (Рязань, 17–18 ноября 2022 г.) : в 2 т. Т. 1. Рязань : Академия ФСИН России, 2022. С. 64.

³ Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г.» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400639567/> (дата обращения: 17.01.2023).

зации существующих объектов (инфраструктурное государственно-частное партнерство). Значительные государственные средства направлены на приведение в соответствие с международными требованиями и стандартами учреждений уголовно-исполнительной системы. Федеральной целевой программой «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018–2030 годы)», утвержденной постановлением Правительства РФ⁴, предусмотрен перечень мероприятий, направленных на реконструкцию и строительство следственных изоляторов, исправительных учреждений, лечебных исправительных, лечебно-профилактических учреждений (всего предусмотрено проектирование, реконструкция и строительство 324 объектов), приобретение оборудования и техники (всего 16 300 единиц) для создания 16 800 рабочих мест для осужденных. Но только инфраструктурным государственно-частным партнерством вопросы взаимодействия общества и государства в пенитенциарной сфере не ограничиваются.

Целями наказания, предусмотренными Уголовным кодексом РФ, являются восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение новых преступлений. Несмотря на то что среди целей наказания не названо ничего, что говорило бы о возвращении наказанного к законопослушному образу жизни, заботе о недопущении рецидива с его стороны, по сути, такая цель перед наказанием стоит. Общество не менее, чем государство, заинтересовано в успешной реинтеграции бывшего преступника, что, безусловно, невозможно без партнерства в данной сфере.

В Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2030 года впервые, как представляется, на государственном уровне акцентировано внимание на «создании системы ресоциализации и социальной адаптации, предполагающей внедрение единых принципов и механизмов оказания всесторонней помощи подозреваемым, обвиняемым, осужден-

ным и лицам, освободившимся от отбывания наказания, а также преемственности при ведении социальной, воспитательной и психологической работы на различных этапах пребывания подозреваемого, обвиняемого и осужденного в учреждениях уголовно-исполнительной системы». Такой системой должна стать система пробации, в рамках которой предполагается «повышение уровня взаимодействия Федеральной службы исполнения наказаний с органами государственной власти, органами местного самоуправления и общественными организациями, а также с учреждениями и предприятиями социального обслуживания по вопросам оказания адресной социальной помощи осужденным и лицам, освободившимся из мест лишения свободы». Таким образом, государственно-частное партнерство в процессе реинтеграции бывших осужденных в общество закреплено на уровне нормативного документа стратегического характера, требуется дальнейшая разработка нормативных правовых актов в данной сфере.

Правовую основу для организации системы пробации предполагалось создать путем разработки и принятия федерального закона «О пробации в Российской Федерации»⁵, проект которого был размещен для общественного обсуждения на портале проектов нормативных правовых актов в апреле 2022 г.⁶ В доработанном варианте проект получил законодательное оформление в виде Федерального закона от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации»⁷.

Немаловажное значение закон уделяет вопросам ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации осужденных, определяя их в качестве цели функционирования всей системы пробации. Несмотря на очевидную прогрессивность предлагаемого законопроекта, его принятие не позволит в полной мере урегулировать весь комплекс складывающихся в данной сфере отношений. Потребуется как внести изменения в уже действующие нормативные правовые акты, так и принять новые.

⁴ Постановление Правительства РФ от 06.04.2018 № 420 «О федеральной целевой программе «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018–2030 годы)» // URL: <https://base.garant.ru/71921634/> (дата обращения: 18.01.2023).

⁵ Информация Министерства юстиции РФ от 04.04.2022 «О создании системы пробации в Российской Федерации» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404347210/> (дата обращения: 18.01.2022).

⁶ Законопроект № 232770-8 «О пробации в Российской Федерации» (в части введения в правовую систему института пробации) // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/232770-8> (дата обращения: 18.01.2022).

⁷ СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.06.2023).

На наличие межотраслевых коллизий между Законом «О пробации в Российской Федерации» и уголовно-исполнительным законодательством обращает внимание А. П. Скиба. В частности, отмечается, что обозначенный еще проектом анализируемого федерального закона в качестве одной из целей пробации термин «ресоциализация» не используется «ни в УИК РФ, ни в Правилах внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы или Правилах внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденных приказом Министерства юстиции РФ от 04.07.2022 № 110»⁸. Действительно, несмотря на активное использование термина «ресоциализация» в научном обороте и медиа-пространстве, законодательная регламентация ресоциализации не завершена в полном объеме, да и само понимание сущности не так однозначно.

Впервые в отечественном законодательстве понятие ресоциализации было закреплено в Федеральном законе от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»⁹. Статьей 25 Закона ресоциализация определена как «комплекс мер социально-экономического, педагогического, правового характера, осуществляемых субъектами профилактики правонарушений в соответствии с их компетенцией и лицами, участвующими в профилактике правонарушений, в целях реинтеграции в общество лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы и (или) подвергшихся иным мерам уголовно-правового характера». Наряду с социальной реабилитацией, социальной адаптацией, профилактическим надзором, внесением представления об устранении причин и условий, способствующих совершению правонарушения, профилактическим учетом, профилактической беседой, правовым просвещением и правовым информированием, помощью лицам, пострадавшим от правонарушений или подверженным риску стать таковыми, ресоциализация отнесена к формам профилактического воздействия¹⁰.

С таким подходом законодателя достаточно сложно согласиться, так как само отнесение ресоциализации к мерам профилактического воздействия и перечисление ее в одном ряду с вышеназванными мерами показывает, что законодатель смещает акценты с внутренней (сущностной) стороны данного феномена в пользу инструментального подхода, при котором процесс подменяется инструментами его осуществления. Иными словами, ресоциализация заключается в применении комплекса мер, а что при этом будет происходить с личностью, какие изменения в ее сознании, отношении к жизни в обществе, социальных взглядах и установках — все эти аспекты не включены в понятие ресоциализации, остаются за его пределами. Однако именно сущностные аспекты ресоциализации как процесса, в результате которого бывший осужденный возвращается в общество, реинтегрируется в социальную среду, представляются максимально важными, нуждающимися в законодательной регламентации не в меньшей степени, чем применяемые для этого средства (инструменты). Законодателю следовало бы отказаться от инструментального подхода в регламентации ресоциализации и сфокусироваться на сущности, однако в проекте федерального закона «О пробации в Российской Федерации» было использовано опять же сформулированное по инструментальному принципу понятие ресоциализации как комплекса мер.

В научной литературе достаточно давно обоснован подход, согласно которому ресоциализация понимается как протяженный во времени процесс и результат этого процесса. Одним из аргументов в пользу такого понимания ресоциализации является производность данного термина от однокоренных «социализация» и «десоциализация». При этом ресоциализация понимается в контексте повторения или возобновления действия, то есть социализации, отхода от десоциализации, воспрепятствования асоциальной деградации личности¹¹.

В современных исследованиях ресоциализация рассматривается в нескольких аспектах:

⁸ Скиба А. П. Проект федерального закона «О пробации в Российской Федерации» и действующее уголовно-исполнительное законодательство: возможные коллизии // Уголовно-исполнительная система на современном этапе с учетом реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года. Т. 1. С. 208.

⁹ СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.01.2023).

¹⁰ Статья 17 Закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации».

¹¹ Крайнова Н. А. Проблемы ресоциализации неоднократно судимых лиц : дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2002. С. 15 ; Жулева Ю. В. Ресоциализация осужденных несовершеннолетних женского пола,

«функциональном — как детерминированный управляемый и целенаправленный процесс и результат формирования и усвоения личностью социальных норм, ценностей, правил поведения в обществе, несформированных, деформированных или утраченных индивидом вследствие десоциализации, в том числе обусловленной условиями социальной изоляции; содержательном — как система социальных связей и отношений, согласованно функционирующих компонентов (цель, субъект, объект — субъект, условия, содержание, формы, методы, средства), определяющих особенности, динамику и результаты ресоциализации»¹². И в первом, и во втором аспекте ресоциализация рассматривается сквозь призму ее сущностных характеристик, что позволяет выделить главное, акцентировать на этом внимание: человеческий, или личностный, аспект ресоциализации.

Используя инструментальный подход к ресоциализации, смешивая его со смежными понятиями (например, социальной адаптации), как верно подмечают В. Б. Малинин и М. В. Малинина, «легко скатиться со сложнейшей проблемы в чрезвычайно упрощенную сферу простого оказания социальной помощи данной категории лиц»¹³. Действительно, если следовать логике легальной дефиниции ресоциализации, закрепленной в Законе «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», то помимо комплекса мер, которые следует применить к нуждающимся в этом осужденным и освобожденным от наказания лицам, более ничего делать и не следует. Однако такой подход ничего не даст в аспекте предупреждения преступлений, для снижения уровня рецидивной преступности, что, собственно, и являлось целевым ориентиром в организации системы пробации, реализации идеи постпенитенциарной помощи в целом. Как верно подмечает И. И. Хван, «процесс ресоциализации нацелен также на предупреждение рецидив-

ной преступности. При подготовке осужденного к освобождению уголовно-исполнительная система рассчитывает на то, что он в дальнейшем больше не совершит новое преступление. С каждым годом уровень преступности снижается, но до сих пор остается достаточно большим»¹⁴.

Перспективным представляется отказ от инструментального подхода к понятию ресоциализации и закрепление в законодательстве понимания ресоциализации как процесса, реализуемого путем применения к осужденному и (или) освобожденному от отбывания наказания лицу комплекса мер воспитательного, организационного, педагогического, материального и иного воздействия, в результате чего индивид восстанавливает свой социальный статус, возвращается к законопослушному поведению. Практическим аспектом реализации данного шага является акцентирование внимания на результативности процесса ресоциализации, показателем которой является ресоциализированность.

Под ресоциализированностью следует понимать устойчивое законопослушное поведение лица в течение всего периода его жизни, его интегрированность в социум, участие в социально-позитивных цепочках взаимодействия. Степень ресоциализированности может быть разной, для ее определения необходимо оперировать определенными критериями, что позволит отслеживать и сам процесс ресоциализации, и его результативность в разные периоды жизни человека. Некоторые специалисты вместо понятия «степень ресоциализированности» используют категорию «уровень ресоциализации»¹⁵, полагаем, что здесь мы имеем дело с сущностно синонимичными понятиями.

В научной литературе выделяются различные виды критериев ресоциализации в зависимости от основания категоризации. Так, Л. В. Ковтуненко говорит о мотивационном, аксиологическом, эмоционально-волевом и

отбывающих наказание в воспитательных колониях (правовые и криминологические аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. с. 26–27 ; Трубников В. М. Социальная адаптация освобожденных от наказания : дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1991. С. 25.

¹² Ковтуненко Л. В. Концепция ресоциализации несовершеннолетних осужденных в педагогической среде воспитательной колонии : дис. ... д-ра пед. наук. Воронеж, 2018. С. 26.

¹³ Малинин В. Б., Малинина М. В. Понятие ресоциализации осужденных и применение ее к несовершеннолетним // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 3 (49). С. 190.

¹⁴ Хван И. И. Понятие и сущность ресоциализации осужденных к лишению свободы и ее соотношение со смежными институтами // Бюллетень науки и практики. 2021. № 6. С. 384.

¹⁵ Ковтуненко Л. В. Указ. соч. С. 287.

коммуникативно-поведенческом критерии, выделяемом в зависимости от уровня ресоциализации¹⁶.

П. В. Тепляшин, рассуждая об эффективности ресоциализации сквозь призму эффективности probation, приходит к выводу о том, что «эффективность функционирования probation необходимо оценивать посредством применения не одного, а нескольких индикаторов (показателей) — как описательных (качественных), так и количественных, отражающих итог функционирования или прогрессивное продвижение к поставленной цели. Такие индикаторы обладают свойством критериев эффективности, которые в дальнейшем необходимо подводить под факторный анализ»¹⁷. В качестве критериев эффективности probation П. В. Тепляшин предлагает использовать следующие: «1) ресурсы, затраченные на функционирование системы probation; 2) уровень повторных преступлений, совершенных осужденными за период ее прохождения; 3) степень общественного одобрения результатов функционирования системы probation; 4) коэффициент неправомерного обращения с осужденными»¹⁸.

Таким образом, налицо два подхода к определению критериев эффективности ресоциализации: субъективный (внимание акцентируется на внутреннем восприятии социальных норм, отношении к ним самой личности) и объективный (учитываются внешние обстоятельства, отражающие степень восприятия обществом ресоциализируемой личности). Как представляется, истина, как всегда, посередине. Определяя критерии эффективности ресоциализации, следует использовать интегральный подход, учитывающий как субъективные характеристи-

ки личности, так и объективное отношение общества, его социальных институтов и структур. Но несомненным и, пожалуй, единственным объективно определяемым критерием эффективности ресоциализации (или ресоциализированности) индивида является совершение им преступлений, то есть, как в свое время верно отмечал И. В. Шмаров, уровень рецидивной преступности со стороны освобождаемых от отбывания наказания лиц¹⁹.

Ресоциализацию осужденных как протяженный во времени процесс можно с определенной долей условности подразделить на этапы. В научной литературе встречаются самые различные точки зрения на такую периодизацию. Так, Р. А. Ромашов и С. А. Арбузова выделяют пенитенциарную социализацию, пенитенциарную ресоциализацию, постпенитенциарную социализацию²⁰. Е. А. Полякова выделяет допенитенциарный, пенитенциарный и постпенитенциарный этапы ресоциализации²¹. В своей работе А. Ф. Степанюк и В. М. Трубников указывали, что процесс ресоциализации подразделяется на два этапа: пенитенциарный и постпенитенциарный²². М. С. Рыбак в свое время выделял пять стадий ресоциализации осужденных: 1) установление принадлежности осужденного к положительной, отрицательной или нейтральной группе, к которой он может относиться с учетом его интеллектуальных и волевых качеств; 2) создание условий для разрыва негативных связей с социально опасной группой, асоциальной средой; 3) исправление осужденного как средство ресоциализации; 4) воспитательная работа с осужденным как средство ресоциализации; 5) социальная адаптация лишенного свободы лица²³.

¹⁶ Ковтуненко Л. В. Указ. соч. С. 287–294.

¹⁷ Тепляшин П. В. Эффективность probation: официальная позиция (в контексте проекта федерального закона «О probation в Российской Федерации») и теоретический дискурс // Уголовно-исполнительная система на современном этапе с учетом реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года. Т. 1. С. 237.

¹⁸ Тепляшин П. В. Указ. соч. С. 238.

¹⁹ Шмаров И. В., Кузнецов Ф. Т., Подымов П. Е. Эффективность деятельности исправительно-трудовых учреждений. М., 1968. С. 73.

²⁰ Ромашов Р. А., Арбузова С. А. Нормативно-правовые аспекты ресоциализации осужденных в современной России // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2014. № 6. С. 38.

²¹ Полякова Е. А. Стадии ресоциализации осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы // Человек: преступление и наказание. 2009. № 4 (67). С. 114.

²² Степанюк А. Ф., Трубников В. М. Исполнение наказания в виде лишения свободы и особенности постпенитенциарной адаптации освобожденных. Киев. 1992. С. 3–5.

²³ Рыбак М. С. Ресоциализация осужденных к лишению свободы: проблемы теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2001. С. 52–56.

Следует отметить, что общая позиция по вопросу о выделении стадий процесса ресоциализации сложилась в научной литературе уже достаточно давно, и она заключается в следующем. Несмотря на значительное многообразие, все представленные позиции не входят в противоречие друг с другом. Различия коренятся в целях, ради достижения которых категоризация и проводится. В целях анализа перспектив реализации государственно-частного партнерства в процессе ресоциализации представляется целесообразным выделить допенитенциарный, пенитенциарный и постпенитенциарный периоды.

Допенитенциарный период ресоциализации увязывается с моментом проявления признаков десоциализации, что в конечном итоге с высокой долей вероятности может привести лицо к совершению преступления. Некоторые ученые полагают, что допенитенциарный этап ресоциализации начинается с того момента, когда личность попадет в орбиту уголовной юстиции²⁴. Другие поддерживают разделяемую нами позицию, что ресоциализация личности может начинаться и раньше, на допенитенциарном этапе (с момента десоциализации личности и до совершения преступления)²⁵. Такое понимание представляется логичным, но необходимо внести одно уточнение: видимо, здесь следует говорить больше о ресоциализации личности вообще, особенно в том случае, когда вовремя предпринятые меры позволили предотвратить преступление. А если вести речь о ресоциализации осужденных в узком (буквальном) смысле этого понятия, то допенитенциарный этап сужается по времени, начальный момент ресоциализации осужденных следует увязывать с вынесением обвинительного приговора.

Взаимодействие общества и государства на допенитенциарном этапе ресоциализации проявляется в активном включении механизмов общественного воздействия как реакции на негативное отклоняющееся поведение. Например, инициативные граждане, возможно соседи, могут обращаться с жалобами, заявлениями в государственные инстанции, пытаться

самостоятельно повлиять на лицо, проявляющее своим поведением признаки десоциализации. Общественное воздействие играет важную роль в исправлении осужденного на пенитенциарном этапе²⁶, однако и в допенитенциарный период общество может сделать очень многое для того, чтобы проявляющий признаки десоциализации человек задумался о своем поведении, отношении к социальным ценностям, институтам общества и государства.

Микросреда, в которой находится личность, формирует ее, оказывает влияние на внутренние ценностно-нормативные установки, а также на внешние действия и поступки. Это влияние может быть как положительным, так и отрицательным. Микросреда может даже формировать личность преступника, привести человека к совершению преступления. В такой ситуации зачастую необходимо вмешательство уже государственных структур в лице правоохранительных органов. Но и в этом случае общество (макросреда) может оказать свое позитивное воздействие своевременным сигналом для подключения к работе специализированных государственных органов. В некоторых случаях изъятие из социально-негативной микросреды, возможно, временное отлучение от ближайшего социального окружения будет способствовать предотвращению деградации личности, препятствовать ее «скатыванию» к совершению преступления.

В целях активации роли общественного воздействия для ресоциализации необходимо интенсифицировать государственно-частное партнерство в данной сфере. Государство должно участвовать в формировании гражданского общества. Представляется, без взаимопонимания, поддержки, партнерства между государством и обществом не может быть ни сильного суверенного государства, ни активного гражданского общества. Государству следует поддерживать позитивные общественные инициативы, и Российская Федерация это делает. Так, распоряжением Правительства РФ была утверждена Концепция развития добро-

²⁴ Южанин В. Е. Процесс ресоциализации и его обеспечение в уголовном судопроизводстве : учеб. пособие. Рязань, 1992.

²⁵ Смирнов И. А. Стадии процесса ресоциализации осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы // Юрист юга России и Закавказья. 2017. № 4 (20). С. 25–26.

²⁶ Малолеткина Н. С. Общественное воздействие в перечне основных средств исправления осужденных: некоторые вопросы // Вестник Самарского юридического института. 2021. № 3 (44). С. 47.

вольчества (волонтерства) в РФ²⁷, которая определила основы правового регулирования добровольческой деятельности в России как сферы реализации человеческого потенциала для решения социальных задач в образовании, здравоохранении, культуре, искусстве, физической культуре и спорте, охране окружающей среды. Указом Президента РФ 2018 год в Российской Федерации был объявлен Годом добровольца²⁸.

Добровольческие инициативы на допенитенциарном этапе ресоциализации можно использовать в сфере социальной защиты, помощи и поддержки. Зачастую десоциализации предшествует именно социальная незащищенность. Как справедливо отмечают И. А. Лакина и Л. П. Питкевич, «актуальность волонтерства и добровольчества в различных странах свидетельствует об огромном потенциале, который сегодня может быть использован для решения целого ряда социальных проблем»²⁹. Авторы в своей работе акцентируют внимание на использовании волонтерства при исполнении не связанных с лишением свободы наказаний, но и на допенитенциарном этапе деятельность волонтерских организаций была бы крайне полезна. Так, волонтеры могли бы работать с социально незащищенными группами граждан, неблагополучными семьями, несовершеннолетними делинквентами и т.д.

В отношении несовершеннолетних особо следует выделить значительный ресоциализирующий потенциал патриотического воспитания. Безусловно, формирование здорового гражданского общества невозможно без патриотического воспитания, становления патриотической гражданской позиции, и в этот процесс должны быть вовлечены все граждане, независимо от возраста. Но именно несовершеннолетние являются наиболее восприимчивыми к воспитательному воздействию, их личность находится в стадии становления, формируется. Несовершеннолетние, молодежь, являются будущим страны, в этой связи

воспитание молодежи можно обозначить как перспективные инвестиции в будущее. От того, какими будут эти инвестиции, зависит и наше будущее. В области патриотического воспитания деятельность добровольческих организаций представляется достаточно востребованной. Как правило, основную массу добровольцев составляют молодые люди, им легче взаимодействовать со сверстниками, в связи с чем участие патриотически настроенных молодых людей в воспитании подрастающего поколения нельзя недооценивать.

Отмечая значительную роль общественного воздействия как инструмента ресоциализации на допенитенциарном этапе, деятельность государства по содействию работе структур гражданского общества, следует указать и на иной аспект реализации государственно-властных полномочий в данной сфере. Так, в случае если десоциализированное поведение выходит за рамки правомерного, становится правонарушающим и требует соответствующей реакции со стороны органов государственной власти, включаются правоохранные механизмы. Однако и в данном случае государственно-частное партнерство реализуется. Как справедливо отмечает И. А. Смирнов, «лица на допенитенциарном этапе, особенно на предварительном следствии, находятся в эмоциональном состоянии, и воздействовать с положительной стороны на таких лиц проще»³⁰. Представляется, что такое воздействие со стороны следователя, дознавателя или иных представителей следственных органов вряд ли будет иметь большой ресоциализирующий эффект. В такой ситуации акцентировать внимание следует на ближайшем окружении (семье, родственниках, иных близких лицах), адвокатах, религиозных и общественных организациях, которым в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством предоставляется право общения с подследственными и которые могут оказать влияние на совершившее правонарушение/ преступление лицо.

²⁷ Распоряжение Правительства РФ от 27.12.2018 № 2950-р «Об утверждении Концепции развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72039562/> (дата обращения: 21.01.2023).

²⁸ Указ Президента РФ от 06.12.2017 № 583 «О проведении в Российской Федерации Года добровольца (волонтера)» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42573> (дата обращения: 21.01.2023).

²⁹ Лакина И. А., Питкевич Л. П. Развитие института добровольчества (волонтерства) как фактор ресоциализации лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2021. № 8 (231). С. 7–8.

³⁰ Смирнов И. А. Указ. соч. С. 26.

Пенитенциарный этап ресоциализации в большей степени, чем допенитенциарный, связан с принуждением со стороны государства. Государственно-частное партнерство в этот период выстраивается на основе примата роли государственных структур в лице учреждений уголовно-исполнительной системы. Однако и в данной сфере государственно-частное партнерство реализуется в полной мере.

Уголовно-исполнительный кодекс РФ в качестве основных средств исправления предусматривает общественное воздействие, режим, воспитательную работу, общественно полезный труд, получение общего образования и профессиональное обучение. Указанные средства исправления применяются учреждениями и органами, исполняющими наказание, совместно с иными субъектами исправительного воздействия, к которым относятся члены общественных наблюдательных комиссий, иные представители общественности, предприниматели, представители бизнес-сообществ, религиозные организации и т.п.³¹ В научной литературе обращается внимание на то, что не все средства исправления в равной степени регламентированы законодательством. Так, например, Н. С. Малолеткиной видится неоправданно мало изученным институт общественного воздействия³². Взаимодействие учреждений и органов уголовно-исполнительной системы и частных организаций в процессе реализации наказания в виде принудительных работ также осложняется в связи с недостаточным правовым регулированием.

Принудительные работы являются относительно новым видом наказания, закрепленным Уголовным кодексом РФ. Однако в пенитенциарной практике России аналогичная мера воздействия уже применялась и положительно себя зарекомендовала, что позволяет рассматривать перспективы реализации принудитель-

ных работ в Российской Федерации с определенной долей оптимизма. С учетом коренного изменения экономического уклада потребовалось существенным образом пересмотреть концепцию практической реализации данного вида наказания: применять принудительные работы силами учреждений и органов уголовно-исполнительной системы уже недостаточно, необходимо привлекать представителей частных бизнес-структур³³.

В соответствии со ст. 60.1 УИК РФ принудительные работы исполняются исправительными центрами, расположенными в пределах территории субъекта РФ, в котором осужденные проживали или были осуждены, либо на территории субъекта РФ, в котором проживает один из близких родственников осужденного, или наиболее близко расположенном к месту жительства близкого родственника. Исправительные центры могут создаваться как изолированные участки при исправительных учреждениях. Федеральным законом от 18.07.2019 статья 60.1 УИК РФ была дополнена частью 3.1, которой предусмотрено право организаций создавать участки исправительных центров в целях привлечения труда осужденных³⁴. Приказ Минюста России от 26.12.2019 закрепил порядок создания и функционирования таких центров на базе организаций различных форм собственности³⁵.

Практический опыт реализации государственно-частного партнерства в сфере исполнения принудительных работ на базе организаций различных форм собственности, прежде всего частной, пока еще недостаточен. Однако уже понятно, что потенциал такого взаимодействия достаточно велик: государство реализует закрепленные в Уголовно-исполнительном кодексе цели, представители бизнес-структур получают возможность извлекать выгоды от использования труда лиц, поведение которых находится под полным контролем со стороны со-

³¹ Малолеткина Н. С. Указ. соч. С. 48.

³² Малолеткина Н. С. Указ. соч. С. 48.

³³ Седых В. А., Авдеев В. В., Радионов А. В., Скиба А. П. Некоторые вопросы правового регулирования трудоустройства осужденных к принудительным работам в рамках государственно-частного партнерства в производственном секторе уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2020. № 10 (221). С. 55–56.

³⁴ Федеральный закон от 18.07.2019 № 179-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.01.2023).

³⁵ Приказ Минюста России от 26.12.2019 № 323 «Об утверждении Порядка создания и функционирования участков исправительных центров, расположенных вне исправительных центров, но в пределах субъектов Российской Федерации, на территории которых они находятся» (зарег. в Минюсте России 21 января 2020 г., № 57211) // URL: <https://base.garant.ru/73438639/#friends> (дата обращения: 23.01.2023).

трудников уголовно-исполнительной системы. Безусловно, не во всех сферах использование труда осужденных может быть приемлемым и эффективным. Трехлетний опыт демонстрирует перспективность применения принудительных работ в таких областях, как сельское хозяйство, строительство, мусоропереработка, жилищно-коммунальное хозяйство.

Очевидно, что предприятия, относящиеся к крупному бизнесу, взаимодействуют с подразделениями Федеральной службы исполнения наказаний в контексте исполнения наказаний в виде принудительных работ чаще, чем представители мелкого и среднего бизнеса. Например, в Ленинградской области запущен масштабный проект государственно-частного партнерства с УФСИН по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, в рамках которого Кингисеппский машиностроительный завод в поселке Назия организует участок исправительного центра для привлечения осужденных к работе на заводе³⁶. На территории Свердловской области в трех исправительных участках, функционирующих как исправительные центры, осужденные к принудительным работам «трудоустроены на разные предприятия города в качестве разнорабочих по уборке городских дорог и лестничных клеток, диспетчерами, кондукторами, электромонтерами, водителями, слесарем-электриком, рабочими в цехе промышленного производства, делопроизводителями»³⁷. По данным ГУФСИН России по Свердловской области, 250 осужденных к принудительным работам будут трудоустроены на Уралвагонзавод³⁸.

Трудоустройство осужденных за пределами исправительного учреждения, безусловно, имеет ресоциализирующее значение. Осужденные получают возможность приобрести практические навыки по конкретной профессии, закрепить за собой возможное место работы, с тем

чтобы продолжить работать и после освобождения от наказания. Проведенное нами анкетирование осужденных к принудительным работам в Санкт-Петербурге показывает, что абсолютное большинство опрошенных (91,7 %) хотели бы продолжить выполнять свои трудовые функции по месту трудоустройства и после освобождения от отбывания наказания.

По данным официальной статистики ФСИН РФ, по состоянию на 1 ноября 2022 г. на учете 43 исправительных центров и 252 изолированных участков, функционирующих как исправительные центры, состоят 13 224 осужденных к принудительным работам³⁹, что составляет 3 % от всех осужденных, находящихся в сфере действия уголовно-исполнительной системы. Это достаточно большая цифра, но в масштабах Российской Федерации нельзя говорить о том, что осужденные к принудительным работам, привлеченные к выполнению трудовых функций на предприятиях и в частных организациях, смогут существенно повлиять на экономические показатели региона. Представляется, что в контексте реализации принудительных работ в большей мере можно говорить о ресоциализирующем потенциале, о достижении целей исправления и восстановления социально положительного статуса осужденного, чем об экономическом эффекте от применения данной меры воздействия.

Наряду с привлечением осужденных к оплачиваемому труду, важное ресоциализирующее воздействие оказывает и привлечение осужденных к общественно полезному труду на объектах организаций любых форм собственности. Трудно не согласиться с мнением А. А. Раськевича, который определяет труд как «средство формирования личности каждого человека... а отношение к труду — важной социальной чертой личности»⁴⁰. Ученый отме-

³⁶ Завод в Ленобласти привлечет к работе заключенных // URL: https://www.dp.ru/a/2021/10/14/Zavod_v_Lenoblasti_privle (дата обращения: 23.01.2023).

³⁷ Информация для предприятий и организаций об условиях создания исправительных центров на их базе и трудоустройству осужденных к принудительным работам / Министерство инвестиций и развития Свердловской области // URL: <https://mir.midural.ru/informaciya-dlya-predpriyatij-i-organizacij-ob-usloviyah-sozdaniya-ispravitelnyh-centrov-na-ih-baze> (дата обращения: 23.01.2023).

³⁸ 250 осужденных будут трудиться на уральском предприятии, где делают танки // URL: <https://eburg.mk.ru/social/2022/11/28/250-osuzhdennykh-budut-truditsya-na-uralskom-predpriyatii-gde-delayut-tanki.html> (дата обращения: 23.01.2023).

³⁹ Краткая статистика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 23.01.2023).

⁴⁰ Раськевич А. А. Общественно полезный труд как средство исправления осужденных: пенитенциарные проблемы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2010. № 2. С. 77.

чает, что труд осужденного преследует прежде всего исправительные и воспитательные цели, но не является карой. Причем именно квалифицированный труд воспитывает осужденного, «так как при использовании их на неквалифицированном труде они не приобретают никакой специальности, необходимой на свободе, и подвергаются не в должной мере исправительному воздействию. Кроме того, неквалифицированный труд — малооплачиваемый и непрестижный, и воспитательное значение такого труда невелико»⁴¹. Общественно полезный труд в пенитенциарных учреждениях, по мнению А. А. Раськевича, преследует и иные цели — экономическую, социальную и оздоровительную⁴².

Как представляется, общественно полезный труд осужденных по своим целям и задачам, сущностной характеристике не может отличаться от труда оплачиваемого. Единственное отличие как раз и состоит в эквивалентности или безэквивалентности предоставления, то есть оплачивается или не оплачивается этот труд. Иное представление противоречило бы формальной логике: в уголовно-исполнительном законодательстве не сформулированы самостоятельные цели в зависимости от оплачиваемости труда. Возмездность труда выступает стимулирующим фактором, но не меняет целевого предназначения труда как средства исправления. Как справедливо отмечается в научной литературе, «эффективная трудовая деятельность на конкурентоспособном предприятии ведет к соответствующему уровню благосостояния осужденных, что, в свою очередь, повысит возможности компенсации по исполнительным листам причиненного ими материального и морального ущерба потерпевшим от преступлений, а также будет стимулом для осужденных к ресоциализации через труд, повышению производительности труда»⁴³.

Значительный ресоциализационный потенциал привлечения к труду доказан правоприменительной практикой и апробирован временем. Однако в настоящее время нельзя говорить о том, что он полностью реализован. К сожалению, в процессе решения проблем трудоустройства осужденных значительное внимание уделяется экономическому показателю. Если в пенитенциарных учреждениях обязанность трудоустроить осужденного возложена на администрацию исправительного учреждения, то в отношении частных организаций актуальным становится вопрос их стимулирования в целях более широкого использования труда осужденных. Часть 2 ст. 60.7 УИК РФ содержит правовую норму, в соответствии с которой организациям, использующим труд осужденных к принудительным работам, предоставляются льготы по уплате налогов в соответствии с законодательством РФ о налогах и сборах. Налоговые льготы установлены на федеральном уровне по земельному налогу (пп. 1 п. 1 ст. 381 НК РФ), по налогу на имущество организаций (п. 1 ст. 381 НК РФ), по НДС (пп. 1 п. 3 ст. 149 НК РФ)⁴⁴. Налоговые льготы могут быть установлены также на региональном и местном уровнях. В соответствии с Федеральным законом от 02.07.2021 № 334-ФЗ «О внесении изменений в статью 24.1 Федерального закона “О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации”»⁴⁵ предприниматели, использующие труд осужденных к принудительным работам, смогут получить статус социального предпринимателя. Такая государственная политика в целом оказалась достаточно плодотворной: организаций, привлекающих труд осужденных, стало больше. Положительно оценивая принимаемые государством меры, отметим, что в целях оптимизации реализуемой практики государственно-частного партнерства в настоящее время

⁴¹ Раськевич А. А. Указ. соч. С. 78–79.

⁴² Раськевич А. А. Указ. соч. С. 78–79.

⁴³ Хевролина С. В. Проблемы экономической эффективности организации труда осужденных к лишению свободы на предприятиях различных организационно-правовых форм, расположенных вне территории исправительного учреждения // Государство и право: теория и практика : материалы I Международной научной конференции (Челябинск, апрель 2011 г.). Челябинск : Два комсомольца, 2022. С. 202–204.

⁴⁴ Льготы по налогам для организаций, использующих труд осужденных к принудительным работам // URL: <https://www.glavbukh.ru/hl/303205-1goty-po-nalogam-dlya-organizatsiy-ispolzuyushchih-trud-osujdennyh-k-prinuditelnym-rabotam> (дата обращения: 24.01.2023).

⁴⁵ URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107020047?index=1&rangeSize=1> (дата обращения: 24.01.2023).

необходимо более внимательное отношение к возникающим в данной сфере вопросам на местах. Органы государственной власти субъектов РФ и органы местного самоуправления, с учетом экономической специфики региона, особенностей работы в конкретных условиях субъектов предпринимательской деятельности, должны практически в ручном режиме осуществлять правовое, организационное и техническое регулирование.

Важное ресоциализирующее значение в пенитенциарный период имеет получение осужденными образования. Не секрет, что для многих проявляющих признаки десоциализации лиц характерно отсутствие образования. Причем это касается не только высшего образования, но даже и среднего общего. Из числа опрошенных в ходе проведенного исследования лиц только 21 % осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях Санкт-Петербурга и Ленинградской области, имели высшее образование; 52 % из числа опрошенных имели среднее общее и среднее профессиональное образование; оставшиеся 17 % имели начальное образование; 10 % опрошенных затруднились с ответом, вероятно, они также имели только начальное образование, но побоялись сообщить об этом в анкете. По данным проведенного в 2017 г. на базе Научно-исследовательского института ФСИН исследования, ситуация с наличием образования у осужденных еще более удручающая: «33,7 % осужденных не имели профессии, 7 % — начального образования»⁴⁶.

Следует отметить, что получение общего образования осужденными к лишению свободы лицами в силу положений ст. 112 УИК РФ организуется в исправительных учреждениях. Там же они могут получить и среднее профессиональное образование. Получение образования является средством исправления осужденного, желание получить образование выступает базисом успешной ресоциализации, свидетель-

ствует о стремлении осужденного к получению профессиональных навыков и умений, способствующих будущей законопослушной жизни.

В соответствии со ст. 13 Закона РФ от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»⁴⁷ учреждения и органы уголовно-исполнительной системы обязаны обеспечить осужденным условия для получения образования по месту отбытия наказания. Государственно-частное партнерство в данной сфере выстраивается на основе взаимодействия пенитенциарных учреждений и образовательных организаций. Концепция развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 года⁴⁸, а затем и Концепция развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 года⁴⁹ в качестве перспективных направлений развития уголовно-исполнительной системы предусматривали гарантии получения осужденными профессионального образования с учетом потребностей региональных рынков труда в целях содействия занятости населения на основе социального партнерства государства, бизнеса, институтов гражданского общества.

Концепция развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 года предполагала в перспективе создание благоприятных условий для получения в исправительном учреждении и высшего образования в дистанционной форме, однако практическая реализация таких планов затруднена. В настоящее время осужденные, содержащиеся в пенитенциарных учреждениях, имеют право получить высшее образование на конкурсной основе, безусловно, при содействии учреждения исполнения наказания и если для этого есть соответствующие технические возможности. В научной литературе отмечается, что «осужденные, получившие в исправительном учреждении высшее образование, после выхода на свободу становятся рецидивистами в пять раз реже, чем их “коллеги” без диплома»⁵⁰.

⁴⁶ Тарасова М. И., Смирнов И. С., Федорова Е. М. Проблемы организации профессионального образования осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 3 (4). С. 95.

⁴⁷ URL: <https://base.garant.ru/1305321/>.

⁴⁸ Распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 года» // URL: <https://base.garant.ru/1357449/> (дата обращения: 24.01.2023).

⁴⁹ Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.01.2023).

⁵⁰ Режапова И. М. Особенности получения образования лицами, отбывающими наказание в виде лишения свободы, в России и за рубежом // Теория и практика социогуманитарных наук. 2022. № 1 (17). С. 48.

В настоящее время социальное партнерство в сфере организации получения осужденными именно высшего образования развивается достаточно успешно: многие вузы в России обучают осужденных по образовательным программам, реализуемым в заочной форме. Однако следует отметить, что, несмотря на очевидную социальную значимость такого взаимодействия, по сути, принятие решения о расширении сотрудничества полностью зависит от позиции руководства вуза. Как правило, в вузах нет отдельных образовательных программ для осужденных, отбывающих наказание в исправительном учреждении. В то же время возможности получения ученического отпуска или «вызова на сессию» на время прохождения промежуточной аттестации для осужденных не предусмотрено, что вызывает определенные затруднения и осложняет процесс обучения. Многие вузы предлагают современные дистанционные форматы обучения с использованием информационных образовательных платформ, однако и такой формат может быть неприемлем для осужденного ввиду отсутствия в пенитенциарных учреждениях специального оборудования и точек доступа к сети Интернет. Как представляется, такая ситуация не должна препятствовать развитию государственно-частного партнерства в данной сфере. Вузам следует быть более гибкими, разрабатывать и предлагать специальные программы с учетом возможностей конкретного исправительного учреждения, во взаимодействии с территориальными органами Федеральной службы исполнения наказаний. В целях стимулирования сотрудничества частных образовательных организаций с пенитенциарными учреждениями можно было бы предусмотреть дополнительные льготы по налогообложению или предоставление субсидий либо специальную грантовую поддержку.

Немаловажную роль в процессе ресоциализации осужденных играет религия. Обращение к традиционным ценностям, являющимся основой любой религии⁵¹, приносит духовное успокоение, способствующее принятию и пра-

вовых норм. Важное психологическое значение имеют беседы со священнослужителями, молитвы и проповеди, что позволяет осужденным (заблудшим душам) задуматься о смысле своей жизни, значимости своего поведения и будущих перспективах. Осужденные в абсолютном своем большинстве являются лицами с антисоциальной или асоциальной установкой, воздействовать на которую только при помощи ресурса уголовно-исполнительной системы бывает недостаточно. Именно религия как составная часть богатой российской многонациональной культуры может выступить в роли некоего «ключика к человеческой душе», способного открыть для осужденного новый путь развития.

Взаимодействие структур ФСИН и религиозных организаций в рассматриваемом контексте успешно реализуется, что отмечается как со стороны сотрудников уголовно-исполнительной системы, так и со стороны духовенства. Как указывает в своей публикации протоиерей Алексей (Альгердас) Петрасович Айжинас, «организация работы по ресоциализации осужденных в исправительном учреждении осуществляется на основе скоординированного взаимодействия между священниками и сотрудниками уголовно-исполнительной системы, которые являются специалистами в области психологии, социальной работы, педагогики и права»⁵². Согласно статистической информации ФСИН РФ, по состоянию на 1 ноября 2022 г. «в учреждениях уголовно-исполнительной системы функционируют 1 523 объекта (здания, сооружения, помещения), используемых для проведения религиозных обрядов и церемоний, в том числе: 1 049 — для лиц, исповедующих православие (отдельно стоящие и домовые храмы, часовни, молитвенные комнаты); 399 — для лиц, исповедующих ислам (мечети, молитвенные комнаты); 16 — для лиц, исповедующих иудаизм (синагоги, молитвенные комнаты); 33 — для лиц, исповедующих буддизм (дуганы, хурулы, дацаны, молитвенные комнаты), а также 26 религиозных объектов для лиц, представляющих

⁵¹ Как верно замечает М. В. Максименко, религиозные конфессии, действующие на территории Российской Федерации, преимущественно едины в определении основных религиозных ценностей. См.: Максименко М. В. Взаимодействие органов уголовно-исполнительной системы с религиозными организациями // Вестник Прикамского социального института. 2018. № 1 (79). С. 28.

⁵² Айжинас А. П. Ресоциализация осужденных и духовно-пастырская забота — два параллельных способа возродить человеческую личность // Вестник Омской православной духовной семинарии. 2021. № 1 (10). С. 169.

иные религиозные течения»⁵³. Представленные данные свидетельствуют о том, что осужденные имеют возможность реализовать свое конституционное право на свободу вероисповедания, взаимодействие религиозных конфессий и структур ФСИН достаточно успешно.

После освобождения от наказания для осужденного начинается активный период ресоциализации, возвращения к жизни в общество. Уголовно-исполнительное законодательство предусматривает обязанность пенитенциарного учреждения осуществлять мероприятия по подготовке осужденного к освобождению. В этот период устанавливаются контакты с семьей, выясняются жилищные, трудовые, медицинские, социальные и иные аспекты будущего устройства освобожденного от отбывания наказания лица. Однако в дальнейшем, за пределами срока отбывания наказания освобожденный останется, по сути, наедине со своими проблемами и стоящей перед ним задачей начинать жить самостоятельно. Предполагаемый к принятию в самое ближайшее время федеральный закон «О пробации в Российской Федерации» призван решить часть проблем, возложить контроль над процессом ресоциализации осужденных на уголовно-исполнительные инспекции. Безусловно, об эффективности реализации положений данного законопроекта можно будет говорить только по прошествии определенного времени. Но, как представляется, ясно уже сейчас, что сотрудники уголовно-исполнительных

инспекций получают дополнительную нагрузку и функцию социального сопровождения.

Освобожденные от отбывания наказания лица очевидно нуждаются в социальном сопровождении, помощи и поддержке (материальной, организационной, правовой, информационной, психологической и т.д.). Однако вряд ли стоит возлагать этот функционал на структуры уголовно-исполнительной системы, которыми и являются уголовно-исполнительные инспекции. Представляется, что это должна быть самостоятельная служба, подчиняющаяся Министерству юстиции РФ. В такого рода деятельности должны быть максимально широко вовлечены и структуры гражданского общества: общественные и религиозные организации, реализована идея добровольчества. Только государственно-частное партнерство в широком смысле этого слова, когда государство во взаимодействии с гражданским обществом оказывают помощь, поддерживают и осуществляют социальный контроль за освобожденным от наказания лицом, может принести свои позитивные плоды, способствовать ресоциализации, возвращению к ведению законопослушного образа жизни.

Таким образом, анализ различных аспектов реализации государственно-частного партнерства в процессе ресоциализации осужденных и освобожденных от отбывания наказания лиц демонстрирует эффективность такого взаимодействия, которое, безусловно, следует в дальнейшем развивать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Айжинас А. П. Ресоциализация осужденных и духовно-пастырская забота — два параллельных способа возродить человеческую личность // Вестник Омской православной духовной семинарии. 2021. № 1 (10). С. 169–175.

Гарник С. В. Тенденции развития пенитенциарной практики в России на фоне существующих геополитических изменений и информационного противостояния // Уголовно-исполнительная система на современном этапе с учетом реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года : сборник тезисов выступлений и докладов участников Международной научно-практической конференции по проблемам исполнения уголовных наказаний (Рязань, 17–18 ноября 2022 г.) : в 2 т. Т. 1. Рязань : Академия ФСИН России, 2022. С. 61–65.

Жулева Ю. В. Ресоциализация осужденных несовершеннолетних женского пола, отбывающих наказание в воспитательных колониях (правовые и криминологические аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 223 с.

Ковтуненко Л. В. Концепция ресоциализации несовершеннолетних осужденных в педагогической среде воспитательной колонии : дис. ... д-ра пед. наук. Воронеж, 2018.

⁵³ Краткая статистика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 23.01.2023).

Крайнова Н. А. Проблемы ресоциализации неоднократно судимых лиц : дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2002. 255 с.

Лакина И. А., Питкевич Л. П. Развитие института добровольчества (волонтерства) как фактор ресоциализации лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества // *Ведомости уголовно-исполнительной системы*. 2021. № 8 (231). С. 6–11.

Максименко М. В. Взаимодействие органов уголовно-исполнительной системы с религиозными организациями // *Вестник Прикамского социального института*. 2018. № 1 (79). С. 27–37.

Малинин В. Б., Малинина М. В. Понятие ресоциализации осужденных и применение ее к несовершеннолетним // *Ленинградский юридический журнал*. 2017. № 3 (49). С. 189–203.

Малолеткина Н. С. Общественное воздействие в перечне основных средств исправления осужденных: некоторые вопросы // *Вестник Самарского юридического института*. 2021. № 3 (44). С. 47–53.

Полякова Е. А. Стадии ресоциализации осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы // *Человек: преступление и наказание*. 2009. № 4 (67).

Раськевич А. А. Общественно полезный труд как средство исправления осужденных: пенитенциарные проблемы // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2010. № 2. С. 77–84.

Режапова И. М. Особенности получения образования лицами, отбывающими наказание в виде лишения свободы, в России и за рубежом // *Теория и практика социогуманитарных наук*. 2022. № 1 (17). С. 44–52.

Ромашов Р. А., Арбузова С. А. Нормативно-правовые аспекты ресоциализации осужденных в современной России // *Ведомости уголовно-исполнительной системы*. 2014. № 6. С. 37–41.

Рыбак М. С. Ресоциализация осужденных к лишению свободы: проблемы теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2001. 450 с.

Седых В. А., Авдеев В. В., Радионов А. В., Скиба А. П. Некоторые вопросы правового регулирования трудоустройства осужденных к принудительным работам в рамках государственно-частного партнерства в производственном секторе уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // *Ведомости уголовно-исполнительной системы*. 2020. № 10 (221). С. 55–56.

Скиба А. П. Проект федерального закона «О пробации в Российской Федерации» и действующее уголовно-исполнительное законодательство: возможные коллизии // *Уголовно-исполнительная система на современном этапе с учетом реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года : сборник тезисов выступлений и докладов участников Международной научно-практической конференции по проблемам исполнения уголовных наказаний (Рязань, 17–18 ноября 2022 г.) : в 2 т. Т. 1. Рязань : Академия ФСИН России, 2022. С. 207–212.*

Смирнов И. А. Стадии процесса ресоциализации осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы // *Юрист юга России и Закавказья*. 2017. № 4 (20). С. 24–31.

Степанюк А. Ф., Трубников В. М. Исполнение наказания в виде лишения свободы и особенности пост-пенитенциарной адаптации освобожденных. Киев, 1992. 95 с.

Тарасова М. И., Смирнов И. С., Федорова Е. М. Проблемы организации профессионального образования осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2017. № 3 (4). С. 94–99.

Тепляшин П. В. Эффективность пробации: официальная позиция (в контексте проекта федерального закона «О пробации в Российской Федерации») и теоретический дискурс // *Уголовно-исполнительная система на современном этапе с учетом реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года : сборник тезисов выступлений и докладов участников Международной научно-практической конференции по проблемам исполнения уголовных наказаний (Рязань, 17–18 ноября 2022 г.) : в 2 т. Т. 1. Рязань : Академия ФСИН России, 2022. С. 234–239.*

Трубников В. М. Социальная адаптация освобожденных от наказания : дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1991. 519 с.

Хван И. И. Понятие и сущность ресоциализации осужденных к лишению свободы и ее соотношение со смежными институтами // *Бюллетень науки и практики*. 2021. № 6. С. 382–387.

Хевролина С. В. Проблемы экономической эффективности организации труда осужденных к лишению свободы на предприятиях различных организационно-правовых форм, расположенных вне территории исправительного учреждения // *Государство и право: теория и практика : материалы I Международной научной конференции (Челябинск, апрель 2011 г.)*. Челябинск : Два комсомольца, 2022. С. 202–204.

Шмаров И. В., Кузнецов Ф. Т., Подымов П. Е. Эффективность деятельности исправительно-трудовых учреждений. М., 1968. 183 с.

Южанин В. Е. Процесс ресоциализации и его обеспечение в уголовном судопроизводстве : учеб. пособие. Рязань, 1992.

REFERENCES

Ayzhinas AP. Resocialization of convicts, spiritual, and pastoral care: Two parallel ways to revive a human personality. *Vestnik Omskoy pravoslavnoy dukhovnoy seminarii*. 2021;1(10):169-175. (In Russ.).

Garnik SV. Trends in the development of penitentiary practice in Russia against the background of existing geopolitical changes and information confrontation. In: *The penal system at the present stage taking into account the implementation of the Concept for the development of the penal system of the Russian Federation for the period up to 2030*. A collection of speaking notes and reports of participants of the international scientific and practical conference on the problems of the execution of criminal penalties (Ryazan, November 17–18, 2022): in 2 vols. Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2022. (In Russ.).

Khevroлина SV. Problems of economic efficiency of labor organization of persons sentenced to imprisonment at enterprises of various organizational and legal forms located outside the territory of a correctional institution. In: *Gosudarstvo i pravo: teoriya i praktika: materialy I Mezhdunar. nauch. konferentsii* (g. Chelyabinsk, April 2011 g.). Chelyabinsk: Dva komsomoltsa Publ.; 2022. Pp. 202–204. (In Russ.).

Khvan II. The concept and essence of the resocialization of prisoners sentenced to imprisonment and its relationship with related institutions. *Byulleten nauki i praktiki*. 2021;6. (In Russ.).

Kovtunenکو LV. The concept of resocialization of juvenile convicts in the pedagogical environment of a juvenile correctional facility. Dr. Diss. (Law). Voronezh; 2018. (In Russ.).

Kraynova N.A. Problems of re-socialization of repeatedly convicted persons. Cand. Diss. (Law). Vladivostok; 2002. (In Russ.).

Lakina IA, Pitkevich LP. Development of the institute of voluntary work (volunteering) as a factor of re-socialization of persons sentenced to punishments not related to isolation from society. *Vedomosti ugolovno-isspolnitelnoy sistemy*. 2021;8(231):6-11. (In Russ.).

Maksimenko MV. Interaction of the bodies of the penal system with religious organizations. *Vestnik Prikamskogo sotsialnogo instituta*. 2018;1(79):27-37. (In Russ.).

Malinin VB, Malinina MV. The concept of resocialization of convicts and its application to minors. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal*. 2017;3(49). (In Russ.).

Maloletkina NS. Public impact in the list of basic means of correction of convicts: Some issues. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*. 2021;3(44):47-53. (In Russ.).

Polyakova EA. Stages of re-socialization of convicts serving a sentence of imprisonment. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie [Man: Crime and punishment]*. 2009;4(67). (In Russ.).

Raskevich AA. Socially useful work as a means of correcting convicts: Penitentiary problems. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. 2010;2. (In Russ.).

Rezhapova IM. Features of obtaining education by persons serving a sentence of imprisonment in Russia and abroad. *Teoriya i praktika sotsiogumanitarnykh nauk*. 2022;1(17):44-52. (In Russ.).

Romashov RA, Arbuzova SA. Regulatory and legal aspects of the resocialization of convicts in modern Russia. *Vedomosti ugolovno-isspolnitelnoy sistemy*. 2014;6. (In Russ.).

Rybak MS. Resocialization of prisoners sentenced to imprisonment: Problems of theory and practice. Dr. Diss. (Law). Saratov; 2001. (In Russ.).

Sedykh VA, Avdeev VV, Radionov AV, Skiba AP. Some issues of legal regulation of employment of convicts to forced labor within the framework of public private partnership in the production sector of the penal system of the Russian Federation. *Vedomosti UIS*. 2020;10(221):55-56. (In Russ.).

Shmarov IV, Kuznetsov FT, Podymov PE. The effectiveness of correctional labor facilities. Moscow; 1968. (In Russ.).

Skiba AP. Draft Federal Law «On Probation in the Russian Federation» and current penal enforcement legislation: Possible conflicts. In: *The penal system at the present stage taking into account the implementation of the Concept for the development of the penal system of the Russian Federation for the period up to 2030*. A collection of speaking notes and reports of participants of the international scientific and practical conference on the problems of the execution of criminal penalties (Ryazan, November 17–18, 2022): in 2 vols. Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2022. (In Russ.).

Smirnov IA. Stages of the re-socialization of convicts serving imprisonment sentences. *Yurist yuga Rossii i Zakavkazya*. 2017;4(20). (In Russ.).

Stepanyuk AF, Truyunikov VM. Execution of punishment in the form of imprisonment and features of post-penitentiary adaptation of the released. Kiev; 1992. (In Russ.).

Tarasova MI, Smirnov IS, Fedorova EM. Problems of the organization of vocational education of convicts held in correctional facilities. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika [Legal Science and Law Enforcement Practice]*. 2017;3(4):94-99. (In Russ.).

Teplyashin PV. The effectiveness of probation: The official position (in the context of the draft federal law «On probation in the Russian Federation») and theoretical discourse. In: *The penal system at the present stage taking into account the implementation of the Concept for the development of the penal system of the Russian Federation for the period up to 2030*. A collection of speaking notes and reports of participants of the international scientific and practical conference on the problems of the execution of criminal penalties (Ryazan, November 17–18, 2022): in 2 vols. Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2022. (In Russ.).

Trubnikov VM. Social adaptation of those released from punishment. Dr. Diss. (Law). Kharkiv; 1991. (In Russ.).

Yuzhanin VE. The process of re-socialization and its provision in criminal proceedings: A study guide. Ryazan; 1992. (In Russ.).

Zhuleva YuV. Resocialization of convicted female minors serving sentences in juvenile correctional facilities (legal and criminological aspects). Cand. Diss. (Law). Moscow; 2003. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Крайнова Надежда Александровна, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Севастопольского государственного университета
д. 33, Университетская ул., г. Севастополь 299053, Российская Федерация
nakraynova@sevsu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nadezhda A. Krainova, Cand. Sci. (Law), Head of the Department of Criminal Law and Procedure, Sevastopol State University
33, Universitetskaya St., Sevastopol 299053, Russian Federation
nakraynova@sevsu.ru

Материал поступил в редакцию 27 июня 2023 г.

Статья получена после рецензирования 3 сентября 2023 г.

Принята к печати 17 октября 2023 г.

Received 27.06.2023.

Revised 03.09.2023.

Accepted 17.10.2023.

Н. Г. Скачков

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Кластерная стратегия; особенности реализации отраслевых и межотраслевых правовых институтов

Резюме. В статье рассматриваются процессы создания и функционирования кластерных структур. Кластерные подходы сегодня весьма перспективны: они позволяют как создавать новые институты развития, так и управлять существующими. Хозяйствующие субъекты, входящие в кластер, одновременно являются участниками еще и инвестиционного договора. Показано, какими субъективными правами, абсолютными обязанностями они обладают, объединившись в кластер промышленного типа. Реализация инвестиционных проектов опосредуется обновлением основных фондов. Инновационный кластер сулит тогда самодостаточность, самофинансирование, однако создание кредитных ресурсов представляется чрезвычайно затратной процедурой. Рассматриваются те институты контрактной системы, которые в состоянии нейтрализовать риски, возникающие в этой связи. Обобщаются различные аспекты замещающих сделок, в целом взаимодействия инвестиционных и управленческих контрактов. Отмечено, что внутри кластера его бенефициары своими действиями способствуют как кумуляции прибыли, так и накоплению убытков. Чем больше будет у них шансов погасить дебиторскую задолженность, тем скорее они обратят свои активы в разряд ликвидных по полной стоимости. На первый план выносятся функциональность кластерных объектов, которая очерчивает кратчайший путь к монетизации их развития. Освоение Арктического ресурсного потенциала (за счет кластерной презумпции) в этом отношении представляется весомым. Взаимодействие правовых институтов рассматривается согласно концепции так называемой тройной спирали (Triple helix), насколько она упрощает при этом создание имущественных комплексов.

Ключевые слова: кластерный подход; инвестиционный проект; сделка проектного финансирования; форвардный договор; договор приобретения базисного актива; замещающие сделки; ликвидность; дисконт; изменение структуры капитала; корпоративное финансирование; устойчивое развитие; дуализм частного права; освоение Арктики

Для цитирования: Скачков Н. Г. Кластерная стратегия; особенности реализации отраслевых и межотраслевых правовых институтов. *Lex russica*. 2023. Т. 76. № 11. С. 103–116. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.204.11.103-116

Cluster Strategy: Features of Sectoral and Intersectoral Legal Institutions Implementation

Nikita G. Skachkov

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper discusses the processes of creation and functioning of cluster structures. Cluster approaches are very promising today: they allow for both creating new development institutions and managing the existing

ones. The economic entities included in the cluster are also participants in the investment agreement at the same time. The author shows which subjective rights, absolute duties they have when united in an industrial-type cluster. The implementation of investment projects is mediated by the renewal of fixed assets. The innovation cluster then promises self-sufficiency, self-financing, but the creation of loan capital seems to be an extremely costly procedure. The institutions of the contract system that are able to stem the risks arising in this regard are considered. Various aspects of substitution transactions, in general, the interaction of investment and management contracts are summarized. The author notes that within the cluster, its beneficiaries by their actions contribute to both the accumulation of profits and the accumulation of losses. The more chances they have to pay off accounts receivable, the sooner they will turn their assets into liquid ones at full value. The functionality of cluster objects is brought to the fore, which outlines the shortest path to monetization of their development. The development of the Arctic resource potential (due to the cluster presumption) in this regard seems significant. The interaction of legal institutions is considered according to the concept of the so-called Triple helix, as far as it simplifies the creation of property complexes.

Keywords: cluster approach; investment project; project financing transaction; forward agreement; basic asset acquisition agreement; replacement transactions; liquidity; discount; capital structure change; corporate financing; sustainable development; dualism of private law; Arctic development

Cite as: Skachkov NG. Cluster Strategy: Features of Sectoral and Intersectoral Legal Institutions Implementation. *Lex russica*. 2023;76(11):103-116. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2023.204.11.103-116

Кластерная политика — составная часть внутренней политики государства, проводимой с целью обеспечения конкурентоспособности, одновременно упрочения связи между коммерческими структурами в различных отраслях экономической деятельности. Создание кластеров совершенствует и существующие нормативно-правовые, методологические механизмы управления бизнес-процессами. Сформулированные в этой связи дефиниции термина «кластер», естественно, могут различаться между собой, однако в одном они сходны: подразумевается группа предпринимательских компаний, которые участвуют во взаимосвязанных договорах.

Закрываемые под эгидой кластерной структуры контракты между тем разнородны. По предлагаемому товарному ассортименту предмет их зачастую вовсе несопоставим, настолько, что сделка с началом исполнения разобщается на несколько разновидностей. Тем не менее такие понятия, как взаимность, координация, наконец, контроль, не удостоились бы значимой смысловой нагрузки, отсутствию у данных договоров общая, консолидирующая экономическая цель. Закономерным основанием составления такого контракта, не говоря уже о его выполнении, пресловутой *causa*, является предвидимый результат, например отчуждение имущества, оказание услуг, агентских функций, представительских полномочий.

Мотивы субъектов данного договора — социально-экономические решения относительно его судьбы — должны быть продиктованы экономической обоснованностью кластеризации в целом. Эта форма коммерческого сотрудничества имеет давнюю историю развития. Однако о целесообразности перехода от ненормативных аспектов, опосредующих кластер, к сущностному уже характеру правоотношений заговорили лишь в эпоху четвертой промышленной революции, когда выяснилось, что далеко не все из действующих институтов финансирования в состоянии сформировать еще и инфраструктуру инноваций. Оттого им трудно обеспечить эффективность инвестируемого в отрасль капитала. В этой связи факторные условия создания кластеров оказались, что называется, налицо. Причиной тому, как провидчески предполагал американский экономист М. Портер, основатель теории объединения компаний по признаку институционального проектирования, возможно, послужила односторонняя оценка институтами цивилистики конкуренции между коммерческими структурами. Вместо значимого масштаба инвестиционного проекта, где развитие скорее качественное, заметна больше заинтересованность в обязательствах количественных, таких как легкодоступные поставки природных ресурсов¹.

Ученый предостерегал от эффекта размывости границ кластерных структур, в соотнесении

¹ Porter M. The Competitive Advantage of Nations // Harvard Business Review. 1990. March — April ; Porter M. Clusters and the New Economic Competition // Harvard Business Review. November — December 1998.

их разве что с экономически результативными отраслями. Все иные, в том числе и родственные им по предмету, а также методу регулирования, призваны упрочить деловые контракты между коммерческими кругами, предпринимательскими сообществами, когда они займутся собственно внедрением инноваций. Основным показателем достигнутого такой отраслью или подотраслью успеха явилась бы доля экспортируемого товара в системообразующих макропоказателях, где определенное место займет также и доля местного капитала. Поэтому имело смысл учредить не менее 16 кластеров, впоследствии разделить их на три большие группы: базовые отрасли, отрасли промышленности, а также поддерживающие их, конечное потребление и сфера услуг. В итоге может обозначиться небезынтересная закономерность: для 10 кластерных структур характерен исключительно свой выбор 3, а то и 6 наиболее конкурентоспособных отраслей².

Особое внимание стоит уделить внешним, а также внутренним преимуществам территориальных кластеров. Первая группа указывает на статистическую достоверность измерений: показателей финансовой результативности кластерной модели, исходя из анализа рисков юридически значимого поведения коммерсантов. Вторая категория тоже прозрачна: за ней стоит упрочение доверия, но одновременно и обеспечение безопасности инвестиционной сферы, сохранности выплат.

Кластер, получается, создает эффект конвертации одного финансового института в другой, откуда инвестор мог бы извлечь частную выгоду. Тем самым создается динамика ведения бизнеса, а та же конкуренция субъектов хозяйствования всё больше напоминает межсистемное взаимодействие, на фоне которого и исполняются торговые сделки. Обновление основных фондов, напротив, осуществляется избирательно: учет амортизационных отчислений основных средств при приобретении инвестиционного пая чаще всего бывает дополнен новыми счетами. Туда, помимо расширения номенклатуры, вносятся также объемы экспорта сырьевой продукции.

Приобретаемый экспортный потенциал, в принципе, должен работать на увеличение прибыли. Территориально близко расположенные компании *ad contra* заинтересованы в

снижении издержек за счет повышающего стоимость выполненных работ, оказываемых услуг коэффициента. Вывод лежит, что называется, на поверхности. Определяющей для территориального кластера является ротация обязанностей при заполнении заявки финансирования цепочки поставок. Приходится манипулировать: не сокращать сроки действия договора, а выравнивать сделки по стоимости, особенно когда ввозятся однородные товары.

Кластеры, приходим мы к обобщающему заключению, становятся важными лейтмотивами механизма развития международных кооперационных связей. Одновременно кластеризация охватывает гибкие предпринимательские структуры. Свойственная им высокая приспособляемость к изменчивости рыночной конъюнктуры наводит на мысль о необходимости дальнейшей систематизации механизмов ценообразования в договорной работе. Следующим шагом станут разъяснения, какую сделку проектного финансирования следовало бы быстрее заключить, а инвестиционный проект выбрать.

При этом законодатель зачастую устанавливает некоторую узость правовых возможностей для исполнения этих договоренностей. Так, из правовых положений Французского гражданского кодекса не следует, правомерно ли изменить контрактные условия уже подписанного соглашения либо сначала имеет смысл выполнить сопутствующий ему договор, который прекращает второстепенные обязательства за счет их новации. Согласно Германскому гражданскому уложению, стороны должны предвидеть, к чему может привести модификация договора, в ходе его исполнения. В связи с этим предугадывается настолько масштабное изменение обстоятельств, что границы основной сделки малозаметны, скажем, для третьих лиц.

Воздержание от действий, неисполнение договора позволяет в какой-то мере адаптироваться к столь рискованным изменениям бизнес-среды. Хотя едва ли его стоит считать оптимальным решением, выходом из неординарной ситуации. Между тем нарастающие негативные внешние тенденции развития экспортно-ориентированных производств означают уверенное наступление рисков делокализации. Они, помимо возможного сокращения ресурсной базы, чреваты еще и рисками группы комплаенса, вплоть до неправомерного пере-

² Porter M. E. The competitive advantage of nations : With a new introd. Basingstoke (Hants) ; New York : Palgrave, 1998.

лива капиталов. Последствия красноречиво приводятся в Федеральном законе «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (измененная редакция, вступила в силу с 29 мая 2023 г.). Согласно данному нормативному акту, заказчик услуг уполномочен заменить в договоре не только поставщика, но и подрядчика.

Напротив, сформулированное в Федеральном законе «О концессионных соглашениях» (последние дополнения внесены 29 декабря 2022 г. Федеральным законом № 604-ФЗ) прекращение подрядного договора в одностороннем порядке возможно едва ли, тем более если все меры антимонопольного контроля (куда, стоит заметить, включаются и комплаенс-риски) выполнены в полном объеме.

Субъекты хозяйствования, видимо, сочтут разумной любую метаморфозу подразумеваемых здесь институтов контрактной системы, как только она предотвратит появление системных рисков, тем самым сможет придать большую осмотрительность действиям контрагентов. Прослеживаемое тогда соотношение их имущественных интересов, стоит предположить, продиктовано необходимостью соблюсти в том числе и баланс кредиторской задолженности при заключении договора. Подписи займодавец дополнительное соглашение к поставочному форвардному договору касательно уменьшения покупной цены на задолженность, как заемщик сразу будет поставлен перед фактом наступления ущерба, более значительного, чем тот, на который обычно принято рассчитывать, исполняя основной контракт.

В то же время, разъясняют И. Ю. Купцова и И. А. Стрельникова, при переходе от изменения договора к признанию его несостоятельности важно отыскать своего рода субстрат правового института — цельность, единство признаков несущественных и, собственно, существенных³.

Для договора приобретения базисного актива, под расчетный форвард, неоднократного продления сроков выборки расчетных средств иной раз достаточно просто воспользоваться статьей 451 ГК РФ и разорвать, наконец, контракт.

Бесспорно, кластерные формирования остро реагируют на изменение квалификации правоотношений, когда нормы о договоре, который

утверждал бы пределы совместной деятельности, сформулированы много шире, чем можно предусмотреть. Вместе с тем контракт о распределении полномочий настолько органично имплементирован в систему правового регулирования, что составляет основу сразу двух договоров. Один из них регламентирует привлечение инноваций, тогда как другой содержит уже непосредственно порядок включения нового субъекта в число участников кластерной структуры, с начислением доли стоимости в чистых активах.

Наиболее реалистичными оказываются всё же требования к взаимосвязанным договорам. Неотделимы от них сервисные риски, риски контрактного взаимодействия по замещающим сделкам, когда становится крайне трудным делом разъяснить, значение какого из двух обязательств, основного или только из первого договора, состоятельно едва ли. Соотношение акцессорного договора, а также контракта, устанавливающего обеспечение, видится столь же сомнительным.

Предвидима в этом ключе смена конкурентных приоритетов. Она варьируется от общенациональной правовой среды как сложноорганизованной социальной системы в соответствии с закрепляемыми контрактными условиями и до заключения договоров, которые конструируют инвестиционный микроклимат бизнеса. Создаваемые модели правового регулирования всецело определяются компетенцией правопорядка либо государства происхождения выплат, либо принимающей их страны.

Этапы существования кластерной структуры действительно разнородны. Так, можно допустить учреждение производственных агломераций, где при выборе поставщика известный акцент придается импортозамещению. Экспорто-ориентированные структуры отвечают и наименованию, и требованиям производственных экосистем. Они представляют собой объединение компаний разных профильных направлений, постулированной непрерывности высокотехнологических разработок. При этом, подчеркивается в Федеральном законе «О соглашениях о разделе продукции» (последние изменения датированы 8 декабря 2020 г., установлены Федеральным законом № 429-ФЗ), максимизация полученной прибыли признается настолько справедливой, насколько она

³ Купцова Ю. И., Стрельникова И. А. Особенности и основания изменения и расторжения гражданско-правового договора // Вестник экономической безопасности. 2020. № 6. С. 88–92.

могла бы послужить основанием для отсрочки выплат по сделке.

По мнению Л. А. Гамидуллаевой, Е. П. Страхова и Т. А. Ржевской, складывается детерминант горизонтального и вертикального администрирования реализуемого актива в структуре государственно-частных партнерских отношений⁴. Их публикация, отмечает Е. В. Новикова, выявляет новые грани и смыслы того благоприятного правового режима, который отвечал бы за высокую правовую защищенность, ликвидность частных инвестиций на фоне проектов «зеленой экономики», вытекающих из них гарантийных, а также финансовых обязательств⁵.

Данные заключения, резюмируем, апеллируют к позиции исследователя М. Энрайта о зависимости кластерного развития от конкурентоспособности «якорной» предпринимательской структуры или нескольких компаний — лидеров по приросту добавленной стоимости⁶.

Однако понеси тот или иной из данных резидентов кластерного объединения расходы по сделке с ввозимыми товарами, разграничение их на постоянные и переменные будет затруднено. Сложно тогда определить полную себестоимость единиц реализуемой в конечном счете продукции. Возникает насущная потребность начисления условно постоянных затрат. Их финансирование располагает классическими ресурсами устойчивого развития, такими как коэффициенты дисконтирования, корректировка процентов с очевидной поправкой на индекс потребительских цен.

Между тем инвестирование (организационные договоры в сфере государственного и частного партнерства, соответственно, заключены) опирается уже на критерий выявленных сравнительных преимуществ (RCA Balassa). Моделирование безубыточности, исходя из пределов распространения страховых, нефинансовых расходов, вынуждено поэтому корреспондировать к коэффициенту, чаще называемому как

Open forest. Он даже более полезен по сравнению с формулой диверсификации экспорта, особенно если логичным этапом эволюции бизнеса станет появление специализированной торговой системы, где позволительно будет обмениваться любыми из доступных коммерческих продуктов. Однако платежные транзакции все равно подвергаются риску различий в расстояниях, на которые транспортируются ввозимые и идентичные им товары.

Как допускают Д. А. Кошечев и Е. А. Третьякова, риски диспропорции территориальных кластерных структур едва ли следствие полумера при исполнении обязательств по приобретению и поставке. В какой-то степени это уже выборка, системное разобщение на кластерные группы, где пространственный кластер определенно стоит особняком⁷.

Промышленный кластер обоснованно преподносится в качестве антипода сугубой территориальности, несомненно присущей кластерным структурам. Трудно тем не менее удержаться от констатации факта приобретения субъективных имущественных прав, характеризующих кластерную структуризацию несколько иначе — волевыми действиями эмитсаров владельческих полномочий. При этом малоценно, являются ли данные субъекты участниками кластера, либо господство над вещью порождено близкой им юридической системой. Лишним доводом в пользу более глубокого (и одним этим отличного от первичных вариантов) понимания спектра проблем является нормативность сделки. Она априори состоятельна. Свидетельством тому служат аргументированные предложения об атрибутах право- и дееспособности конечного выгодоприобретателя, субъекта владельческой защиты, когда он заключает с управляющей в кластерном объединении компанией контракт жизненного цикла.

Вместе с тем анализ категории исполненности договора отталкивается и от раскрытия существа юридических обязанностей. В этом

⁴ Гамидуллаева Л. А., Страхов Е. П., Ржевская Т. А. Систематизация факторов кластеризации хозяйствующих субъектов с позиции жизненного цикла кластера // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2022. № 4. С. 531.

⁵ Новикова Е. В. Концептуальные основы правового регулирования «зеленой» экономики в России // Экологическое право. 2020. № 5.

⁶ Enright M. J. Regional Clusters: What We Know and What We Should Know // Innovation Clusters and Interregional Competition, Advances in spatial science / J. Bröcker, D. Dohse, R. Soltwedel (eds). Berlin, 2003. P. 99–129. URL: http://www.dx.doi.org/10.1007/9783540247609_6 (дата обращения: 18.05.2023).

⁷ Кошечев Д. А., Третьякова Е. А. Феномен индустриального кластера: системноагломерационный подход // Журнал экономической теории. 2020. № 2. Т. 17. С. 451–465.

аспекте формулируется общий вывод: ее можно квалифицировать достаточно широко сквозь призму специфики финансирования по концессионному соглашению. Платежный механизм здесь многовариантен. Его имеет смысл рассматривать и содержательно, и в качестве инструментального компонента института инноваций, и на стадии инвестирования кластера.

В этом случае заявленная модель определения первоначальной стоимости носит классический для частного партнерства характер, поскольку начинает действовать буквально сразу, с момента распределения активов по их видам. Здесь стоит упомянуть о денежных потоках от операционной деятельности — в форме или прямых, или скрытых платежей. Также совершаются и периодические платежи, но на этот раз от партнера публичного. При обсуждении данного квалифицирующего признака Н. А. Журавлева и Т. Кльештик отстаивают идею о внесении изменений в расчетную схему контракта жизненного цикла. Предлагается заключение хеджирующих сделок, договоров фондирования, где бы предусматривался так называемый прямой тариф (direct tolls) вместо завуалированных выплат (shadow tolls)⁸.

Вывод об операционных доходах, которые претендуют на то, чтобы выступить альтернативой бюджетным субсидиям, привлечь капитальные затраты, повысить тем самым инвестиционную привлекательность инфраструктурных проектов, звучит тем не менее слишком банально.

Заключение о видимом изменении структуры капитала с учетом достаточности собственных активов представляется столь же нелишним. Соотношение ликвидности и платежеспособности отнюдь не сплав разноотраслевых правовых норм, как можно подумать, а по большей части ключ к управлению операционными рисками. Критическая их масса выливается в проблему нестабильности внешней среды, осложненной отсутствием межотраслевой регламентации. Возрастают отсюда запросы на преодоление эффекта отрицательного синергизма. Откликом им становится та простота, с какой осуществляется управленческое взаимодействие, хотя, уточним, тех участников кластера, для кого конкуренция превращается в еще один способ извлечения предпочтений.

В этом плане инфраструктурное обеспечение субъектов кластера имеет отправной точкой создание управляющей компании. Но все-таки вопрос об архитектонике кластерной организации продолжает оставаться открытым. Те же, предположим, территориальные ее параметры можно, наверное, отнести к разряду неявного (отложенного) обогащения. По уровню понесенных расходов основное обязательство в рамках данной подгруппы оказывается весьма обременительным. Напротив, размер требований совпадает с теми, что будут обусловлены качественными особенностями изготавливаемых товаров, непосредственно самой постановкой инновационной задачи, реализацией ее выполнения в установленные контрактом сроки.

Пространственные границы кластера, скорее всего, очерчиваются в ходе произведенного участниками рынка функционального анализа потребительских отношений, когда правом владения наделяется заказчик услуг. Во всяком случае, общие правила Федерального закона «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (последние изменения, а также дополнения были внесены 29 декабря 2022 г. Федеральным законом № 604-ФЗ) позволяют высказать такое предположение.

Более того, статья 612 ГК РФ диктует вывод о необходимости отнесении арендаторов к числу правообладателей, хотя они и пользуются абсолютно чужим имуществом. Тем не менее правомочия пользования на материальную вещь, соответственно, побуждают принять решения относительно юридической ее участи.

Одновременно кластерные формы уподобляются поворотным точкам освоения определенного географического региона, который по уровню валового удельного продукта обладает немалой ценностью для сырьедобывающего комплекса, сбытовых компаний, наконец, ассоциированных с ними коммерческих организаций.

Государство никогда не потеряет интереса к промышленным кластерам, административное усмотрение тогда определяет границы действия права всего социума, включая многообразие сфер предпринимательской деятельности.

⁸ Журавлева Н. А., Кльештик Т. Проблемы финансирования проектов развития транспортной инфраструктуры и основные инвестиционные тренды 2020 года // Инновационные транспортные системы и технологии. 2020. № 1. Т. 6. С. 129–141.

Автономии воли сторон при этом, как представляется, оказывается недостаточно. Видимо, поэтому действия конкретных бенефициаров признаются осуществляющими свое право, если они предельно прозрачны и следуют конкретным нормам закона.

Взаимообусловленность данной кластерной структуры опирается прежде всего на внутрифирменную институционализацию, формирование дополнительных управленческих компетенций.

Соответствующая им правовая материя отличается известной сложностью, поскольку туда вносятся как постулаты традиционного цивилистического подхода, так и элементы теории транзакционных издержек Нобелевского лауреата Р. Коуза (Ronald Harry Coase)⁹.

Обратим тогда внимание на обязательность существования системы межуровневых связей, соотносимых с теми, что характерны для отраслевого нормообразования в целом. Компания — лицо права, она входит в сообщество контрагентов, следуя принципу вытянутой руки. О целесообразности правоприменителей действовать в пользу определяющего здесь качества собственно нормативности совершенно справедливо размышляют исследователь Д. Медикус, а также его коллега¹⁰.

С точки зрения Х. Й. Вилинга, данная концепция (универсальности, объективного характера правопонимания) не противоречит позитивистской теории правомочий. Речь идет о фактической презумпции воли контрагента, изъявляющего намерение по сделке. Толкование коммерческого контракта указывает тогда на истинность этого договора, тождество его содержания предмету, эмпирическую разумность рисков, их перспективы, наступающие для субъекта правоотношений¹¹.

Промышленный кластер в данном ключе воспринимается несколько механистически: он представляет собой сферу объединения предпринимательских корпораций. Постоянное переплетение национальных и международных

активов становится своего рода ударной силой освоения иностранных товарных, инвестиционных рынков, слияния корпоративных финансов на микроуровне бизнес-проектов.

Этим промышленная кластерная организация, очевидно, отличается от традиционных картелей: они чаще всего идентифицируются таким образом, чтобы могло состояться отчуждение строго определенных, вместе с тем и коммерчески востребованных продуктов. Экономическая их эффективность, то, благодаря чему они называются успешными, продвигаемыми проектами, опосредуется различными маркетинговыми предложениями, будь то заявки на поставку или договоры об организации производства.

Такие контракты укореняют исполнение обязательств, отвечающее специальному нормативно-правовому регулированию, режиму как юридической канве инфраструктурного проекта. Однако на стадии, пока цепочки поставок номенклатурных товаров еще только формируются, потребности в административном велении, надо признаться, малы. Влияние представительско-обязывающих требований (позитивных либо ограничительных) ощутимо возрастает на стадии высвобождения краткосрочной ликвидности. Частноправовой юридический инструментарий начинает замещать собой комплексные, межотраслевые законы, акты публикации.

Едва ли поэтому тезис об институциональном характере договорного управления вправе удостоиться иного эпитета, кроме как насущный. Тогда, благодаря контрактным условиям, удастся выстроить, наконец, шкалу коммерческих ценностей. Ее авторство принадлежит исследователям К. Прахаладу и В. Рамасвами, которые стремились найти точки соприкосновения двух бизнес-моделей: основной, для внутрифирменных институтов, а также дифференцированной, в зависимости от ожиданий ключевых потребителей оказания услуг, предложенной ценности денежного потока, гарантированной его рыночной стоимости¹².

⁹ Coase R. H. The Nature of the Firm // *Economica*. 1937. Vol. 4. P. 386–405.

См. также: Coase R. H. The Problem of Social Cost // *Journal of Law and Economics*. 1960. Vol. 3. P. 144 ; Breit W., Hochman H. M., Rinehart H. Also in *Readings in Microeconomics*. New York, 1968 ; Coase R. H. The Institutional Structure of Production, Lecture to the memory of Alfred Nobel, Nobel Prizes. December 9, 1991.

¹⁰ *Medicus D., Petersen J. Allgemeiner Teil*. 11. Aufl. Heidelberg, 2016. Rn. 323. S. 139.

¹¹ Вилинг Х. Й. Venire contra factum proprium и проступок в отношении самого себя // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2020. № 5.

¹² Прахалад К. К., Рамасвами В. Будущее конкуренции. Создание уникальной ценности вместе с потребителями : пер. с англ. М. : Олимпбизнес, 2006. С. 259.

Очевидно, что подразумеваются разные воплощения интеграции хозяйствующих субъектов, готовые заявить о себе. Так называемые «центр прибыли» и, соответственно, «центр сосредоточения убытков» объективно выстраивают условия исполнения обязательств по уплате обеспечительных платежей, в том числе и за пределами территориальной юрисдикции.

Подводя в связи с этим итог анализу ликвидности краткосрочных вложений, так называемых неденежных средств, отчуждаемых, чтобы можно было воспользоваться нормами ст. 381.2 ГК РФ, выкупить основные активы, мы убеждаемся в следующем. Безусловно, в кластере обращаются и неликвидные ценности. Они включаются в состав оборотных активов. Отсюда, чем быстрее удастся погасить дебиторскую задолженность, тем больше шансов обратить данный актив всё же в разряд ликвидных, получить за него полную стоимость. Вместе с тем возмещение производится сразу после того, как будут потрачены именно оборотные активы. Любые внереализационные расходы много проще перераспределить между, условно говоря, незавершенным производством и затратами будущих периодов.

Собственно, кластерные активы многообразием вариантов, хозяйственных ситуаций расходования не отличаются. Они могут принадлежать непосредственно кластерной структуре на правах собственности, хотя бывают и заемными, привлеченными в качестве коммерческих кредитов. Согласно постановлению Правительства РФ № 549 «О государственных гарантиях Российской Федерации по кредитам или облигационным займам, привлекаемым юридическими лицами на цели, установленные Правительством Российской Федерации в рамках мер, направленных на решение неотложных задач по обеспечению устойчивости экономического развития» (в редакции от 22.04.2023) важнейшим инструментом погашения расходов продолжает оставаться выделяемая субсидия. Но все-таки открытие дотаций, перечисление субвенций видятся куда более эффективными. основополагающая их цель, как сформулировано в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года (последние изменения, а также дополнения внесены распоряжением Правительства РФ от 30.09.2022 № 2877р), состоит в выравнивании

бюджетной обеспеченности трансфертов как прерогативы к созданию инновационного кластера.

Очевидно, что в авангарде формирования данных коммерческих партнерств — яркие, устойчивые инвестиционные проекты: от крупных электросетевых программ и до цепочек создания стоимости. Компании активно пользуются рейтингом ESG, а сегодня от частоты измерений индекса WIGESG зависит, сколь быстрым (из реально прогнозируемых) станет снижение ставок операционных расходов. Как следствие, начнется ускоренным темпом удешевление кредитов.

Между тем, убеждены М. С. Шальнева и В. С. Шкляева, прогрессивные методы управления бизнесом реализуются лишь в среднесрочной перспективе. Минимизация рисков, напротив, опосредуется максимально возможной прибылью. Учитывая, насколько текущий уровень сметных цен подвержен тому же санкционному фактору, найти долгосрочного инвестора зачастую очень непросто¹³.

Очень важно тогда обозначить приоритетный вектор территориальной локализации правоотношений, где содержатся кратчайшие пути к монетизации рыночных, нерыночных проявлений эффективной стратегии кластерного развития. Заметим, что согласно Федеральному закону «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями от 18.03.2023) кластер считается таковым, если он на самом деле аккумулирует вокруг себя некие пространственные пределы.

Напротив, в соответствии с Федеральным законом «О промышленной политике Российской Федерации» (в редакции от 05.12.2022) одно только сосредоточение бизнес-возможностей сложно назвать тем ключевым критерием, где будут перечислены все свойства промышленного кластера. На первый план выносятся несколько иные категории, такие как функциональность его объектов, их обеспеченность технологиями производства товаров — родовых и видовых.

Сущностное наполнение правового поля тут взято из хорошо известного нам разряда эффективности, позволяет поэтому артикулировать к целому ряду позиций. Выделим особо кластерно-сетевую концепцию. Исходя из нее, альянс компаний только в том случае станет структурообразующим звеном рыночного пространства,

¹³ Шальнева М. С., Шкляева В. С. Индекс WIGESG как инструмент оценки инвестиционной привлекательности корпораций // Финансы. 2022. № 12.

если ему суждено будет заменить собой все многообразие межотраслевых связей. Фактически прослеживается разграничение квалификации заключаемых договоров в зависимости от того, относятся ли они сугубо к группе предпринимательских (*business-to-business*), но также и к разряду потребительских (*business-to-consumer*), или характеризуются в качестве бытовых (*consumer-to-consumer*).

Стоит подчеркнуть, что это достаточно удобное решение, пусть оно и исключает классическое обращение к дуализму частного права. Тем не менее нечто весьма похожее мы наблюдаем в прочтении соответствующих положений ГК Чехии 2012 г. Однако там едва ли раскрывается обширный потенциал непосредственно самой кластерной производственной агломерации, территориальные охваты которой в равной мере распространяются на сетевые экосистемы, свойственные им многочисленным инновации, наконец, высказанные теми же коммерсантами кластерные инициативы. В последнем случае можно допустить постулирование юридической коллаборации (*vinculum juris*), опосредующей правовое регулирование всего массива договорных обязательств. Он наделяется новыми свойствами, вплоть до способности трансформировать субъектный состав.

Бесспорно, предпринятая тогда последовательность действий представляется условной. Вместе с тем переход от одной инновации к другой заставляет задуматься над унификацией правоприменительной практики в аспекте создания новых перспективных звеньев конструируемой сети за счет присоединения к ней профильно родственных фирм. Такие компании обладают способностью повысить потребительские свойства выпускаемой продукции, в том числе и отдаляя от себя звенья технологической цепи, утратившие производительность, результативность. Но получается, что коммуникация — такая же единица построения кластерной системы, как и договор, который по большей части обеспечивает связь между многообразными ее компонентами. В этой связи готова напомнить о себе давняя, но явно не позабытая концепция Т. Лумана о приобретающей юридическое значение социальной общности, закономерности, сходной определенным образом с аффилированностью¹⁴.

В данных доктринальных выкладках, строго говоря, и заложена проблематика гомогенности при установлении общей экономической цели заключаемого контракта. Так, например, в Гражданском и торговом кодексе Аргентины (2014 г.) обязательственное правоотношение настолько едино, насколько оно позволяет эффектам одного договора распространяться на другой. Между тем, согласно Германскому гражданскому уложению второй из контрактов считается в той или иной степени производным от первого лишь для того, чтобы не дать контрагенту права прервать встречное исполнение — воспользоваться привилегией одностороннего отказа.

Напротив, в соответствии со ст. 1102 Французского ГК прекращение договора реально, но осуществляется лишь в отношении контракта розничной купли-продажи, и то если предварительно право отказаться от его исполнения сформулировал потребитель услуг. Обобщая, заметим, что логика здесь проста. Сложная структура договорных связей буквально пронизывает кластерные системы, придает им такие свойства, как универсальность, целенаправленность и непрерывность. Взаимосвязанность одной группы договоров прежде всего является отличительным ее признаком, а во-вторых, она приобретает юридическое значение, как только контрактные условия упрочат собой процедуру создания корпораций, иных кластерных единиц.

Для Российской Федерации данные кластерные проекты постепенно становятся одной из самых злободневных тем в сфере действия договоров, распространения их силы на однотипные контракты, а также применения права непосредственно самого договора. Любой из сравнительно-правовых анализов здесь пока малоутешителен: в контексте глобальной кластеризации (индекс GII) Россия находится на 47-й строчке. Показатели кластерного развития, концентрации кластеров и их интегральной оценки столь же низкие: 95-е место в мировом рейтинге, номинал не превышает 0,3 и 3,4 по 7-балльной шкале¹⁵.

В этой связи от типового состава кластера, строго говоря — ядра, стремятся сразу перейти к его содержанию, где заключены основные движущие силы кластера — конкуренция

¹⁴ Luhmann N. Social systems. Stanford University Press, 1995. P. 39.

¹⁵ Официальный сайт Европейской платформы по кластерному сотрудничеству. URL: <https://www.clustercollaboration.eu/> (дата обращения: 27.05.2023).

между компаниями одного звена цепочки ценности, а также кооперация между компаниями смежных звеньев все той же цепочки ценности. Подобным образом определяется общность участников кластера по виду деятельности. Такой его элемент, как оптимизация расходов, больше ориентирован на разные грани развития бизнес-групп, доли вертикально, а также горизонтально интегрированных хозяйствующих субъектов. Оттого он и является, наверное, самым подвижным сегментом кластерной схемы.

Едва ли поэтому имеет значение, какие из взыскиваемых затрат были понесены специально для привлечения конечного потребителя. Неопределенность здесь чувствуется особенно остро, хотя бы потому, что пороговые значения понесенных издержек такими конкурентными преимуществами, как самодостаточность, а следовательно, и устойчивость к внешним критериям корпоративного контроля, располагают слабо.

Тогда как утрата конкурентоспособности остается «внутри» кластерной структуры, но она много опаснее, поскольку убеждает в размывании имеджевой индивидуальности компании. Скажем, нефтегазовый комплекс существует, но финансовые риски приобретают характер настолько внутриотраслевой, что ощущаются как самой доминантой данного кластера, так и на периферии вовлеченными в его орбиту компаниями.

Тем не менее энергетика, переработка углеводородов, промышленная химия, мелаллопрокат, IT — всё это благодатная почва для учреждения кластеров. Пошаговые их стратегии опосредуются «дорожными картами» развития, предсказуемостью рынков сбыта, за счет которых можно добиться значительного упрощения порядка фискального учета трансграничных коммерческих договоров.

В данной прагматике, где правоприменение служит гарантией не столько развитию норм, сколько их смешению, тщетно искать даже подобия системности. Стоит всё же предположить, что договоры о возмещении расходов сверх цены основного контракта будут при любых обстоятельствах заключаться. Равно как и договор на участие в долевым строительстве, одним из пунктов которого предусматривается возврат стоимости, прежде уплаченной контрагентом. Лизинговые договоры, а там особо оговаривается получение субсидии (в соответствии с постановлением Правительства РФ

от 08.05.2020 № 649 (последние изменения, а также дополнения внесены 20 декабря 2022 г.)), ни на йоту не утратили актуальности для кластерных институций. То же самое мы скажем и о кредитных, а также залоговых контрактах, договорах об оказании инжиниринговых услуг.

В связи с этим оправданна необходимость концептуального изменения подходов к системному толкованию контрактов, направленных на удовлетворение публичных интересов: от формирования особого состава поставочных отношений и до описания объекта закупки, приобретения. Определенные ожидания тогда связаны с промышленным кластером так называемого циркулярного типа. Видимо, он более удобен для компаний сырьевого комплекса. Им свойственно буквально манипулирование различными форматами создания стоимости. Отсюда, заметим, и наблюдается многообразие ЕРСМ-контрактов на стадии обогащения, пока не будет получена готовая продукция.

Отметим, что такие договоры явно коррелируют с соглашениями группы ГЧП (государственно-частное партнерство), для чего дополнительно обращаются к условиям того же инжиниринга, проектирования, наконец строительства, куда, скорее всего, и вносятся рекомендации о порядке управления долгосрочными проектами. В итоге нейтрализуются риски неисполнения контрактов. Исполнитель вправе, конечно, воспользоваться услугами третьих лиц, однако для публичного партнера он все равно продолжает оставаться единственным контрагентом.

Специализированные организации занимают одно из весомых мест во внутренней структуре данного кластера. В то же время согласно постановлению Правительства РФ № 779 (редакция от 22.12.2022) их деятельность отчасти ограничена оказанием консультационных, а также организационных услуг. Трудно, однако, избавиться от мысли, что ключевые лимиты — стоимостные пределы — залегают всё же несколько в иной плоскости. Она обусловлена либо порядком выработки конечного продукта, либо успевшей к тому времени сформироваться территориальной системой распределения ресурсов. Поэтому, размышляют В. В. Коокуева и Ю. С. Церцейл, географической принадлежности кластера суждено прозвучать гораздо более органично как констатации неразрывности самой идеи

инновационного развития и экономических циклов ее воплощения¹⁶.

По мнению тех же исследователей, с которыми следует согласиться, здесь предстоит найти оптимальное сочетание методов публичного управления и так называемых дирижистских подходов, когда от кластерных образований ожидают откровенного протекционизма, вплоть до удержания ареала активности (технологического развития). В установленных границах сохраняется относительная устойчивость монетарной сферы, она и подтягивает все остальные отрасли до установленного ей уровня¹⁷.

Арктическое пространство (попробуем подвести под полученными результатами черту) как раз и составляет те пределы, где вопрос об осуществлении торгово-экономического сотрудничества моментально становится весомым. Он подкрепляется соизмеримыми параметрами, количественными требованиями, основным из них является априори протяженность границ, сухопутных маршрутов, судоходных дистанций. Вторую строчку занимают объемы добываемых ресурсов. Сегодня Арктическая зона Российской Федерации — это приоритетная геостратегическая территория, развитие которой тем не менее отягощено беспрецедентным санкционным давлением, растущей нестабильностью социально-экономических условий.

Видимо, оттого мы и указываем на арктические контексты того же устойчивого развития, при том далеко не в краткосрочной, а главным образом длительной перспективе. Однако, следует тогда вывод, перечень экономических выгод, возникающих вследствие существования кластеров, представляется почему-либо обобщенным. Так, надстройка и модификация любого из действующих правовых режимов формально не противоречит той экономике «замкнутого цикла», в пользу которой высказываются разработчики Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года. Отметим, что данная парадигма была утверждена три года назад, Указом Президента РФ от 26.10.2020 № 645 (последние дополнения внесены 12 ноября 2021 г.).

В то же время освоение арктического ресурсного потенциала (за счет кластерной презумпции) не всегда учитывает управленческий ресурс, казалось бы сулящий немалые перспективы. Шатки в этой связи позиции эконометрического прогнозирования применительно к такому наиважнейшему фактору, как спрос, волатильность цен на углеводородное сырье. Эволюционные переходы от одной модели устойчивого развития к другой слишком многовариантны, избилуют альтернативными подходами, при этом каждый из них суть *est in caput anguli* (лат. — основа основ) алгоритмизации регулирования. Но регламентация зачастую ординарна — отправным ее моментом является признание того или иного лица резидентом территориального кластера, что априори гарантирует продуцирование инвестиций. Между тем компании-первопроходцы (а в рассматриваемой сфере их немного, назовем, пожалуй, «Норд Стар», «ВаллаТунтури», «Флогопит», «Термистофф», «Помор Шиппинг») заинтересованы не в одном только привлечении капиталов.

Главное для них залегает гораздо глубже: поступление активов производится по стоимости пространственно-отраслевой кластерной модели, но без пресловутой диффузии контроля над компанией, когда само распределение инвестиций равносильно распространению преимущественного права на акции. Взаимодействие правовых институтов ощущается, сразу отметим, довольно прочно — кумуляция инвестированного капитала располагает к появлению инновационных экосистем. Претворяется в жизнь концепция так называемой тройной спирали (Triple helix). Данный принцип призван упростить создание имущественных комплексов, не лишенных отраслевой специфики, к слову, вполне достаточной, чтобы они могли стать подлинными драйверами экономического роста территории размещения.

Учреждение промышленного кластера, наряду с этим, рассчитано на производство импортозамещающей продукции. Однако затраты возмещаются далеко не полностью. Отсюда видимая с ними связь кластерной модели CSC (Cluster Supply Chain), что отнюдь не снимает с

¹⁶ Коокуева В. В., Церцеил Ю. С. Формирование инновационных территориальных кластеров в России // Креативная экономика. 2019. Т. 13. № 5. С. 957–970.

¹⁷ Коокуева В. В., Церцеил Ю. С. Обзор зарубежного опыта реализации кластерной политики в развитии территорий // Российское предпринимательство. 2019. Т. 20. № 1. С. 401–414.

повестки совершенствования законодательства целый ряд значимых вопросов. Сохраняется, в частности, проблема нейтрализации на среднесрочном горизонте рисков торгового инвестирования. Измерения здесь проводятся явно в условиях идеализации норм, потому и приводят либо к отклонениям по стоимости, либо к превышению величины сверхнормативных расходов. Нормирование затрат тоже, признаем, производится не без изъянов: по популярной для кластерного подхода системе *standard-cost*. Соответственно, в статьях расходов бюджетных, внебюджетных фондов Арктической зоны главенствуют одни только основные виды добываемого сырья, материалов, а также энерго-ресурсов.

С другой стороны, альтернатив здесь не так уж и много, всё чаще пользуются методикой директ-кост. Возможно, она даже более удобна, во всяком случае, позволяет принимать своевременные управленческие решения, в том числе и по обеспечению контроля рентабельности арктических инфраструктурных проектов. Складывается благоприятная правовая почва

для последующего проектирования целеполагающей деятельности: от простого планирования к стратегии управления как таковой.

Сегодняшние санкции стали мощнейшим стимулом развития арктических кластерных проектов. Назовем здесь горнорудные кластерные формы, шельфовые, нефтегазовые, укажем на реализацию механизма государственно-частного партнерства при осуществлении арктических инфраструктурных инициатив (Северный широтный ход, Северный морской путь). Своего рода «арктический раздел» в аспекте противостояния санкционному воздействию предполагает упрочение взаимосвязи собственно энергетического суверенитета и в целом экономического развития, что позволяет сделать ставку на прибыльные технологии разведки, разработки и транспортировки минерального сырья.

Вместе с тем заяви о себе инновации кластерного подхода, они едва ли утратят привлекательность «перекрестного», межотраслевого анализа проблем правоприменительной практики, развития инфраструктуры связи и экологически чистой энергетики Арктического региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вилинг Х. Й.* Venire contra factum proprium и проступок в отношении самого себя // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 5.
- Гамидуллаева Л. А., Страхов Е. П., Ржевская Т. А.* Систематизация факторов кластеризации хозяйствующих субъектов с позиции жизненного цикла кластера // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2022. № 4.
- Журавлева Н. А., Кльештик Т.* Проблемы финансирования проектов развития транспортной инфраструктуры и основные инвестиционные тренды 2020 года // Инновационные транспортные системы и технологии. 2020. № 1. Т. 6. С. 129–141.
- Коокуева В. В., Церцейл Ю. С.* Формирование инновационных территориальных кластеров в России // Креативная экономика. 2019. Т. 5. № 5. С. 957–970.
- Коокуева В. В., Церцейл Ю. С.* Обзор зарубежного опыта реализации кластерной политики в развитии территорий // Российское предпринимательство. 2019. Т. 20. № 1. С. 401–414.
- Кощеев Д. А., Третьякова Е. А.* Феномен индустриального кластера: системно-агломерационный подход // Журнал экономической теории. 2020. Т. 17. № 2. С. 451–465.
- Купцова Ю. И., Стрельникова И. А.* Особенности и основания изменения и расторжения гражданско-правового договора // Вестник экономической безопасности. 2020. № 6. С. 88–92.
- Новикова Е. В.* Концептуальные основы правового регулирования «зеленой» экономики в России // Экологическое право. 2020. № 5.
- Прахалад К. К., Рамасвами В.* Будущее конкуренции. Создание уникальной ценности вместе с потребителями : пер. с англ. М. : Олимпбизнес, 2006.
- Шальнева М. С., Шкляева В. С.* Индекс WIGESG как инструмент оценки инвестиционной привлекательности корпораций // Финансы. 2022. № 12.
- Breit W., Hochman H. M., Rinehart H.* Also in Readings in Microeconomics. New York, 1968.
- Coase R. H.* The Institutional Structure of Production, Lecture to the memory of Alfred Nobel, Nobel Prizes. December 9, 1991.
- Coase R. H.* The Nature of the Firm // *Economica*. 1937. Vol. 4. P. 386–405.

- Coase R. H. The Problem of Social Cost // Journal of Law and Economics. 1960. Vol. 3.
- Enright M. J. Regional Clusters: What We Know and What We Should Know // Innovation Clusters and Interregional Competition, Advances in spatial science / J. Bröcker, D. Dohse, R. Soltwedel (eds). Berlin, 2003. P. 99–129. URL: http://www.doi.org/10.1007/9783540247609_6.
- Luhmann N. Social systems. Stanford University Press, 1995.
- Medicus D., Petersen J. Allgemeiner Teil. 11. Aufl. Heidelberg 2016. Rn. 323.

REFERENCES

- Breit W, Hochman HM, Rinehart H. Also in Readings in Microeconomics. New York; 1968.
- Coase RH. The Institutional Structure of Production, Lecture to the memory of Alfred Nobel, Nobel Prizes. December 9, 1991.
- Coase RH. The Nature of the Firm. *Economica*. 1937;4:386-405.
- Coase RH. The Problem of Social Cost. *Journal of Law and Economics*. 1960;3.
- Enright MJ. Regional Clusters: What We Know and What We Should Know. In: Bröcker J, Dohse D, Soltwedel R, editors. *Innovation Clusters and Interregional Competition, Advances in spatial science*. Berlin; 2003. Pp. 99–129. Available from: http://www.doi.org/10.1007/9783540247609_6.
- Gamidullayeva LA, Strakhov EP, Rzhetskaya TA. Systematization of clustering factors of economic entities from the perspective of the cluster life cycle. *Modeli, sistemy, seti v ekonomike, tekhnike, prirode i obshchestve*. 2022;4. (In Russ.).
- Kookueva VV, Tsertseil YuS. Formation of innovative territorial clusters in Russia. *Kreativnaya ekonomika*. 2019;5(5):957-970. (In Russ.).
- Kookueva VV, Tsertseil YuS. Review of foreign experience in implementing cluster policy in the development of territories. *Rossiyskoe predprinimatelstvo*. 2019;20(1):401-414. (In Russ.).
- Kosheev DA, Tretyakova EA. The phenomenon of an industrial cluster: A system-agglomeration approach. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii*. 2020;17(2):451-465. (In Russ.).
- Kuptsova Yul, Strelnikova IA. Features and grounds for changing and terminating a civil law contract. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*. 2020;6:88-92. (In Russ.).
- Luhmann N. Social systems. Oxford University press; 1995.
- Medicus D, Petersen J. Allgemeiner Teil. 1. Heidelberg; 2016. Rn. 3.
- Novikova EV. Conceptual foundations of legal regulation of the «green» economy in Russia. *Ekologicheskoe pravo [Environmental Law]*. 2020;5. (In Russ.).
- Prahalad KK, Ramaswamy V. The future of competition. Creating a unique value together with consumers. Trans. from English. Moscow: Olimpbiznes Publ.; 2006. (In Russ.).
- Shalнева MS, Shklyayeva VS. The WIGESG index as a tool for assessing the investment attractiveness of corporations. *Finansy*. 2022;12. (In Russ.).
- Wieling HJ. Venire contra factum proprium and self-misconduct. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii*. 2020;5. (In Russ.).
- Zhuravleva NA, Kleshtik T. Problems of financing transport infrastructure development projects and the main investment trends of 2020. *Innovatsionnye transportnye sistemy i tekhnologii*. 2020;1(6):129-141. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Скачков Никита Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
skanic@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikita G. Skachkov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Private International Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9, Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow 125993, Russian Federation
skanic@mail.ru

*Материал поступил в редакцию 9 июня 2023 г.
Статья получена после рецензирования 14 июня 2023 г.
Принята к печати 17 октября 2023 г.*

*Received 09.06.2023.
Revised 14.06.2023.
Accepted 17.10.2023.*

DOI: 10.17803/1729-5920.2023.204.11.117-128

М. В. Некотенева

Д. В. Пономарёва

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

г. Москва, Российская Федерация

Развитие правового регулирования применения мобильных медицинских технологий (mHealth) в праве международных интеграционных объединений: опыт Европейского Союза

Резюме. В статье рассмотрен опыт правового регулирования применения мобильных медицинских технологий (ММТ, mHealth) в крупнейшем региональном интеграционном объединении — Европейском Союзе (ЕС). Отмечается, что цифровое здравоохранение представляет собой многогранное понятие, включающее в себя различные аспекты общественного здравоохранения и окружающую его цифровую среду. Диджитализация здравоохранения охватывает: медицинские процессы, включая программное обеспечение для поддержки работы врачей (в том числе технологии телемедицины), инструменты управления медицинским учреждением, удаленное взаимодействие с пациентами и мониторинг такого взаимодействия; аналитику больших данных для разработки лекарственных препаратов, управления клиническими исследованиями, изучения популяции больных; дополнительные инструменты, ориентированные на пациента и включающие приложения, связанные с определением физического состояния и курса лечения, а также соблюдения режима приема лекарственных препаратов. В статье представлен детальный обзор основных документов ЕС в релевантной сфере, на примере конкретных судебных дел проиллюстрировано влияние судебной практики на развитие регуляторики в области применения мобильных медицинских технологий, а также проанализированы механизмы саморегулирования в рассматриваемой сфере. Подчеркивается, что в то время как саморегулирование со стороны магазина приложений может задать разработчикам приложений для мобильного здравоохранения правильное направление путем преобразования положений Регламента 2016/679 (GDPR) в технические требования предварительного утверждения, соблюдению положений о конфиденциальности способствует повышенная осведомленность как пользователей приложений и разработчиков, так и брокеров медицинских данных о рисках для соблюдения основных прав человека со стороны приложений мобильного здравоохранения. В заключение авторами сформулированы ключевые проблемы и пути совершенствования нормативного регулирования ЕС в области применения мобильных медицинских технологий, рекомендовано использование передового опыта ЕС в развитии нормативного регулирования ММТ в Российской Федерации и интеграционных объединениях с ее участием.

Ключевые слова: мобильные медицинские технологии; электронное здравоохранение; правовое регулирование; международные интеграционные объединения; региональные международные организации; судебная практика; цифровое здравоохранение; цифровые технологии; Европейский Союз (ЕС); региональное регулирование; вторичное право; директива; регламент; источник права; саморегулирование

Для цитирования: Некотенева М. В., Пономарева Д. В. Развитие правового регулирования применения мобильных медицинских технологий (mHealth) в праве международных интеграционных объединений: опыт Европейского Союза. *Lex russica*. 2023. Т. 76. № 11. С. 117–128. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.204.11.117-128

Благодарности. Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

© Некотенева М. В., Пономарёва Д. В., 2023

Development of Legal Regulation of the Use of Mobile Medical Technologies (mHealth) in the Law of International Integration Associations: European Union Experience

Maria V. Nekoteneva

Darya V. Ponomareva

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper examines the experience of legal regulation of the use of mobile medical technologies (MMT, mHealth) in the largest regional integration association — the European Union (EU). It is noted that digital healthcare is a multifaceted concept that includes various aspects of public health and the digital environment surrounding it. Digitalization of healthcare covers medical processes, including software to support the work of doctors (including telemedicine technologies), tools for managing a medical institution, remote interaction with patients and monitoring such interaction; big data analytics for drug development, clinical research management, patient population studies; additional patient-oriented tools and including applications related to the determination of physical condition and the course of treatment, as well as compliance with the medication regimen. The paper provides a detailed overview of the main EU documents in the relevant field, illustrates the impact of judicial practice on the development of regulation in the field of mobile medical technologies, and analyzes the mechanisms of self-regulation in this area using the example of specific court cases. It is emphasized that while self-regulation on the part of the applications store can set developers of mobile healthcare applications in the right direction by converting the provisions of Regulation 2016/679 (GDPR) into technical requirements for preliminary approval, compliance with privacy provisions is facilitated by increased awareness of both application users and developers, as well as brokers of medical data about the risks to the observance of fundamental human rights. from the side of mobile healthcare applications. In conclusion, the authors formulated the key problems and ways to improve EU regulatory framework in the field of mobile medical technologies, recommended the use of EU best practices in the development of MMT regulatory regulation in the Russian Federation and integration associations with its participation.

Keywords: mobile medical technologies; electronic healthcare; legal regulation; international integration associations; regional international organizations; judicial practice; digital healthcare; digital technologies; European Union (EU); regional regulation; secondary law; directive; regulation; source of law; self-regulation

Cite as: Nekoteneva MV, Ponomareva DV. Development of Legal Regulation of the Use of Mobile Medical Technologies (mHealth) in the Law of International Integration Associations: European Union Experience. *Lex russica*. 2023;76(11):117-128. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2023.204.11.117-128

Acknowledgements. The study was carried out within the framework of «Priority-2030» Strategic Academic Leadership Program.

Введение

Цифровое здравоохранение представляет собой многогранное понятие, включающее в себя различные аспекты общественного здравоохранения и окружающую его цифровую среду. Диджитализация здравоохранения охватывает: медицинские процессы, включая программное обеспечение для поддержки работы врачей (в том числе технологии телемедицины), инструменты управления медицинским учреждением, удаленное взаимодействие с пациентами и мониторинг такого взаимодействия; аналитику больших данных

для разработки лекарственных препаратов, управления клиническими исследованиями, изучения популяции больных; дополнительные инструменты, ориентированные на пациента и включающие приложения, связанные с определением физического состояния и курса лечения, а также соблюдения режима приема лекарственных препаратов¹.

К наиболее распространенным цифровым технологиям в сфере здравоохранения можно отнести:

а) 3D-печать, используемую для изготовления индивидуальных медицинских изделий (таких как импланты), а также в качестве пере-

¹ URL: <https://www.simmons-simmons.com/en/publications/ckpzd2qes1c7l0968v55dor5l/digital-health-a-european-legal-framework> (дата обращения: 04.06.2023).

довой технологии — для печати биологического материала;

б) дополненную виртуальную реальность для рекламы, обучения (пациентов и медицинских работников) или терапевтических целей;

в) искусственный интеллект (ИИ). Европейская комиссия определяет его как «программное обеспечение, которое разработано с использованием одного или нескольких методов и подходов <...> и которое может для заданного набора поставленных целей генерировать результаты, такие как содержание, прогнозирование, рекомендации или решения, влияющие на среду, с которой они взаимодействуют»². В настоящее время ИИ используется в медицинских целях для обеспечения проведения интеллектуального анализа данных, в том числе для целей диагностики заболеваний, выявления биомаркеров, определения идеальных препаратов для проведения клинических испытаний;

г) блокчейн, который применяется как технология отслеживания при создании цепочек поставок медицинских продуктов и управления клиническими испытаниями;

д) дроны, являющиеся перспективной технологией для использования при транспортировке лекарственных средств и биологического материала, в том числе органов;

е) интернет вещей (IoT), применяемый для удаленного наблюдения и так называемой удаленной хирургии (речь идет в том числе об использовании медицинских (хирургических) роботов);

ж) программное обеспечение, в частности, мобильные приложения, которые используются для различных целей: самодиагностики, медицинского обучения пациентов (например, для самостоятельного назначения лечения или соблюдения режима лечения), содействия в проведении научных исследований (клинических исследований), помощи медицинским работникам.

В данной статье рассмотрен опыт правового регулирования применения мобильных медицинских технологий (MMT, mHealth) в крупнейшем региональном интеграционном объединении — Европейском Союзе (ЕС).

Источники вторичного права в сфере мобильного медицинского здравоохранения (mHealth)

Применительно к Европейскому Союзу как эффективно функционирующему на европейском пространстве интеграционному объединению сто́ит подчеркнуть, что в его пределах создана единая правовая среда в области цифрового, в том числе мобильного, здравоохранения. Нормативную основу в указанной сфере составляют следующие документы Союза:

а) Регламент Европейского парламента и Совета Европейского Союза 2017/745 от 05.04.2017 о медицинских изделиях, об изменении Директивы 2001/83/ЕС, Регламента (ЕС) 178/2002 и Регламента (ЕС) 1223/2009, а также об отмене Директив 90/385/ЕЭС и 93/42/ЕЭС Совета ЕС;

б) Регламент Европейского парламента и Совета Европейского Союза 2017/746 от 05.04.2017 о медицинских изделиях для диагностики *in vitro*, а также об отмене Директивы 98/79/ЕС и Решения 2010/227/ЕС Европейской Комиссии;

в) Директива Европейского парламента и Совета Европейского Союза 2006/42/ЕС от 17.05.2006 о машинах и механизмах;

г) Регламент Европейского парламента и Совета Европейского Союза 1025/2012 от 25.10.2012 о европейской стандартизации, изменении Директив 89/686/ЕЭС и 93/15/ЕЭС Совета ЕС и Директив 94/9/ЕС, 94/25/ЕС, 95/16/ЕС, 97/23/ЕС, 98/34/ЕС, 2004/22/ЕС, 2007/23/ЕС, 2009/23/ЕС и 2009/105/ЕС Европейского парламента и Совета ЕС и отмене Решения 87/95/ЕЭС Совета ЕС и Решения 1673/2006/ЕС Европейского парламента и Совета ЕС;

д) Директива Совета Европейских Сообществ 2013/59/Евратом от 05.12.2013, устанавливающая базовые стандарты защиты от рисков, возникающих от воздействия ионизирующего излучения, и отменяющая Директивы 89/618/Евратом, 90/641/Евратом, 96/29/Евратом, 97/43/Евратом и 2003/122/Евратом;

е) Директива Европейского парламента и Совета Европейского Союза 2005/36/ЕС от 07.09.2005 о признании профессиональных квалификаций;

ж) Директива Европейского парламента и Совета Европейского Союза 2011/24/ЕС от 09.03.2011 о правах пациентов в трансграничном медицинском обслуживании;

² См.: Предложение Европейской Комиссии о Регламенте об искусственном интеллекте — Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council Laying Down Harmonised Rules on Artificial Intelligence

з) Директива Совета Европейских Сообществ от 25.07.1985 № 85/374/ЕЭС о сближении законов, регламентов и административных положений государств-членов, применяемых к ответственности за неисправную продукцию;

и) Директива 2001/95/ЕС Европейского парламента и Совета от 03.12.2001 об общей безопасности продукции;

к) Директива Европейского парламента и Совета ЕС (ЕС) 2016/1148 от 06.07.2016 о мерах по достижению высокого общего уровня безопасности сетевых и информационных систем Союза;

л) Регламент Европейского парламента и Совета 2019/1020 от 20.06.2019 о надзоре за рынком и соблюдении требований к продуктам и вносящий поправки в Директиву 2004/42/ЕС и Регламенты (ЕС) № 765/2008 и (ЕС) № 305/2011;

м) Регламент Европейского парламента и Совета Европейского Союза 2016/679 от 27.04.2016 о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий Регламент о защите персональных данных — General Data Protection Regulation / GDPR);

н) Директива Европейского парламента и Совета Европейского Союза 96/9/ЕС от 11.03.1996 о правовой охране баз данных;

о) Директива Европейского парламента и Совета Европейского Союза 2016/943 от 08.06.2016 о защите конфиденциальных ноу-хау и деловой информации (коммерческой тайны) от незаконного приобретения, использования и раскрытия;

п) Директива Европейского парламента и Совета Европейского Союза 2019/790 от 17.04.2019 об авторском праве и смежных правах на едином цифровом рынке, а также об изменении Директив 96/9/ЕС и 2001/29/ЕС.

Применение Регламентов 2017/745 и 2017/746 необходимо для квалификации и классификации медицинских технологий, определения того, является ли технология медицинским устройством (в том числе для диагностики *in vitro*). Квалификация технологии как медицинского устройства по нормам права ЕС предполагает нанесение соответствующей маркировки; определяет, каковы обязательства операторов, участвующих в производстве и

распространении указанных устройств, а также каковы направления и способы использования таких технологий. Требования к техническим характеристикам новейших медицинских устройств содержатся в Директиве 2006/42/ЕС, Регламенте 1025/2012, Директиве 2013/59/Евратом. Директивы 2005/36/ЕС и 2011/24/ЕС применяются также в контексте телемедицины, хотя здесь всё же остается достаточно высокой роль национального законодателя.

Что касается вопросов обеспечения контроля ответственности и рисков в рассматриваемой сфере, то здесь сто́ит назвать Директиву 85/374/ЕЭС (предусматривает ответственность за продукты с дефектами), Директиву 2001/95/ЕМ (включает положения об обеспечении общей безопасности продукции), Директиву 2016/1148 (содержит меры по обеспечению высокого общего уровня безопасности сетевых и информационных систем в Союзе), а также Регламент 2019/1020 (положения данного Регламента применяются к медицинским устройствам как *lex generalis*).

Безусловно, важнейшим аспектом цифрового здравоохранения, в том числе применения мобильных медицинских технологий, является защита и обеспечение конфиденциальности персональных данных пациентов (в качестве основного документа применяется Регламент 2016/679 (GDPR)). Ключевое значение также имеют документы, предусматривающие охрану прав интеллектуальной собственности, созданной с использованием указанных данных: Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений 1886 г., Европейская патентная конвенция 1973 г., Директива 96/9/ЕС (посвящена правовой охране баз данных), Директива 2016/943 (регламентирует защиту коммерческой тайны) и Директива 2019/790 (предусматривает защиту авторских и смежных прав в пределах Единого цифрового рынка).

Таким образом, для регулирования деятельности, связанной с цифровым и мобильным здравоохранением, в ЕС сформирована согласованная, хотя и фрагментированная правовая база.

При этом выше перечислены документы, которые содержат общеевропейские правила в отношении цифровых технологий в области здравоохранения. Есть ряд существенных вопросов, которые в нормативном разрезе могут

(Artificial Intelligence Act) and Amending Certain Union Legislative Acts, COM/2021/206 final // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52021PC0206> (дата обращения: 04.06.2023).

быть разрешены только на уровне отдельных государств, поскольку те или иные правила не могут быть гармонизированы в силу различных причин. К таким вопросам относятся: налоговое регулирование (налоговые правила необходимо определить в соответствии с национальным законодательством, например, в случае предоставления медицинских услуг онлайн); возмещение расходов на разработку и внедрение новых медицинских технологий (данный вопрос остается сугубо национальной прерогативой); гражданско-правовая и уголовная ответственность за нарушение требований к качеству продукции.

Помимо развития собственного наднационального регулирования, ЕС активно сотрудничает с ВОЗ, учредив партнерство в области цифрового здравоохранения³. Дополнительным стимулом для развития сотрудничества крупнейшего европейского интеграционного объединения и единственной глобальной международной организации в области здравоохранения послужила пандемия COVID-19, распространение которой побудило государства обеспечить глобальную мобильность и защиту граждан от угроз здоровью. Партнерство ВОЗ-ЕС является инициативным структурным элементом Глобальной сети цифровой сертификации здоровья ВОЗ, которая будет разрабатывать широкий спектр цифровых продуктов для улучшения здоровья населения. Такое сотрудничество основано на общих ценностях и принципах прозрачности, открытости, инклюзивности, подотчетности, защиты данных, конфиденциальности, безопасности, масштабируемости на глобальном уровне.

Сотрудничество ВОЗ и ЕС в области цифрового здравоохранения распространяется и на разработку мобильных медицинских приложений. Всё большее число граждан Евросоюза используют мобильные приложения для самоконтроля здоровья⁴. Обработка больших данных о здоровье человека с помощью программного обеспечения, используемого в приложениях, создает серьезные риски для личной автономии пользователей таких приложений. Эти рис-

ки усугубляются отсутствием на уровне ЕС специального правового регулирования в области мобильного здравоохранения и неприменимостью к указанной области правовой базы ЕС в отношении здоровья и прав пациентов. Хотя Регламент 2016/679 (GDPR) предусматривает прочную нормативную основу для защиты данных о здоровье пациента, на практике многие положения локальных документов, на основании которых разрабатываются и используются приложения mHealth, не соответствуют европейским требованиям.

Ключевые риски связаны с обработкой больших объемов данных о состоянии здоровья и с возможностями передачи данных третьим лицам. Не стоит забывать, что пользователи обладают ограниченной информацией и осуществляют лимитированный контроль над тем, кто имеет доступ к информации об их здоровье⁵. Возникает парадоксальная ситуация: пользователи применяют мобильные приложения, чтобы расширить возможности для улучшения собственного здоровья, при этом контроль за данными о собственном здоровье они не осуществляют⁶.

Указанные риски обостряются в связи с тем, что на уровне ЕС отсутствует эффективное (не фрагментарное) правовое регулирование обозначенной сферы. Правовая база ЕС, представленная выше, не распространяется на пользователей приложений mHealth для самоконтроля здоровья. Когда традиционное нормативное регулирование не приводит к ожидаемому результату, на помощь приходят альтернативные формы и способы регулирования. В целях обеспечения защиты данных о здоровье пациентов в рамках мобильных приложений онлайн-платформы распространения мобильных приложений (магазины приложений) могут применять инструменты саморегулирования. Магазины приложений в ЕС предлагают упорядоченное, иерархическое регулирование применения мобильных медицинских приложений, обеспечивая процедуру их проверки. Магазины требуют от разработчиков приложений соблюдать определенные правила в рамках процесса

³ URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_23_3043 (дата обращения: 04.06.2023).

⁴ *Incisive Health International*, Taking the Pulse of eHealth in the EU: An Analysis of Public Attitudes to eHealth Issues in Austria, Bulgaria, Estonia, France, Germany, Italy, and the UK (2017).

⁵ *Spiller K. et al.* Data Privacy: Users' Thoughts on Quantified Self Personal Data // Self-Tracking: Empirical and Philosophical Investigations / Btihaj Ajana ed. 2018. P. 111–124.

⁶ *Lucivero F., Jongsma K. R.* A Mobile Revolution for Healthcare? Setting the Agenda for Bioethics // *J. Med. Ethics*. 2018. 44. P. 685.

утверждения цифрового продукта, в том числе удаление приложения, если оно не соответствует требованиям. Подобная форма отраслевого саморегулирования позволяет магазинам приложений влиять на разработчиков.

К популярным мобильным приложениям в сфере здравоохранения относятся счетчики калорий, приложения для контроля менструального цикла и беговые трекеры. Такие приложения отслеживают поведение пользователей в течение длительного времени. Приложения mHealth нацелены в первую очередь на помощь в поддержании физической формы и в целом здорового образа жизни, поэтому они аккумулируют большие объемы сведений, связанных со здоровьем, в том числе биометрические данные, информацию о жизненно важных функциях организма и ключевые показатели здоровья. Согласно Регламенту 2016/679 (GDPR) речь идет о «данных о здоровье» в широком смысле. Определение данных о здоровье предполагает, например, и то, что информация об употреблении алкоголя за определенный период также рассматривается как сведения о здоровье, поскольку она связана с рисками возникновения определенных заболеваний. Тем не менее некоторые сведения не являются изначально данными о состоянии здоровья, но могут трансформироваться в таковые при проведении мониторинга в течение длительного времени (например, среднее количество шагов в месяц, измеряемое при помощи приложения-шагомера), также сведения о здоровье могут объединяться с другими данными (в частности, сведениями о ежедневном употреблении калорий, информацией в профиле в социальных сетях)⁷.

Вероятность нарушения прав пользователей мобильных медицинских приложений, в частности конфиденциальности информации, весьма высока. Неправильное использование данных о здоровье может привести к необратимым последствиям для субъектов данных и общественной среды. Очевидно, что такие данные представляют собой ценный товар, и компании, вовлеченные в работу с big data, проявляют к ним повышенный интерес вследствие дорогостоящего процесса их сбора⁸. Мобильное приложение может стимулировать пользователей предоставлять всё больше дан-

ных о состоянии их здоровья, ведь это может гарантировать ему большую прибыль. В приложениях аккумулируются так называемые пассивно собираемые данные, например обзоры среднего количества шагов за месяц, которые регулярно сохраняются вне контроля пользователей. Кроме того, мобильные приложения для здоровья части применяют стандартные условия использования, действующие по принципу «прими или откажись» (англ. take it or leave it). Таким образом, пользователи не всегда осознают точный объем и тип собираемых данных⁹.

Существуют разумные опасения в отношении контроля пользователя над доступом к собранному данным о состоянии его здоровья. Большинство приложений предусматривают возможность раскрытия информации в будущем неопределенной аудитории. Так, многие приложения mHealth обмениваются данными о состоянии здоровья между анонимными пользователями в целях сопоставления, операторы приложений могут продавать данные о здоровье третьим лицам (рекламодателям, страховым компаниям, банковским организациям и т.д.). Приложения часто не позволяют детализировать согласие на обработку персональных данных: пользователи вынуждены давать согласие в отношении всех получателей и типов данных. Необходимо подчеркнуть, что обработка больших данных о состоянии здоровья и обмен ими с третьими лицами в рамках приложений mHealth компрометируют пользователей и могут представлять угрозу их праву на неприкосновенность частной жизни.

В ЕС вопросы конфиденциальности информации о здоровье регулируются разветвленной системой нормативных актов, частично названных выше. На национальном уровне неприкосновенность частной жизни гарантируется системой защиты прав пациентов. Принцип конфиденциальности медицинской информации красной нитью проходит через релевантное национальное правовое регулирование. Конфиденциальность медицинской информации подразумевает право пациента на конфиденциальность личных данных, а также обязанность медицинских работников защищать данные от несанкционированного доступа. Вместе с тем пользователи приложений mHealth, как правило, не считаются пациентами ни с точки

⁷ Art. 29 Data Protection Working Party, Annex — health data in apps and devices (2015).

⁸ Cecere G. et al. Economics of Free Mobile Applications: Personal Data as a Monetization Strategy. 2018. P. 45.

⁹ Ostherr K. et al. Trust and Privacy in the Context of User-Generated Health Data // Big data & Soc'y. 2017. 4.

зрения разработчиков приложений, ни с позиции действующей регуляторики, поскольку приложения не служат собственно медицинским целям и в их работе не участвует медицинский персонал. Таким образом, пользователи приложений не подпадают под систему защиты прав пациентов¹⁰.

На уровне Европейского Союза применение мобильных медицинских технологий охватывается регулированием медицинских устройств в соответствии с Регламентом 2017/745. Под действие указанного документа подпадает также программное обеспечение (включая мобильные приложения), но только такое, которое разработано для целей, обозначенных в Регламенте 2017/745. Поскольку большинство мобильных приложений для самоконтроля состояния здоровья (мониторинг физической формы, общего состояния здоровья) не предназначены для целей медицины (лечения), а сосредоточены лишь на общем состоянии здоровья, они не рассматриваются как медицинские устройства и не подпадают под действие названного Регламента. Впрочем, если приложение mHealth имеет предполагаемое медицинское назначение (это могут быть приложения для самоконтроля, рекомендованные врачом), Регламент 2017/745 может быть применен. В любом случае, данный Регламент обеспечивает защиту конфиденциальности информации о здоровье в соответствии с Регламентом 2016/679 (GDPR).

Регламент 2016/679 (GDPR) является основным инструментом защиты конфиденциальности данных о здоровье в Европейском Союзе и применяется к приложениям mHealth, доступным для использования в ЕС. Основной принцип, заложенный в Регламент 2016/679 (GDPR), гласит: любая обработка персональных данных должна осуществляться на основании закона. Регламент предусматривает обязанности разработчиков и контролеров обработки данных, а также предоставляет права субъектам данных для усиления контрольных полномочий с их стороны. Документом закрепляется специальный режим защиты данных о здоровье, кото-

рый предполагает общий запрет на обработку данных о состоянии здоровья, но предусматривает ограниченные отступления в том случае, если данные о состоянии здоровья представляют общественный интерес и не связаны с профессиональной тайной. В рамках приложения mHealth данные о состоянии здоровья подлежат обработке только в том случае, если пользователи предоставят явно выраженное согласие. Регламент 2016/679 (GDPR) установил максимально широкую защиту конфиденциальности персональных данных в сочетании со строго регламентированными правилами обработки и передачи таких данных, что в значительной степени способствует эффективной защите прав пользователей приложений mHealth.

Тем не менее важно обратить внимание на то, что ряд эмпирических исследований демонстрируют фактическое несоответствие многих приложений положениям Регламента 2016/679 (GDPR)¹¹. В частности, согласно исследованию около 20 мобильных медицинских приложений не соблюдают требование об обязательном согласии пользователя на обработку персональных данных: большая часть приложений (около 55 %) предоставляют информацию о политике конфиденциальности только перед регистрацией пользователя, лишь 5 % приложений запрашивают согласие каждый раз, когда пользователь делится дополнительной информацией личного характера, ни одно из приложений не предполагает применения явно выраженного согласия с помощью заполнения формы-анкеты (онлайн-формы), 35 % приложений предлагают возможность отзыва согласия и удаления данных о состоянии здоровья¹². В другом исследовании было отмечено, что из 24 проанализированных приложений mHealth 79 % отправляют данные о состоянии здоровья пользователя третьим лицам непрозрачным способом¹³.

Таким образом, на практике довольно большое число мобильных медицинских приложений, применяемых в ЕС, не соответствуют требованиям Регламента 2016/679 (GDPR). Это

¹⁰ Commission Staff Working Document on the existing EU legal framework applicable to lifestyle and wellbeing apps Accompanying the document Green Paper on mobile Health («mHealth») (2014).

¹¹ Grundy Q. et al. Data Sharing Practices of Medicines Related Apps and the Mobile Ecosystem: Traffic, Content, and Network Analysis // BMJ. 2019. 364. I920.

¹² Papageorgiou A. et al. Security and Privacy Analysis of Mobile Health Applications: The Alarming State of Practice/ PP IEEE Access 1–1 (2018).

¹³ Grundy Q. et al. Op. cit.

объясняется тем, что приложения разрабатываются людьми, которые не компетентны в вопросах применения европейского наднационального законодательства о защите персональных данных. Вследствие большого числа доступных приложений надзор со стороны регулирующих органов весьма затруднен из-за нехватки соответствующих ресурсов. В большинстве государств — членов ЕС отсутствуют организации, отвечающие за нормативный надзор за применением приложений mHealth. Отсутствие надзора приводит к снижению уровня соблюдения требований. Регламент 2016/679 (GDPR) предлагает актуальную и достаточную правовую основу для обеспечения защиты данных о состоянии здоровья, но игнорирование разработчиками приложений его требований делает указанный документ неэффективным.

Отсутствие эффективного законодательного регулирования приводит к необходимости поиска альтернативной регуляторики, коей в данном случае вполне может стать саморегулирование. Не умаляя значимости магазинов приложений в обеспечении соответствия мобильных продуктов требованиям Регламента 2016/679 (GDPR) и роли цифровых платформ в защите основных прав пользователей, центральный вопрос относительно применения данных приложений следует связать с социальными проблемами медиаплатформ.

Саморегулирование можно определить как «процесс регулирования, посредством которого организация на уровне отрасли, а не на уровне органов государственной власти или организации... устанавливает и обеспечивает соблюдение правил и стандартов, касающихся поведения организаций в отрасли»¹⁴. К преимуществам саморегулирования относятся гибкость в адаптации правил к технологическим изменениям, более высокое качество правил и приверженность субъектов саморегулирования им. Тем не менее саморегулирование имеет и свои ограничения, особенно применительно к защите основных прав. Инструменты саморегулирования далеко не всегда предполагают наличие действующих механизмов правоприменения и мониторинга. В отдельных случаях инструменты саморегулирования не согласо-

уются с другими существующими нормами, что делает общую систему регулирования всё более сложной.

В контексте обеспечения защиты данных саморегулирование становится распространенным явлением. Компании предпочитают дополнять действующее законодательство инструментами саморегулирования вследствие необходимости обеспечить защиту прав потребителей, повысить общественное доверие и репутацию, ликвидировать негативное общественное мнение. Регламент 2016/679 (GDPR) поддерживает и поощряет саморегулирование предприятий в форме кодексов поведения и обязательных корпоративных правил. Кроме того, Европейская комиссия предприняла (пока, правда, безуспешно) шаги по созданию добровольного Кодекса поведения в отношении конфиденциальности данных в рамках приложений мобильного здравоохранения для разработчиков¹⁵.

В отраслевом саморегулировании в области mHealth заметно, что магазины приложений уже играют важную роль, регламентируя в том числе сторонние приложения mHealth, распространяемые на их платформах. Такая экосистема работает следующим образом: разработчику необходимо разместить свой продукт в магазине приложений, чтобы широкий круг потребителей могли загрузить его на свои мобильные устройства; магазины приложений требуют от разработчиков соблюдать определенные правила в рамках процесса предварительного утверждения и могут удалять не соответствующие требованиям права ЕС приложения.

Функционирование магазинов приложений не охватывается Регламентом 2016/679 (GDPR). Магазины не рассматриваются правом ЕС как обработчики или контролеры данных, поскольку они не осуществляют контроль над личными данными пользователей, а просто предоставляют поставщикам приложений платформу, на которой те могут размещать цифровые продукты. Однако магазины приложений могут влиять на то, как сторонние приложения, которые квалифицируются как обработчики данных, обеспечивают защиту таких данных. Именно

¹⁴ Gupta A. K., Lad L. J. Industry Self-Regulation: An Economic, Organizational, and Political Analysis // AMR. 1983. 8. P. 416.

¹⁵ European Commission, Guidance Document Medical Devices — Scope, Field of Application, Definition — Qualification and Classification of Stand Alone Software (2016).

поэтому магазины приложений применяют форму отраслевого саморегулирования. Хотя магазины приложений применяют эти правила к сторонним приложениям добровольно, саморегулирование не является добровольным с точки зрения разработчиков приложений.

Рассмотрим примеры того, как действия магазинов приложений в отношении конфиденциальности данных влияют на эффективность методов защиты данных о здоровье пользователя.

Судебная практика, повлиявшая на формирование подходов Европейского Союза к правовому регулированию применения мобильных медицинских технологий

Кейс Apple Store. Для того чтобы разработчики могли размещать приложения в Apple App Store, они должны зарегистрироваться в программе Apple Developer Program, на которую распространяет действие соответствующее лицензионное соглашение. Кроме того, Apple App Store проверяет все размещаемые приложения и обновления приложений согласно руководству по проверке App Store¹⁶. Данное руководство содержит особые правила для приложений mHealth — они могут подвергаться более тщательной проверке. Руководство также содержит следующие общие положения об обработке персональных данных и о конфиденциальности:

а) приложения должны предусматривать политику конфиденциальности, объясняющую, как пользователи могут осуществлять свои права на сохранение, удаление и отзыв согласия;

б) сбор данных должен основываться на согласии пользователя, пользователям должна быть предоставлена доступная и понятная возможность отозвать согласие;

в) приложения должны свести к минимуму сбор данных; при обмене данными с третьими лицами необходимо согласие пользователя;

г) приложения не должны пытаться создать профиль пользователя на основе собранных данных;

д) разработчики приложений должны учитывать конфиденциальность данных пользователя и соблюдать соответствующее законодательство о конфиденциальности.

Руководство содержит четкие правила в отношении данных о состоянии здоровья, обрабатываемых приложениями mHealth. Предполагается, что приложения не могут использовать или раскрывать собранные данные о состоянии здоровья третьим лицам в целях рекламы, маркетинга или майнинга; не могут использовать данные о здоровье для целевой или поведенческой рекламы. Тем не менее приложения mHealth могут применять или раскрывать данные о здоровье в целях улучшения управления здоровьем и проведения исследований в области здравоохранения, но только с разрешения пользователя. В руководстве отмечается, что разработчики не могут вводить неточные данные в приложения mHealth, а сами приложения не могут сохранять информацию о состоянии здоровья в облачном хранилище iCloud.

Кейс Google Play. Критерии проверки приложений для Google Play изложены в дистрибьюторском соглашении для разработчиков и программной политике для разработчиков¹⁷. Дистрибьюторское соглашение действует как юридически обязывающий договор между разработчиком приложения и компанией Google. Что касается обработки персональных данных, то в соглашении говорится, что приложения должны соответствовать применимым нормам о защите данных, в частности, информировать пользователей о том, какие личные данные подлежат обработке, предоставлять уведомление о конфиденциальности и обеспечивать надлежащую защиту данных. Кроме того, приложения могут использовать персональные данные только в тех целях, на которые дал согласие пользователь.

Программная политика для разработчиков содержит дополнительные рекомендации по обработке персональных данных о состоянии здоровья. Так, строго запрещены приложения, предназначенные для злоупотребления или неправомерного использования персональных данных. Кроме того, функционирование приложения должно быть прозрачным в отношении сбора, использования и обмена персональными данными. Что касается конфиденциальных персональных данных, которые включают также данные о состоянии здоровья, в политике указано, что сбор и использование

¹⁶ *Apple App Store, App Store Review Guidelines (2019) // URL: <https://developer.apple.com/app-store/review/guidelines/> (дата обращения: 04.06.2023).*

¹⁷ *Google Play, Google Play Developer Distribution Agreement (Nov. 5, 2019).*

должны быть ограничены целями, непосредственно связанными с функциональностью приложения. При этом политика конфиденциальности должна быть опубликована в самом приложении. Раскрытие информации в приложении должно содержать запрос согласия пользователя до обработки данных, требующий подтверждения действий пользователя. В таких запросах на разрешение должны быть четко указаны цели обработки или передачи данных. Кроме того, подчеркивается, что персональные данные могут использоваться только в целях, на которые дал согласие пользователь.

Анализ указанных кейсов позволяет сделать вывод о том, что магазины приложений действительно обеспокоены вопросами обеспечения конфиденциальности. Тем не менее такая обеспокоенность не гарантирует более высокий уровень защиты персональных данных пользователей приложений mHealth. В документах обоих магазинов приложений отмечается, что приложения должны соответствовать законодательству о конфиденциальности и интегрировать политику конфиденциальности. Вместе с тем уровень детализации положений о конфиденциальности соответствующих магазинов приложений значительно различается. В то время как документация Apple App Store ретранслирует большинство принципов защиты данных и прав субъектов данных, отраженных в Регламенте 2016/679 (GDPR), правила конфиденциальности Google Play сформулированы несколько расплывчато и не упоминают права субъектов данных. Таким образом, документы Google Play не предлагают разработчикам приложений необходимые рекомендации о том, как защитить личные данные, особенно в отношении прав субъектов данных. Это влечет за собой большой риск того, что права пользователей просто попадут в политику конфиденциальности приложения мелким шрифтом и не приведут к эффективной защите конфиденциальности персональных данных.

Заключение

Как это ни парадоксально, желание людей расширить свои возможности с помощью приложений мобильного здравоохранения приводит к тому, что пользователи теряют возможность контролировать обработку данных о собственном здоровье. Хотя теоретически Регламент 2016/679 (GDPR) предлагает надежное решение для защи-

ты данных о здоровье пользователей приложений mHealth, на практике ему не хватает должной эффективности. Инструменты саморегулирования, используемые магазинами приложений, могут заполнить пробел в регуляторике и тем самым способствовать повышению уровня защиты данных о состоянии здоровья в ЕС. Данный тезис подтверждает мысль о том, что Европейский Союз всё активнее вовлекается в регулирование применения цифровых технологий и связанных с ними рисков нарушения основополагающих прав человека. Союз в своей деятельности продвигает и поддерживает структуры саморегулирования в дополнение к релевантным нормативным актам, принимаемым на уровне ЕС.

Несмотря на важную роль магазинов приложений в достижении этой цели, ответственность за обеспечение защиты конфиденциальности данных о здоровье пользователей лежит на разработчиках и поставщиках приложений mHealth, которые обрабатывают медицинские данные. Приложения mHealth должны предоставлять пользователям адекватные средства для реализации прав на защиту конфиденциальности, предусматривая конкретные эффективные возможности контроля над решениями, касающимися обработки данных о состоянии здоровья. В этой связи решающее значение приобретает фактическое применение стандартов саморегулирования. В то время как саморегулирование со стороны магазина приложений может направить разработчиков приложений для мобильного здравоохранения в правильном направлении путем преобразования положений Регламента 2016/679 (GDPR) в технические требования предварительного утверждения, соблюдению соответствующих положений о конфиденциальности способствует повышенная осведомленность как пользователей приложений, разработчиков, так и брокеров медицинских данных о рисках для соблюдения основных прав человека со стороны приложений мобильного здравоохранения. Европейский Союз смог бы сыграть центральную роль в достижении этой цели, чтобы помочь пользователям приложений mHealth достичь желаемого расширения возможностей, отразив нормы и принципы Регламента 2016/679 (GDPR) в конкретных приложениях мобильного здравоохранения. Проанализированный опыт Европейского Союза в рассматриваемой области может оказаться полезным в части развития соответствующего регулирования на уровне Российской Федерации и интеграционных объединений с ее участием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Cecere G. et al. Economics of Free Mobile Applications: Personal Data as a Monetization Strategy. 2018.
- Grundy Q. et al. Data Sharing Practices of Medicines Related Apps and the Mobile Ecosystem: Traffic, Content, and Network Analysis // *BMJ*. 2019. 364. I920.
- Gupta A. K., Lad L. J. Industry Self-Regulation: An Economic, Organizational, and Political Analysis // *AMR*. 1983. 8. P. 416–425.
- Lucivero F., Jongsma K. R. A Mobile Revolution for Healthcare? Setting the Agenda for Bioethics // *J. Med. Ethics*. 2018. 44. P. 685–689.
- Ostherr K. et al. Trust and Privacy in the Context of User-Generated Health Data // *Big data & Soc'y*. 2017. 4.
- Papageorgiou A. et al. Security and Privacy Analysis of Mobile Health Applications: The Alarming State of Practice/ *PP IEEE Access* 1–1 (2018).
- Spiller K. et al. Data Privacy: Users' Thoughts on Quantified Self Personal Data // *Self-Tracking: Empirical and Philosophical Investigations* / Btihaj Ajana ed. 2018. P. 111–124.

REFERENCES

- Cecere G, et al. Economics of Free Mobile Applications: Personal Data as a Monetization Strategy. 2018.
- Grundy Q, et al. Data Sharing Practices of Medicines Related Apps and the Mobile Ecosystem: Traffic, Content, and Network Analysis. *BMJ*. 2019;364:I920.
- Gupta AK, Lad LJ. Industry Self-Regulation: An Economic, Organizational, and Political Analysis. *AMR*. 1983;8:416-425.
- Lucivero F, Jongsma KR. A Mobile Revolution for Healthcare? Setting the Agenda for Bioethics. *J. Med. Ethics*. 2018;44:685-689.
- Ostherr K, et al., Trust and Privacy in the Context of User-Generated Health Data. *Big data & Soc'y*. 2017;4.
- Papageorgiou A, et al., Security and Privacy Analysis of Mobile Health Applications: The Alarming State of Practice. *PP IEEE Access* 1-1 (2018).
- Spiller K, et al. Data Privacy: Users' Thoughts on Quantified Self Personal Data. In: Btihaj Ajana, editor. *Self-Tracking: Empirical and Philosophical Investigations*. 2018. Pp. 111–124.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Некотенева Мария Владимировна, кандидат юридических наук, доцент кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
mvnekoteneva@msal.ru

Пonomарёва Дарья Владимировна, кандидат юридических наук, доцент кафедры практической юриспруденции Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
dvponomareva@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Maria V. Nekoteneva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Integration and European Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9, Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow 125993, Russian Federation
mvnekoteneva@msal.ru

Darya V. Ponomareva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Practical Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9, Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow 125993, Russian Federation
dvponomareva@msal.ru

Материал поступил в редакцию 21 июля 2023 г.

Статья получена после рецензирования 23 июля 2023 г.

Принята к печати 17 октября 2023 г.

Received 21.07.2023.

Revised 23.07.2023.

Accepted 17.10.2023.

Реформа системы высшего образования в России: проблемы законодательного регулирования и стандартизации

Резюме. Статья посвящена проблемам реформирования системы российского высшего образования в контексте его законодательного регулирования и стандартизации. Автор исходит из того, что отсутствие собственной независимой концепции образования в условиях обострения геополитической обстановки и выхода из Болонского процесса представляет собой одну из главных угроз национальной безопасности России. Автором предпринята попытка объективно оценить текущее состояние правового регулирования в области высшего образования. С этой целью в статье характеризуются изменения параметров стандартизации в области образования в контексте внутригосударственных реформ, проводимых в последние годы и обусловленных вступлением в Болонский процесс. Автор аргументирует, что законодательные новеллы на данном историческом этапе детерминировали ряд системных проблем государственного управления в области образования. Одна из наиболее сложных и негативно сказывающихся на качестве образования проблем связана с безальтернативным внедрением компетентностного подхода к разработке образовательных программ. Автор приходит к выводу, что государственную политику в области высшего образования следует переориентировать на возврат к фундаментальному подходу в высшем образовании по общему правилу для всех специальностей и направлений подготовки. При этом компетентностный подход необходимо внедрять разумно и лишь для тех специальностей, для которых такой подход объективно более эффективен. Такое основополагающее для отечественного высшего образования решение автор считает необходимым закрепить в качестве принципа государственной политики в области образования и предлагает один из возможных вариантов юридико-технического оформления данного принципа.

Ключевые слова: система образования; высшее образование; стандартизация; фундаментальный подход; компетентностный подход; компетенции; специалитет; бакалавриат; магистратура; аспирантура

Для цитирования: Кулаков Н. А. Реформа системы высшего образования в России: проблемы законодательного регулирования и стандартизации. *Lex russica*. 2023. Т. 76. № 11. С. 129–139. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.204.11.129-139

Higher Education System Reform in Russia: Problems of Legislative Regulation and Standardization

Nikolay A. Kulakov

Saint-Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation
St. Petersburg, Russian Federation

Abstract. The paper is devoted to the problems of reforming the system of Russian higher education in the context of its legislative regulation and standardization. The author proceeds from the fact that the absence of its own independent concept of education in the context of the aggravation of the geopolitical situation

and withdrawal from the Bologna process is one of the main threats to Russia's national security. The author attempts to objectively assess the current state of legal regulation in the field of higher education. To this end, the paper characterizes the changes in the parameters of standardization in the field of education in the context of domestic reforms carried out in recent years and due to the entry into the Bologna process. The author argues that legislative innovations at this historical stage determined a number of systemic problems of public administration in the field of education. One of the most difficult and negatively affecting the quality of education problems is associated with the non-alternative introduction of a competence-based approach to the development of educational programs. The author concludes that the state policy in the field of higher education should be reoriented to return to the fundamental approach in higher education according to the general rule for all specialties and areas of training. At the same time, the competence approach should be implemented reasonably and only for those specialties for which such an approach is objectively more effective. The author considers it necessary to consolidate such a fundamental decision for domestic higher education as a principle of state policy in the field of education and suggests one of the possible options for the legal and technical formalization of this principle.

Keywords: education system; higher education; standardization; fundamental approach; competence approach; competencies; specialty; bachelor's degree; master's degree; postgraduate studies

Cite as: Kulakov NA. Higher Education System Reform in Russia: Problems of Legislative Regulation and Standardization. *Lex russica*. 2023;76(11):129-139. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2023.204.11.129-139

В условиях беспрецедентного давления со стороны ряда наиболее развитых государств (прежде всего США, Великобритании и стран Европейского Союза), политики которых прямо заявляют о необходимости значительного снижения социально-экономического потенциала России, одной из приоритетных задач для нас становится устранение зависимости от таких стран в различных областях. Не является исключением в этом смысле российское высшее образование, которое с начала 2000-х гг. поэтапно реформировалось в контексте параметров Болонской системы. Данная система предполагает унификацию уровней и стандартов высшего образования с целью взаимной интеграции национальных образовательных систем.

Вместе с тем внедрение болонских стандартов в отечественную образовательную практику детерминировало целый комплекс негативных тенденций, существенно снизивших качество высшего образования. Более того, находиться в зависимости от принципов стандартизации образования, определяемых специалистами из недружественных стран, Российская Федерация, по изложенным выше причинам, позволить себе дальше не может. Отсутствие собственной концепции образования в условиях обострения геополитической обстановки —

прямая угроза существованию России как государства.

В ходе 18-й встречи Наблюдательной группы по реализации Болонского процесса, состоявшейся 11–12 апреля 2022 г. в г. Страсбурге (Франция), было рассмотрено обращение Министерства высшего образования и науки Украины с требованием о приостановке участия Российской Федерации в Болонском процессе¹. Итогом стало удовлетворение данного требования. В свою очередь, в конце мая 2022 г. Минобрнауки России заявило о намерении отказаться от Болонской системы и создать свою уникальную систему высшего образования, в основу которой будут положены национальные интересы и максимальные возможности для студентов².

Проблема реформирования российского образования была поднята Президентом РФ 21 февраля 2023 г. в рамках ежегодного Послания Федеральному Собранию. Глава государства в качестве приоритета внутренней политики ориентировал на синтез всего лучшего, что было в советской системе образования, и опыта последних десятилетий. В связи с этим Президент РФ предложил вернуться к традиционной для нашей страны базовой подготовке специалистов с высшим образованием³.

¹ Липин Д. А. Болонская образовательная система в аспекте защиты суверенитета Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 8. С. 13–15.

² Тадтаев Г., Фурсеев И. Минобрнауки заявило о планах отказаться от Болонской системы // РБК. Новости. 2022. 24 мая.

³ Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/70565> (дата обращения: 25.05.2023).

Таким образом, в реформировании отечественного образования (в том числе высшего) сформировался вектор на формирование собственной независимой системы, в основу которой должны лечь прежде всего традиционные для нашего государства принципы. В настоящее время уполномоченными органами государственной власти осуществляется разработка соответствующих законодательных предложений. Вместе с тем единое понимание содержания проводимой реформы в российском обществе отсутствует. От того, что именно с содержательной точки зрения будет вложено законодателем в понятие «традиционная для нашей страны базовая подготовка специалистов с высшим образованием», будет зависеть дальнейший ход реформы высшего образования и его качество.

В связи с этим попытаемся объективно оценить текущее состояние правового регулирования в области высшего образования. Прежде всего проследим, как менялось содержание административно-правового регулирования, в частности параметры стандартизации в области образования в России, в контексте внутригосударственных реформ и вступления в Болонский процесс.

Начало 90-х гг. в России характеризовалось кардинальными социально-экономическими изменениями. В возникших условиях советская система образования, предполагавшая государственный план на подготовку профессиональных специалистов для плановой экономики, не отвечала рыночным реалиям. При этом в связи с новым хозяйственным укладом и появлением большого числа вузов различных форм собственности остро встал вопрос о единых стандартах высшего образования в России⁴.

Первым шагом на пути реформирования образования стало принятие Закона от 10.07.1992 № 3266-1 «Об образовании». Под федеральным государственным образовательным стандартом данный Закон понимал совокупность требований, обязательных при реализации основных образовательных программ различных уровней образования. Позже обязан-

ность государства устанавливать федеральные государственные образовательные стандарты получила конституционное закрепление в ч. 5 ст. 43 Конституции РФ. Следствием законодательных новелл стало принятие в период с 1994 по 1998 г. ряда государственных образовательных стандартов — так называемых стандартов первого поколения. Государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования (ГОС ВПО) охватывали 92 направления подготовки по 422 специальностям. Специалисты отмечают следующие особенности ГОС ВПО первого поколения: стандартизация высшего образования предполагала совокупность федерального и регионального (национально-регионального) компонента; ГОС ВПО первого поколения разрабатывались в период стагнации экономики и в подавляющем большинстве исходили из требований академических сообществ. Однако при этом сохранялись лучшие традиции советского образования — фундаментальность и широта подготовки⁵; предусматривался обязательный минимум содержания основных образовательных программ, максимальный объем нагрузки обучающихся, требования к уровню подготовки выпускников⁶.

Следующая стадия реформирования российского высшего образования связана с принятием в 2000 г. ГОС ВПО второго поколения. Эти стандарты, определяя требования к выпускникам, стали исходить из учетно-квалификационных требований Минтруда. Причем такие требования согласовывались с федеральными органами исполнительной власти. Сохранение ориентации на знаниевую модель, наряду с сохранением отрыва от реалий развивающейся национальной экономики, низкой сопоставимостью образовательных программ и результатов обучения, а также недостаточное включение вузов в профессиональные сети воспринимались в качестве недостатков второго поколения ГОС ВПО⁷.

Вместе с тем в условиях продолжения внешнеполитического курса на интеграцию Российской Федерации в международное, и прежде

⁴ Долинская В. В. Новый Закон об образовании: вопросы взаимодействия государства, вузов и профессорско-преподавательского состава в обеспечении ФГОС ВПО // *Цивилист*. 2013. № 3. С. 23–34.

⁵ Блинов В. И., Виненко В. Г., Сергеев И. С. Методика преподавания в высшей школе. М., 2013. С. 15.

⁶ Давыденко Т. М. О ходе выполнения работ по переходу на государственные образовательные стандарты нового поколения // URL: https://dropdoc.ru/doc/671083/o-hode-vypolneniya-rabot-po-perehodu-na-federal._nye (дата обращения: 25.05.2023). С. 6.

⁷ Давыденко Т. М. Указ. соч.

всего европейское, социально-экономическое пространство росло и число сторонников присоединения к Болонскому процессу. Его суть состоит в создании единого европейского образовательного пространства. Внедрение стандартов болонской системы в национальное образование представляет собой унификацию правового статуса национальных и европейских систем образования⁸.

Необходимо отметить, что базовым документом, на основе которого осуществляется Болонский процесс, является принятая 19 июня 1999 г. в г. Болонья (Италия) Декларация о создании общеевропейского пространства высшего образования. Принципы общего образовательного пространства заложены и в принятой 25 мая 1998 г. представителями Франции, Италии, Германии и Великобритании совместной Сорбонской декларации по гармонизации архитектуры европейской системы высшего образования⁹.

Болонская декларация предполагает: принятие системы сопоставимых академических степеней, в том числе через внедрение унифицированного приложения к диплому; внедрение модульной системы образования, состоящей из двух циклов — бакалавриат и магистратура; введение европейской системы зачетных единиц трудоемкости (системы баллов) ECTS (European Credit Transfer System); приоритет компетентностной модели образования над фундаментальной (знаниевой) моделью, которая традиционно лежала в основе отечественного образования.

Российская Федерация присоединилась к Болонскому процессу в 2003 г., подписав Декларацию о создании общеевропейского пространства высшего образования (Болонскую декларацию). С этого момента внедрение параметров Болонской системы стало приоритетом в управленческой деятельности Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (Минобрнауки). Прежде всего был

принят ряд подзаконных нормативных правовых актов, определяющих дорожную карту по внедрению Болонских стандартов. К их числу можно отнести решение коллегии Минобрнауки РФ от 16.12.2004 № ПК-8 «Об интеграции научной и образовательной деятельности и реализации положений Болонской декларации в системе высшего профессионального образования Российской Федерации»¹⁰, План мероприятий по реализации положений Болонской декларации в системе высшего профессионального образования Российской Федерации на 2005–2010 годы¹¹, приказ Минобрнауки РФ от 29.07.2005 № 215 «Об инновационной деятельности высших учебных заведений по переходу на систему зачетных единиц»¹² и др.

Безусловно, принципиальное отличие болонских принципов образования от принципов отечественной образовательной практики требовало законодательного обеспечения. Прежде всего был принят Федеральный закон от 01.12.2007 № 309-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части корректировки понятия и структуры государственного образовательного стандарта». Данный законодательный акт регулировал особенности образовательного процесса в вузах при переходе к новым федеральным государственным образовательным стандартам. Кроме введения понятия федерального государственного образовательного стандарта (ФГОС), была законодательно оформлена его новая структура, которая актуальна и на сегодняшний день.

В этот период под общим руководством Минобрнауки России параллельно велась работа над новым федеральным законом об образовании, который бы учитывал реалии Болонского процесса, а также разрабатывались новые федеральные государственные образовательные стандарты, которые стали именоваться стандартами третьего поколения. В разработке проектов ФГОС приняли участие

⁸ Кудряшова С. Н. Национальная система квалификаций как инструмент государственной политики на рынке труда // Трудовое право в России и за рубежом. 2019. № 2. С. 24–26.

⁹ См.: Joint declaration of the European Ministers of Education — The Bologna Declaration of 19 June 1999 // URL: http://www.magna-charta.org/resources/files/BOLOGNA_DECLARATION.pdf (дата обращения: 24.05.2023).

¹⁰ Официальные документы в образовании. 2005. № 7.

¹¹ Приказ Минобрнауки РФ от 15.02.2005 № 40 «О реализации положений Болонской декларации в системе высшего профессионального образования Российской Федерации» // Бюллетень Министерства образования и науки РФ. 2005. № 4.

¹² Официальные документы в образовании. 2005. № 22.

представители более 400 крупнейших российских предприятий, государственных корпораций, научно-исследовательских организаций. В целях рассмотрения проектов ФГОС в структуре Минобрнауки России был сформирован Совет по федеральным государственным образовательным стандартам, в составе которого стали функционировать рабочие группы по уровням образования¹³.

Принятие Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»¹⁴, по всей видимости, должно было юридически оформить двухуровневую систему образования и ориентир на компетентностную модель обучения. Однако законодатель пошел по иному пути и закрепил в ч. 5 ст. 10 Федерального закона № 273-ФЗ модель, предполагающую параллельное существование как традиционной для российской образовательной практики одноуровневой (специалитет), так и двухуровневой системы образования (бакалавриат, магистратура).

Такое гибридное решение, вероятно, было предопределено попыткой совместить традиции и реалии отечественной образовательной практики и Болонские стандарты. Вместе с тем избранный подход породил целый комплекс проблем. Во-первых, это проблемы, связанные с оценкой работодателями достаточности уровня образования при назначении на должность. Другая системная проблема связана с местом подготовки кадров высшей квалификации в системе образования.

Отметим, что в развитие изложенного Президентом РФ в Послании Федеральному Собранию 2023 г. предложения о возврате к традиционной для нашей страны базовой подготовке специалистов принят Указ Президента РФ от 12.05.2023 № 343 «О некоторых вопросах системы высшего образования»¹⁵. Согласно Указу в 2023/2024 учебном году в нескольких российских вузах стартует пилотный проект, предполагающий новый подход к определению уровней высшего образования. Тестируемая система предусматривает следующие уровни: базовое образование (нынешний бакалавриат и специалитет, срок обучения от 4 до 6 лет в зависи-

мости от направления подготовки, специальности и иных факторов); специализированное образование (магистратура, ординатура, ассистентура-стажировка); отдельный уровень профессионального образования — аспирантура. Вместе с тем пилотный проект направлен на реформирование лишь уровней высшего образования, но не затрагивает его сущностно-содержательных аспектов. На наш взгляд, гораздо большего внимания заслуживает другая, практически необсуждаемая на уровне законодателя проблема. Речь идет о лежащем в основе болонской системы и, как следствие, безальтернативно внедряемом в последние десятилетия в российскую образовательную практику компетентностном подходе к разработке образовательных программ. На данной проблеме, как одной из ключевых и негативно влияющих на качество современного российского образования, остановимся в рамках данной статьи подробнее.

Антиподом компетентностного подхода к образовательному процессу, традиционно преобладающим в отечественной образовательной практике, является фундаментальный, или, как его еще называют, знаниевый, подход. Прежде всего необходимо раскрыть сущность компетентностного подхода и определить его принципиальные отличия от подхода фундаментального.

Теоретическое обоснование компетентностного подхода началось в 70-х гг. XX в. На начальном этапе (1960–1970 гг.) термины «компетентность» и «компетенция» стали употребляться в рамках «деятельностного» образования с целью подготовки специалистов, способных успешно реализовывать себя в мире профессий. Второй этап (1970–1990 гг.) характеризуется расширением использования анализируемых категорий в сфере образования, отбора и подготовки кадров. На третьем этапе (1990–2010 гг.) оформилось понятие «ключевые компетенции», характеризующее основные способности, которыми должен овладеть каждый человек в процессе развития и образования. С 2010 г. продолжается четвертый этап эволюции и внедрения компетентностного под-

¹³ Приказ Минобрнауки РФ от 10.04.2009 № 12 «Об утверждении Положения о Совете Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по федеральным государственным образовательным стандартам» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2009. № 20.

¹⁴ СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

¹⁵ URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202305120005> (дата обращения: 01.06.2023).

хода в образование и заключается он в смене образовательной парадигмы и выделении компетенций в структуре модели выпускника вуза. На данном этапе произошла дифференциация общекультурных и профессиональных компетенций как конечного результата профессионального образования¹⁶.

В отличие от термина «квалификация» (преобладающего в знаниевой модели образования) «компетенции» в компетентностной модели, как отмечают ее сторонники, предполагают наличие как профессиональных знаний и умений, так и сформированность ряда качеств, необходимых для профессионального роста. Речь идет о таких качествах, как инициатива, сотрудничество, способность работать в команде, толерантно воспринимать социальные различия и др.

Реализация методики компетентностного подхода означает: отражение в системном и целостном виде итогов образования; формулирование результатов образования в вузе как признаков готовности студента показать соответствующие знания, умения и ценности; определение структуры компетенций, которыми должен овладеть обучающийся¹⁷.

При разработке основных образовательных программ на основе компетентностного подхода, помимо определения перечня компетенций как результатов образовательного процесса, необходимо отразить взаимосвязь между этими компетенциями, а также определить последовательность освоения компетенций, если в этом есть необходимость. Далее в отношении каждой компетенции определяются уровни ее освоения (пороговый, углубленный и продвинутый), а также планируемые результаты обучения для каждого из уровней. Такие результаты раскрываются в виде знаний, умений и навыков для каждой компетенции в дифференциации по уровням освоения. Кроме того, разработчики образовательной программы должны определить критерии оценивания результатов обучения для каждой компетенции.

На следующем этапе разработчиками основной профессиональной образовательной программы осуществляется «декомпозиция» каждой отдельной компетенции на так называемые

владения (способность применять знания и умения для решения сложных, в том числе нетипичных, задач), навыки (умение, доведенное до автоматизма), умения (решение типичной задачи на основе устойчивого алгоритма) и знания. Последний элемент планируемых результатов обучения — знания, лежащие в основе приобретения умений, навыков и опыта и представляющие собой воспроизведение и объяснение учебного материала.

Таким образом, компетентностный подход предполагает, что разработчик образовательной программы отталкивается от определяемых практико-ориентированных итогов обучения, которые затем дифференцируются на элементы. Иными словами, компетентностный подход ориентирован на практическую реализацию знаний и предполагает практико-ориентированный характер подготовки обучающегося, интенсификацию (в сравнении со знаниевой моделью) самостоятельной работы студента по решению социально-профессиональных задач. Для компетентностного подхода характерно моделирование результатов образовательного процесса.

В свою очередь, в основе традиционного для отечественного образования знаниевого подхода лежит фундаментальная подготовка студентов, позволяющая получать и закреплять большое количество учебной и профессиональной информации. Такая фундаментальность дает возможность ученикам находить применение своим знаниям не только в конкретной профессии, но и в межпрофессиональной интеграции. К преимуществам знаниевой модели (в сравнении с компетентностным подходом) следует отнести: системный характер обучения; упорядоченную, логически правильную, структурированную четкость в подаче материала с глубоким его изучением; организационную четкость образовательного процесса; возможность передачи теоретического материала одновременно большим группам студентов, что позволяет формировать в ходе учебного процесса большие лекционные потоки¹⁸.

Не будет ошибкой утверждение о том, что в рамках фундаментального (знаниевого) под-

¹⁶ Ульянина О. А. Компетентностный подход в научной парадигме российского образования // Психолого-педагогические исследования. 2018. Т. 10. № 2. С. 135–147.

¹⁷ Ситникова С. Ю., Шестернина В. В. Сравнительный анализ реализации знаниевой и компетентностной моделей образования в учреждении высшего образования // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 2. С. 157–159.

¹⁸ Ситникова С. Ю., Шестернина В. В. Указ. соч. С. 158.

хода знания ложатся в основу гармоничного всестороннего развития личности и являются целью образовательного процесса, а не средством развития компетентности обучающихся. При этом следует подчеркнуть, что подход, основанный на компетенциях, ни в коей мере не принижает роль знаний. Напротив, знания необходимы как для осуществления деятельности, так и для дальнейшего обучения.

При компетентностном подходе к образованию меняется роль знаний: они воспринимаются лишь как база для формирования умений, а в дальнейшем навыков, опыта. Компетентностный подход призван придать образовательному процессу предметно-профессиональный аспект. Получение определенной суммы знаний как основная цель образования является терминальным предписанием и соответствует социокультурному контексту индустриального общества, а развитие компетентной личности — это новая цель образования и новые предписания, когда в содержании компетенций отражаются ожидания современного общества¹⁹.

При этом у компетентностного подхода есть и существенные недостатки. В компетентностной модели образование воспринимается как способ приращивания человеческого капитала. У истоков теории человеческого капитала стояли известные экономисты так называемой чикагской школы (Т. Шульц, Г. Бэккер), выделившие само понятие «человеческий капитал» и рассматривавшие образование как инвестиционную отрасль, в дальнейшем призванную обеспечить конкурентоспособность обучающегося на рынке труда. Как следствие, существенным недостатком компетентностного подхода являются последствия включения образования в бизнес-контекст, формирующие прагматичное (порой циничное) отношение к знаниям. Обучающийся естественным образом начинает пренебрегать знаниями, которые на конкретном этапе обучения видятся ему ненужными, не связанными непосредственно с его будущей профессиональной деятельностью²⁰.

Неверно будет утверждать, что фундаментальная (знаниевая) и компетентностная модели несовместимы. Следует согласиться с тем,

что если говорить о действительно существенных противоречиях между двумя рассматриваемыми моделями образования, то их нет. Имеют место различия, но не принципиальная несовместимость. Речь, скорее, нужно вести о том, что фундаментальный и компетентностный подходы к образовательному процессу характеризуются общей целью (формирование личности и подготовка профессионала), но по-разному подходят к ее достижению.

Нет сомнений, что прикладное знание, равно как и прикладное образование, необходимо, но оно быстро устаревает, особенно в современном обществе. Фундаментальное знание как отражение основ фундаментальной науки остается базой, на которой всегда можно возвести любое новое здание прикладного знания. Данный тезис приобретает особую актуальность в контексте технологической революции и развития технологий искусственного интеллекта, которые в ближайшем будущем неизбежно приведут к утрате спроса на многие традиционные профессии и необходимости быстрого перепрофилирования. Поэтому разумным представляется не идти по пути противопоставления фундаментального и компетентностного подходов, а искать возможные способы их продуктивного синтеза²¹.

Компетентностная модель образования, в сравнении со знаниевой, ценностно ориентирована на рациональность, конкретный материальный результат и экономический успех. Знаниевая модель идеально ориентирована. Тем не менее именно знаниевая модель представляется для профессионального становления более значимой и целесообразной. В понятии «образовательный процесс» должны органично соединяться рационально-познавательный и ценностный аспекты бытия человека в мире.

При этом, как показала практика, несмотря на нормативное закрепление в ФГОС высшего образования компетентностного подхода как де-юре обязательного при разработке основных образовательных программ, данный подход за весь период его активного внедрения в образовательную практику так и не был реализован де-факто. Следует согласиться с тем, что компетентностный подход предполагает

¹⁹ Прямикова Е. В. Компетентностный подход в современном образовательном пространстве: функциональное и структурное содержание : автореф. дис. ... д-ра соц. наук. Екатеринбург, 2012. С. 5.

²⁰ Жукоцкая А. В., Черненко С. В. Компетентностный и знаниевый подходы в образовании: борьба или единство // Вестник МГПУ. 2017. № 3. С. 64–71.

²¹ Ситникова С. Ю., Шестернина В. В. Указ. соч. С. 157.

кардинальное изменение функций, институциональных характеристик, структурных и функциональных компонентов содержания образования, нормативных предписаний и повседневных практик, а не только способов измерения результата образования. Значительная (как представляется бóльшая) часть научно-педагогических работников рассматривает компетентностный подход как временное следствие управленческих решений, ничего не меняющее в функционировании образовательной сферы²².

Реализация компетентностного подхода зачастую сводится к формальной привязке закрепленных в ФГОС компетенций к сформированной на протяжении длительных периодов (порой десятилетий) системе знаний, умений, навыков и опыта по тем или иным учебным дисциплинам (комплексам дисциплин). Реального применения компетентностного подхода при разработке образовательных программ, предполагающего, как мы отмечали выше, декомпозицию компетенций на опыт, навыки, умения и знания, в большинстве случаев не происходит.

Как представляется, причиной крайне медленного восприятия российской образовательной системой компетентностного подхода служит не столько инертность научно-педагогического состава, сколько неэффективность такого подхода по отношению ко многим специальностям в принципе (в области социального управления, юриспруденции, журналистики, культурологии и многих других). Следует признать, что для таких специальностей требуются выпускники, обладающие прежде всего широким мировоззрением, ориентирующиеся в значительном круге социальных вопросов (в том числе нестандартных, нетипичных), объем которых просто невозможно (и не имеет особого смысла пытаться) охватить строго определенными формулировками компетенций как результатов освоения образовательной программы. Разработчики основных образовательных программ естественным образом противятся принудительному и безальтернативному внедрению компетентностного подхода.

Важно отметить, что безальтернативное внедрение компетентностного подхода в российский образовательный процесс не просто не имеет смысла применительно к целому ряду специальностей и направлений подготовки, но и представляет собой один из ключевых факторов бюрократизации российской образовательной системы. Разработчики образовательных программ (которые сами же их реализуют как субъекты научно-педагогической деятельности), осознавая неэффективность компетентностного подхода, вынуждены тратить рабочее время и, что еще важнее, интеллектуальную и физическую энергию на обеспечение формального соответствия программ требованиям ФГОС. Разработчикам приходится искусственно декомпозировать спорные и часто неудачно сформулированные компетенции на знания, умения и владения, дифференцируя их в контексте шкал оценивания, подгонять под формулировки этих компетенций содержание тематического плана учебных дисциплин и оценочные средства, которые формировались и актуализировались на протяжении многих лет и десятилетий. Фактически научно-педагогические работники, разрабатывающие основные образовательные программы на основе компетентностного подхода, вынуждены тратить рабочее время на документацию, которая в действительности никак не связана с образовательным процессом. В конечном счете это приводит к утомляемости научно-педагогических работников от рутинной механической деятельности, не связанной непосредственно с наукой и преподаванием, снижению их интеллектуальной активности. Очевидно, что такое положение вещей существенно снижает и качество образовательного процесса в целом.

В контексте сказанного позитивно следует оценить законодательные изменения, направленные на отказ от компетентностного подхода при подготовке научных и научно-педагогических кадров²³. Согласно данным изменениям программы обучения в аспирантуре должны формироваться на основе федеральных государственных требований (а не ФГОС, как это

²² Яковлева И. В., Косенко Т. С. Компетентностный и знаниевый подходы: философско-образовательные проблемы понимания и применения // Профессиональное образование в современном мире. 2020. Т. 10. № 1. С. 3474–3480.

²³ Федеральный закон от 30.12.2020 № 517-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 1 (ч. I). Ст. 56.

было до внесения изменений). Федеральные государственные требования утверждаются приказом Минобрнауки России²⁴, универсальны для всех научных специальностей и устанавливаются по отношению к структуре программ аспирантуры, условиям их реализации и срокам освоения (но не к результатам освоения образовательных программ). На практике это означает, что применение компетентного подхода при разработке образовательных программ аспирантуры (адъюнктуры) более не является обязательным.

Компетентный подход эффективен при конструировании образовательных программ по новым или относительно новым профессиям, которые пришли и продолжают приходить в российскую социальную жизнь вместе с развитием технологий и рыночных отношений. В качестве ярких примеров можно привести блогинг; графический дизайн; деятельность в области разработки и использования нейросетей; менеджмент в торговле, в коммерческой деятельности; управление интеллектуальной собственностью и т.п. Таким видам деятельности (многие из которых еще только предстоит внести в Общероссийский классификатор профессий) профессионалы обучаются самостоятельно, передавая друг другу накопленный опыт. Компетентный подход как раз и позволяет сформировать образовательную программу по специальности, отталкиваясь от опыта. Но в отношении традиционных специальностей и формировавшихся на протяжении многих лет образовательных программ по этим специальностям принудительное внедрение компетентного подхода приводит лишь к бюрократизации научно-педагогической деятельности и снижению качества образования.

Научно-педагогический состав вузов при разработке образовательных программ не должен быть скован закрепленными в ФГОС формулировками компетенций. Выбор между фундаментальным и компетентным подходом (а возможно, и в пользу их разумного сочетания) при разработке образовательных программ по конкретным специальностям, а также определение результатов освоения таких

программ во взаимодействии с сообществами работодателей должно быть прерогативой вузов.

Выражаясь абстрактно, внедрение Болонских стандартов привело к системному сбою, вызванному столкновением двух противоположных по вектору (но не являющихся несовместимыми в принципе) подходов к конструированию образовательных программ. Поэтому верным на сегодняшнем этапе развития высшего образования видится возврат к фундаментальному (знаниевому) подходу в высшем образовании для всех специальностей по умолчанию. При этом компетентный подход необходимо внедрять разумно и лишь для тех специальностей, в отношении которых он объективно более эффективен. Право выбора того или иного подхода (а, возможно, выбора в пользу их разумного сочетания в рамках отдельных образовательных программ) целесообразно оставить за вузами. Такое основополагающее для отечественного высшего образования решение следует законодательно закрепить в виде принципа государственной политики в области образования. Отметим также, что в этом случае важной методической задачей Минобрнауки России станет разработка критериев выбора между фундаментальным и компетентным подходом при разработке образовательных программ и соответствующих методических рекомендаций.

Заключение

По результатам проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы и предложения:

1. На современном историческом этапе Российская Федерация в очередной раз столкнулась с необходимостью реформирования системы высшего образования. В основу такого реформирования должен лечь принцип разумного сочетания лучших достижений отечественного образования с опытом последних десятилетий.
2. Государственную политику в области высшего образования следует переориенти-

²⁴ Приказ Минобрнауки России от 20.10.2021 № 951 «Об утверждении федеральных государственных требований к структуре программ подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктура), условиям их реализации, срокам освоения этих программ с учетом различных форм обучения, образовательных технологий и особенностей отдельных категорий аспирантов (адъюнктов)» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 23.11.2021).

ровать на возврат к фундаментальному (знаниевому) подходу в высшем образовании по общему правилу для всех специальностей. При этом компетентностный подход необходимо внедрять разумно и лишь для тех специальностей, для которых он объективно более эффективен.

3. С точки зрения юридической техники такое принципиальное решение может быть оформлено путем внесения следующих изменений в Федеральный закон № 273-ФЗ:

— дополнить ст. 3 пунктом 13: «сохранение национальных традиций фундаментального подхода к разработке образовательных программ высшего образования при разумном внедрении компетентностного подхода в отношении отдельных специальностей и направлений подготовки»;

— пункт 4 ч. 1 ст. 11 изложить в следующей редакции: «государственные гарантии уровня и качества образования на основе единства обя-

зательных требований к условиям реализации основных образовательных программ»;

— пункт 3 ч. 3 ст. 11 исключить;

— дополнить ст. 28 пунктом 4.2: «Образовательные организации высшего образования самостоятельно на основе консультаций с представителями работодателей (и их объединений) осуществляют выбор между фундаментальным и компетентностным подходом к формированию образовательных программ высшего образования. Допускается также сочетание указанных подходов в рамках отдельных образовательных программ. Федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере высшего образования, определяет критерии выбора между фундаментальным и компетентностным подходом при разработке образовательных программ, разрабатывает соответствующие методические рекомендации».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Блинов В. И., Виненко В. Г., Сергеев И. С. Методика преподавания в высшей школе. М. : Юрайт, 2023. 315 с.

Давыденко Т. М. О ходе выполнения работ по переходу на государственные образовательные стандарты нового поколения // URL: <https://dropdoc.ru/doc/671083/o-hode-vypolneniya-rabot-po-perehodu> (дата обращения: 25.05.2023).

Долинская В. В. Новый Закон об образовании: вопросы взаимодействия государства, вузов и профессорско-преподавательского состава в обеспечении ФГОС ВПО // *Цивилист.* 2013. № 3. С. 23–34.

Жукоцкая А. В., Черненко С. В. Компетентностный и знаниевый подходы в образовании: борьба или единство // *Вестник МГПУ.* 2017. № 3. С. 64–71.

Кудряшова С. Н. Национальная система квалификаций как инструмент государственной политики на рынке труда // *Трудовое право в России и за рубежом.* 2019. № 2. С. 24–26.

Липин Д. А. Болонская образовательная система в аспекте защиты суверенитета Российской Федерации // *Государственная власть и местное самоуправление.* 2022. № 8. С. 13–15.

Прямикова Е. В. Компетентностный подход в современном образовательном пространстве: функциональное и структурное содержание : автореф. дис. ... д-ра соц. наук. Екатеринбург, 2012. С. 5.

Ситникова С. Ю., Шестернина В. В. Сравнительный анализ реализации знаниевой и компетентностной моделей образования в учреждении высшего образования // *Общество: социология, психология, педагогика.* 2016. № 2. С. 157–159.

Тадтаев Г., Фурсеев И. Минобрнауки заявило о планах отказаться от Болонской системы // *РБК. Новости.* 2022. 24 мая.

Ульянина О. А. Компетентностный подход в научной парадигме российского образования // *Психолого-педагогические исследования.* 2018. Т. 10. № 2. С. 135–147.

Яковлева И. В., Косенко Т. С. Компетентностный и знаниевый подходы: философско-образовательные проблемы понимания и применения // *Профессиональное образование в современном мире.* 2020. Т. 10. № 1. С. 3474–3480.

REFERENCES

- Blinov VI, Vinenko VG, Sergeev IS. Methods of teaching in higher school. Moscow: Yurayt Publ.; 2023. (In Russ.).
- Davydenko TM. About the progress of work on the transition to the state educational standards of the new generation. Available from: <https://dropdoc.ru/doc/671083/o-hode-vypolneniya-rabot-po-perehodu> [cited 2023 May 25]. (In Russ.).
- Dolinskaya VV. The new Law on Education: Issues of interaction between the state, universities and teaching staff in ensuring the Federal State Educational Standard of Higher Education. *Tsivilist*. 2013;3:23-34. (In Russ.).
- Kudryashova SN. National qualifications system as a tool of state policy in the labor market. *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom [Labour Law in Russia and Abroad]*. 2019;2:24-26. (In Russ.).
- Lipin DA. The Bologna Educational System in the aspect of protecting the sovereignty of the Russian Federation. *Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie [State Power and Local Self-Government]*. 2022;8:13-15. (In Russ.).
- Pryamikova EV. Competence approach in the modern educational environment: Functional and structural content. The Author's abstract of the Dr. Diss. (Social Studies). Ekaterinburg; 2012. (In Russ.). p. 5. (In Russ.).
- Sitnikova SYu, Shesternina VV. Comparative analysis of the implementation of knowledge and competence models of education in a higher education institution. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*. 2016;2:157-159. (In Russ.).
- Tadtaev G, Furseev I. The Ministry of Education and Science announced plans to abandon the Bologna system. *RBK. News*. 2022. May 24. (In Russ.).
- Ulyanina OA. Competence-based approach in the scientific paradigm of Russian education. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya*. 2018;10(2):135-147. (In Russ.).
- Yakovleva IV, Kosenko TS. Competence and knowledge approaches: Philosophical and educational problems of understanding and application. *Professionalnoe obrazovanie v sovremennom mire*. 2020;10(1):3474-3480. (In Russ.).
- Zhukotskaya AV, Chernenkaya SV. Competence and knowledge approaches in education: Struggle or unity. *Vestnik MGPU*. 2017;3:64-71. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кулаков Николай Андреевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России
д. 1, Летчика Пилутова ул., г. Санкт-Петербург 198206, Российская Федерация
2-kvadrat@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolay A. Kulakov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Administrative Law, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
1, Pilot Pilyutova St., St. Petersburg 198206, Russian Federation
2-kvadrat@mail.ru

Материал поступил в редакцию 1 июня 2023 г.

Статья получена после рецензирования 26 июня 2023 г.

Принята к печати 17 октября 2023 г.

Received 01.06.2023.

Revised 26.06.2023.

Accepted 17.10.2023.

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ PROBLEMA PRINCIPALE

DOI: 10.17803/1729-5920.2023.204.11.140-153

В. В. Шаханов

Владимирский филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС)
г. Владимир, Российская Федерация

Концепция уровневой организации научного познания как инструмент систематизации понятийно-категориального аппарата юриспруденции

Резюме. Правовые понятия (категории) не могут существовать отдельно друг от друга, так как находятся в рамках действия определенной системы, которая стремится к упорядоченности. Для систематизации понятийно-категориального аппарата применяются различные подходы, которые хотя не исключают друг друга, но слабо коррелируют между собой. Существование «раз и навсегда данных» систем упорядочивания понятийно-категориального аппарата юриспруденции не отвечает потребностям юридической науки и практики. Понятийно-категориальная матрица юриспруденции должна строиться на основе гибких подходов, учитывающих особенности используемого уровня научного познания, контекстуальность анализируемого феномена и др. Для решения таких задач оптимальна концепция уровневой организации научного познания, согласно которой в каждой развитой науке существует несколько уровней научного познания: эмпирический, теоретический и метатеоретический. Конкретизация используемых на этих уровнях структурных и содержательных элементов применительно к юриспруденции должна стать одной из задач теории права. Уровневая организация научного познания позволяет систематизировать понятийно-категориальный аппарат юриспруденции с учетом специфики его использования на разных уровнях познавательной деятельности, оптимальна для изучения механизма взаимосвязи правовых категорий. Уровневый подход к познанию явлений правовой действительности необходимо дополнить элементами, на которых осуществляются межуровневые взаимосвязи — «границы смыслов» между эмпирическим и теоретическим уровнями, а также между теоретическим и метатеоретическим уровнями. Дисциплинарная матрица юридической науки имеет сложную многоуровневую структуру, в рамках которой правовые категории меняют свой функционал в зависимости от используемого уровня научного познания. На эмпирическом уровне понятийно-категориальный аппарат применяется, на теоретическом разрабатывается, с использованием метатеоретического уровня верифицируется и актуализируется. Система понятийно-категориального аппарата юриспруденции включает в себя в числе прочих элементы, дающие представление о звеньях и связях в логической структуре объектного (познаваемого) явления, отражающие его первооснову и сущностные доминанты, — правовые метафеномены. Их выделение основано на использовании концепции уровневой организации научного познания.

Ключевые слова: познание права; уровни юридического познания; понятийный ряд; правовые категории; юридическая терминология; система правовых категорий; понятийно-категориальный аппарат; взаимосвязи правовых категорий; граница смыслов; правовые метафеномены

© Шаханов В. В., 2023

Для цитирования: Шаханов В. В. Концепция уровневой организации научного познания как инструмент систематизации понятийно-категориального аппарата юриспруденции. *Lex russica*. 2023. Т. 76. № 11. С. 140–153. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.204.11.140-153

The Concept of Level Organization of Scientific Knowledge as a Tool for Systematization of Conceptual and Categorical Apparatus of Jurisprudence

Vyacheslav V. Shakhonov

Vladimir Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation (RANEPA)
Vladimir, Russian Federation

Abstract. Legal concepts (categories) cannot exist separately from each other, since they are present within the framework of a certain system that strives for orderliness. To systematize the conceptual and categorical apparatus various approaches are used, which, although they do not exclude each other, but weakly correlate with each other. The existence of «once and for all given» systems of ordering the conceptual and categorical apparatus of jurisprudence does not meet the needs of legal science and practice. The conceptual and categorical matrix of jurisprudence should be based on flexible approaches that take into account the peculiarities of the level of scientific knowledge used, the contextuality of the analyzed phenomenon, etc. To solve such problems, the concept of the level organization of scientific knowledge is optimal, according to which in every developed science there are several levels of scientific knowledge: empirical, theoretical and metatheoretical. The specification of the structural and substantive elements used at these levels in relation to jurisprudence should become one of the tasks of the theory of law. The level-based organization of scientific cognition makes it possible to systematize the conceptual and categorical apparatus of jurisprudence, taking into account the specifics of its use at different levels of cognitive activity, is optimal for studying the mechanism of interrelation of legal categories. The tiered approach to the cognition of the legal reality phenomena must be supplemented with elements on which inter-level relationships are carried out — the «boundaries of meanings» between the empirical and theoretical levels, as well as between the theoretical and metatheoretical levels. The disciplinary matrix of legal science has a complex multilevel structure, within which legal categories change their functionality depending on the level of scientific knowledge used. At the empirical level, the conceptual and categorical apparatus is applied, at the theoretical level it is developed, verified and updated using the metatheoretical level. The system of the conceptual and categorical apparatus of jurisprudence includes, among other things, elements that give an idea of the links and connections in the logical structure of an object (cognizable) phenomenon, reflecting its primary basis and essential dominants — legal metaphenomena. Their allocation is based on the use of the concept of the level organization of scientific knowledge.

Keywords: legal cognition; levels of legal cognition; concept list; legal categories; legal terminology; system of legal categories; conceptual and categorical apparatus; interrelationships of legal categories; border of meanings; legal metaphenomena

Cite as: Shakhonov VV. The Concept of Level Organization of Scientific Knowledge as a Tool for Systematization of Conceptual and Categorical Apparatus of Jurisprudence. *Lex russica*. 2023;76(11):140-153. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2023.204.11.140-153

Введение

Юридическая наука имеет масштабный терминологический аппарат, систематизировать который проблематично. Попытки приведения его к единому знаменателю весьма любопытны. Ни одна из них не привела к безоговорочной победе.

Локальные успехи были¹, но перерасти в нечто большее не смогли. Здесь напрашиваются два диаметрально противоположных предположения. Первое заключается в принципиальной невозможности систематизации понятийного аппарата гуманитарных наук ввиду их дискуссионности, диалогичности, контекстуальности,

¹ Безусловный приоритет в этом направлении имеет теория понятийных рядов правовых категорий, разработанная А. М. Васильевым (см.: *Васильев А. М.* Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права : монография. Репр. изд. М. : Норма : Инфра-М, 2021).

многовекторности и т.п. Второе состоит в том, что дисциплинарная матрица, лежащая в основании гуманитарного знания, имеет более сложную структуру, чем та система координат, в которую пытаются поместить наличное знание с целью его систематизации. Первое (т.е. принципиальная неупорядоченность) будет иметь право на существование до тех пор, пока не доказано второе.

В настоящей статье мы обозначим проблемы систематизации понятийного аппарата юридической науки и проанализируем возможности уровневого подхода к организации познавательной деятельности в их решении.

Проблемы систематизации терминологического аппарата юриспруденции и формы его упорядочивания

Проблема систематизации понятийно-категориального аппарата юриспруденции не нова. Существенных успехов в этом направлении достиг А. М. Васильев, который обосновал и конкретизировал гипотезу логической структуры теории права, определяемой системой ее основных понятий — правовых категорий². При этом он использовал эвристические возможности конструкции «понятийные ряды», конкретизировав их для нужд юридической науки (структурные, исторические и функциональные понятийные ряды правовых категорий), а также диалектический потенциал парных явлений при исследовании парных правовых категорий. Сам автор признавал, что наметил лишь «общие контуры понятийной системы теории права, характеризующие особенности теоретического позна-

ния правовой сферы общественной жизни»³. С момента выхода монографии А. М. Васильева прошло уже 46 лет, а проблематика логических рядов теории государства и права с тех пор не уточнялась и не дополнялась на сопоставимом с этой работой уровне⁴. Не нужно упускать из вида того факта, что систематизацией понятийного аппарата юриспруденции в целом не занимались вообще, очевидно исходя из кажущейся бесперспективности этого мероприятия, отраженной в афоризме Козьмы Пруткова: «Никто не обнимет необъятного». Необходимое для этой цели взаимодействие специалистов в области теории права и отраслевых дисциплин вряд ли можно охарактеризовать как симбиоз. Отраслевики масштабно развивают свой терминологический аппарат, «в высшей степени развитый и вполне самодостаточный», не обращая внимание на общетеоретические наработки в этой сфере, признавая лишь на словах «базовую роль теоретической науки»⁵.

Юридическая наука объективно нуждается в продолжении работы по систематизации своего понятийно-категориального аппарата. Бессистемное использование понятийного аппарата юриспруденции разрушает ее как целостное, системное явление, ставит под сомнение ее регулятивные способности. В ходе систематизации необходимо принимать во внимание множество факторов: правовые категории могут обесцениться, в этом случае возможен пересмотр занимаемого ими места в системе правовых категорий⁶; в ходе развития научной мысли появляются новые юридические термины, которые конкурируют с уже существующими понятиями⁷; введенная в научный оборот

² См.: Васильев А. М. Указ. соч.

³ Васильев А. М. Указ. соч. С. 13.

⁴ Мамчун В. В. Критерии классификации риска в юридической деятельности // Критерии в праве: теория, практика, техника : сборник статей по материалам Всерос. науч.-практ. конференции (Н. Новгород, 24–25 мая 2018 г.) / под общ. ред. В. А. Толстика, П. В. Васильева. Н. Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2018. С. 245–246.

⁵ См.: Жуков В. Н. Государство. Право. Власть : Философия и социология. М. : Мир философии, 2015. С. 483.

⁶ См.: Баринов П. С. Обесценивание правовых категорий : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2019.

⁷ Например, термин «юридический концепт действительности», введенный в научный оборот Г. А. Гаджиевым (Гаджиев Г. А. Онтология права : (критическое осмысление юридического концепта действительности) : монография. М. : Норма : Инфра-М, 2014. С. 282), конкурирует, на наш взгляд, с терминами «правовая парадигма», «стиль юридического мышления», «юридическая картина мира». Термин «циклические нормативные массивы», введенный Т. Я. Хабриевой (Хабриева Т. Я. Циклические нормативные массивы в праве // Журнал российского права. 2019. № 12. С. 8), конкурирует с понятием «правовой институт». Безусловно, авторы приводят убедительные аргументы в пользу самостоятельной ценности и необходимости существования введенных ими правовых категорий, однако говорить о научном консенсусе по этому поводу еще рано.

терминология подвергается ревизии со стороны других ученых, которые могут, соглашаясь с актуальностью термина, предлагать новые подходы к его содержанию⁸; развитие общественных отношений диктует необходимость появления новых направлений в юридической науке, опосредуемых собственным понятийным аппаратом⁹; введение новых правовых институтов может потребовать пересмотра концептуальных позиций в отношении содержания уже устоявшейся терминологии¹⁰; понятийный аппарат подвергается изменениям в силу идеологических мотивов¹¹; юридическая терминология, не находя единства в понимании, часто определяется с позиций узкого и широкого подходов, что затрудняет ее систематизацию¹².

Систематизация понятийно-категориального аппарата юриспруденции должна использовать потенциал не только больших, но и малых форм. Так, удачной следует признать попытку «тематического» раскрытия терминологического аппарата юриспруденции сквозь призму логико-языковых феноменов¹³. Существенный интерес для систематизации представляет исследование категорий онтологии права (категории правовой действительности, онтологической структуры права, юридического концепта действительности)¹⁴. Весомый вклад в понимание терминологических взаимосвязей вносят исследования в сфере юридической лексикологии¹⁵. Наблюдается прогресс в изучении парных правовых категорий¹⁶. Анализу подвергаются

⁸ Так, Ю. А. Веденеев, считает, что введенный Г. А. Гаджиевым термин «юридический концепт действительности» представляет научный интерес, но предлагает свою интерпретацию его содержания (см.: *Веденеев Ю. А.* Юриспруденция: явление и понятие. Введение в генеалогию языка концептуальных парадигм : монография. М. : Проспект, 2022. С. 78–79).

⁹ Так, развитие общественных отношений в сфере передачи и обработки информации привело к созданию науки информационного права, в рамках которой стали оперировать новыми понятиями: «право искусственного интеллекта», «цифровая зрелость», «квантовые коммуникации», «цифровизация» и др. (об этом см., например: *Полякова Т. А., Минбалева А. В., Кроткова Н. В.* Основные тенденции и проблемы развития науки информационного права // Государство и право. 2022. № 9. С. 94–104).

¹⁰ Так, введение института уголовно-правовой ответственности юридического лица потребовало бы пересмотра доктринальных подходов к установлению уголовной ответственности за виновно совершенные деяния (см.: *Хабриева Т. Я., Нудель С. Л.* Научные подходы к проблеме уголовной ответственности юридических лиц (рецензия на монографию профессора А. В. Федорова «Уголовная ответственность юридических лиц в постсоветских государствах» (М. : Юрлитинформ, 2022. 248 с.)) // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 10. С. 147).

¹¹ Подобного рода изменения имели место, например, в ходе закрепления правовыми средствами коммунистических идеалов. Так, в источниках уголовного права СССР и РСФСР 1930-х гг. произошел отказ от термина «наказание» в пользу словосочетания «мера социальной защиты». Тем самым, как отмечает П. В. Крашенинников, подчеркивался сугубо оборонительный характер социалистического репрессивного законодательства (*Крашенинников П. В.* Страсти по праву : Очерки о праве военного коммунизма и советском праве. 1917–1938. М. : Статут, 2018. С. 83).

¹² Так, А. Ф. Черданцев под правовой культурой в широком смысле слова предлагает понимать «всё, что создано человечеством в правовой сфере: право, правовая наука, правосознание, юридическая практика. <...> В “узком” смысле слова правовая культура — это уровень знания права членами общества, уважительное отношение к праву, высокий престиж права в обществе» (*Черданцев А. Ф.* Теория государства и права : учебник для вузов. М. : Юрайт, 2001. С. 340–341). Уже давно набили оскомину узкий и широкий подходы к категории «правопонимание» (см., например: *Байтин М. И.* Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). М. : Право и государство, 2005. С. 56).

¹³ См.: *Черданцев А. Ф.* Логико-языковые феномены в юриспруденции : монография. М. : Норма : Инфра-М, 2012.

¹⁴ См.: *Гаджиев Г. А.* Онтология права : (критическое исследование юридического концепта действительности). М. : Норма : Инфра-М, 2013. С. 11.

¹⁵ См., например: *Ушаков А. А.* Очерки советской законодательной стилистики : учеб. пособие. Пермь : Пермский ун-т, 1967 ; *Власенко Н. А.* Язык права. Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1997 ; *Губаева Т. В.* Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. М. : Норма, 2004.

¹⁶ См.: *Деркач Т. В.* Частное и публичное право как парные юридические категории : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Саратов, 2011 ; *Лапинский Д. А., Мусаткина А. А.* Альтернативные и безальтернативные санкции как парные юридические категории // Юридические исследования. 2017. № 12.

взаимосвязи и понятийные ряды отраслевых правовых категорий¹⁷.

В некоторых случаях весьма эффективно применяется «упрощенная система координат» в виде горизонтального и вертикального структурирования. Например, Т. Н. Радько, объясняя различие системы права и системы законодательства, отмечает, что первая «отражает главным образом горизонтальное расположение составляющих ее элементов», а вторая «характеризует в большей степени вертикальное строение и взаимосвязь входящих в нее правовых актов»¹⁸. О вертикальных и горизонтальных связях как основе существования права социальных иерархий и об их отсутствии в сетевых нормативных моделях говорит Ю. А. Веденеев¹⁹. В международном праве используют методы горизонтального и вертикального международно-правового регулирования²⁰. Правовая система как совокупность элементов, взаимосвязанность которых может быть обнаружена как по горизонтали, так и по вертикали, рассматривалась в контексте использования метафеноменов теоретического и философского уровней²¹. Применение подобного приема имеет право на существование, но

только в условиях учета не более двух факторов. Чаще же имеет место многофакторность, что требует использования более гибких подходов, учитывающих многомерность правового пространства. Многомерность проявляется не только в многофакторности, но и в многоуровневости. Уровневый подход к познанию права может использоваться и для совершенствования систематизации понятийно-категориального аппарата юриспруденции.

Уровневый подход к организации познавательной деятельности в юриспруденции

В юриспруденции из всех известных науке систем, предназначенных для упорядочения познавательной деятельности, наибольшее признание получила уровневая система, включающая три уровня знания о праве. Впервые о ней заговорили в связи с попыткой разграничения социологии права, общей теории права и философии права²². Позднее этот методологический подход использовали С. С. Алексеев²³, О. Э. Лейст²⁴ и другие исследователи. В последние годы интерес к теме уровневой организации

С. 71–81 ; *Курышев Е. Ю.* Традиции и инновации как парные правовые категории // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 2 (109). С. 153–157 ; *Панченко В. Ю.* Юридическое противодействие и юридическое содействие как парные правовые категории // Lex russica. 2015. № 12 (Т. 109). С. 30–42 ; *Лесовая Т. С.* Конкретизация права и определенность права как парные правовые категории : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020 ; *Рудаков А. А.* Права и обязанности как парные юридические категории : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Красноярск, 2007 ; *Нырков В. В.* Поощрение и наказание как парные юридические категории : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Саратов, 2003 ; *Малько А. В.* Стимулы и ограничения как парные юридические категории // Правоведение. 1995. № 1. С. 3–13.

¹⁷ См.: *Автономов А. С.* Системность категорий конституционного права : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02. М., 1999 ; *Коваленко О. Н.* Понятийный ряд категории «функции уголовного права» // Социально-экономические, гуманитарные науки и юриспруденция: вопросы теории и практики : сборник материалов III Международной научно-практической конференции (Новосибирск, 2–14 февраля 2018 г.). Новосибирск : Центр развития научного сотрудничества, 2018. С. 101–108.

¹⁸ *Радько Т. Н.* Теория государства и права : учебник М. : Проспект, 2010. С. 392.

¹⁹ См.: *Веденеев Ю. А.* Указ. соч. С. 298.

²⁰ См.: Правовое пространство: границы и динамика : монография / Ю. А. Тихомиров, А. А. Головина, И. В. Плюгина [и др.] ; отв. ред. Ю. А. Тихомиров. М. : ИЗиСП при Правительстве РФ : Инфра-М, 2019. С. 133.

²¹ См.: *Шаханов В. В.* «Горизонтальное» и «вертикальное» структурирование элементов правовой системы как отражение ее метафеноменальности (к вопросу о понятийных рядах правовых категорий) // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 2. С. 114–119.

²² В 1970-х гг. в советской юридической науке говорили о необходимости выделения подотраслей в теоретическом правоведении, его разделении на философию права, юридическую концепцию и социологию права (об этом см.: *Васильев А. М.* Указ. соч. С. 35).

²³ С. С. Алексеев выделял три грани права: догму права, правовое содержание, правовые идеи (*Алексеев С. С.* Право: азбука — теория — философия : Опыт комплексного исследования. М. : Статут, 1999. С. 275, 291–293).

²⁴ См.: *Лейст О. Э.* Сущность права. Проблемы теории и философии права. М. : Зерцало-М, 2002. С. 217.

научного знания в юриспруденции возвращается²⁵.

Уровневый подход к познанию явлений правовой действительности отражает общенаучный подход к структуре научного знания. Согласно сложившимся в современной науке представлениям в этой сфере, научное знание развивается от эмпирии, через теоретические обобщения к метатеоретическим вершинам²⁶. Но так было не всегда. Проблемой соотношения эмпирического и теоретического уровней занимались отечественные философы с 1950-х гг. Их наработки по данному вопросу должны быть учтены при редуцировании теории уровневой организации научного знания в правовую сферу. В то же время со стороны как отечественных, так и зарубежных авторов были предприняты попытки преодоления дихотомии эмпирии и теории путем введения нового уровня (метатеоретический или экстратеоретический), выступающего в качестве необходимой предпосылки теоретической деятельности в науке²⁷.

Несмотря на обособленность уровней познания права, предпринимаются попытки их наложения. Например, предлагается сделать теоретический уровень более эмпиричным. Подобные усилия предпринимаются не только в праве, уповая на «юриспруденцию понятий», «безжизненные теоретические конструкции» и т.п., но и на более общем уровне в рамках теории эпистемологии (теории познания). Так, предлагая рассматривать теорию познания как

эмпирическую науку, М. А. Розов отмечает, что имеет в виду не «плоский эмпиризм», а «симметрию эмпирического и теоретического»²⁸.

Полагаем, что нельзя сделать теорию эмпирической, эмпирию теоретической, теорию метатеоретической, метатеорию теоретической и т.п. Каждый уровень научного знания имеет свое научное предназначение, которое может быть реализовано в рамках определенного уровня, но чаще во взаимосвязи и взаимодействии с иными уровнями, что не должно приводить к наложению одного уровня на другой. Попытки слияния различных уровней научного познания деструктивны. Наиболее предпочтительно искать точки соприкосновения различных уровней научного знания в рамках объединяющих их границ («границы смыслов»).

Исследование уровневой организации научного познания для целей ее использования в юриспруденции будет иметь ценность лишь в случае привязки к проблемам юридической науки. В юридической литературе случаи наполнения уровней познания правовым содержанием весьма редки. Чаще исследователи довольствуются констатацией факта многоуровневости, реже пытаются описать эту многоуровневость в самых общих чертах²⁹. Задача юридического «опредмечивания» уровней познания права осложняется размытостью критериев их разграничения и дискуссионностью в определении набора элементов, составляющих их содержание. Каждый уровень познания имеет свой язык, тип деятельности, стиль научного мышле-

²⁵ См.: Сырых В. М. История и методология юридической науки : учебник по программам магистерской степени образования. М. : Норма : Инфра-М, 2013 ; Пахаруков А. А. Структура научного знания: эмпирический и теоретический уровни (на примере юридической науки) // Культура. Наука. Образование. 2019. № 3 (52). С. 23–57 ; Шаханов В. В. Метафеномены в праве: структура, элементный состав, методологические аспекты, оптимизация взаимодействия теоретического и метатеоретического уровней // Lex russica. 2021. Т. 74. № 1. С. 57–66.

²⁶ Наиболее основательно структура научного знания и его уровни описаны С. А. Лебедевым (Лебедев С. А. Научный метод: история и теория : монография. М. : Проспект, 2020. С. 5).

²⁷ См.: Пржиленский В. И. История и философия науки : учебник для аспирантов. М. : Норма : Инфра-М, 2022. С. 111.

²⁸ Розов М. А. Теория познания как эмпирическая наука // Эпистемология: перспективы развития / отв. ред. В. А. Лекторский. М. : Канон+, Реабилитация, 2012. С. 90.

²⁹ Так, В. Д. Первалов с использованием уровневого подхода в рамках одного абзаца объясняет появление реального права: от естественного через позитивное и идеальное к реальному (Первалов В. Д. Правовая доктрина: проблемы формирования и реализации : монография. М. : Норма : Инфра-М, 2022. С. 54). Более основательно к опредмечиванию уровневого подхода в праве подошел А. А. Пахаруков. Он анализирует место и роль правоотношений в структуре научного знания, предлагает разграничивать субъект права как элемент теоретического знания и участников общественных отношений как компонент объективной реальности, экстраполирует данный подход на понятия «правоспособность» и «юридическое лицо» (Пахаруков А. А. Указ. соч. С. 44–46).

ния, методологию. Конкретизация вышеуказанных элементов уровневой системы познания применительно к юриспруденции должна стать одной из задач теории права.

Содержание *эмпирической стадии* обычно сводят к «тактильным» ощущениям, порождаемым средствами, не требующими использования мыслительных операций выше уровня концептуальных построений³⁰. Хотя сама концепция может иметь весьма существенный теоретический посыл, выходить за пределы собственно эмпирического мышления. В таком виде концептуальное содержание уже выходит из сферы действия эмпирии, но не дотягивает до сферы действия теоретического уровня, пребывая на «границе смыслов» между эмпирическим и теоретическим уровнями. Готовность исследуемого материала для изучения средствами теоретического уровня должна определяться соответствующими критериями, прежде всего наличием объективных предпосылок к выявлению существенных связей. На эмпирическом уровне осуществляется применение понятийного аппарата.

Характеризуя *теоретический уровень*, нужно, во-первых, вспомнить о том, что у каждой отрасли права есть своя теория. Любая теория объективируется как совокупность понятий, категорий, закономерностей, принципов и

дефиниций. В качестве критерия соответствия результата мыслительной деятельности теоретическому уровню можно рассматривать «зрелость» теории. О зрелости теории свидетельствует ее высокий потенциал в выявлении новых закономерностей. В состав теоретического уровня, на наш взгляд, входят и правовые категории, призванные расширить представление об объектном явлении и обладающие для этого соответствующими инструментальными средствами. Мы предлагаем именовать их правовыми метафеноменами теоретического уровня³¹. Эти явления составляют своеобразный верхний этаж данного уровня. На теоретическом уровне осуществляется разработка понятийного аппарата. Возможна постановка вопроса о создании теории отдельных категорий³².

Метатеоретический уровень также располагает определенным набором метафеноменов, позволяющих осуществить переход от дискуссионности к мультипарадигмальности (правовые метафеномены философского уровня)³³. Кроме того, на этом уровне используются общенаучные средства познания (например, общенаучные понятия). Последние могут быть осмыслены на общетеоретическом уровне и объективированы в виде теории. В подобной интерпретации они становятся инструментальным средством

³⁰ Характеризуя данный уровень познания, А. М. Васильев отмечает, что «в эмпирических данных правовая действительность отражена в своих проявлениях, доступных наблюдению и живому созерцанию, т.е. со стороны внешне выраженных связей и отношений, представлена как констатация и описание определенных фактов» (Васильев А. М. Указ. соч. С. 152).

³¹ Под правовыми метафеноменами предлагается понимать явления теоретического и философского уровня, определяющие границы познания явлений правовой действительности и устанавливающие направление поиска, в целях изучения и восприятия явлений либо производных, либо взаимообусловленных. Они дают представление о звеньях и связях в логической структуре объектного (познаваемого) явления, отражают его первооснову и сущностные доминанты. Метафеноменальность правовых явлений проявляется в инструментальных возможностях регуляторного, эвристического, методологического и прогностического порядка по отношению к познаваемому (объектному) явлению. К правовым метафеноменам теоретического уровня мы относим: принципы права, функции права, правовые модели, правовые аксиомы, общеродовые (общевидовые) правовые теории (теория естественного права, теория позитивного права, теория правового государства и др.), понятийные ряды правовых категорий, юридические конструкции, общетеоретические правовые категории, правовые методы и др. Метафеноменами они являются не сами по себе, а по отношению к исследуемым явлениям. См.: Шаханов В. В. Метафеномены в праве: предназначение, критерии выделения, риски использования // Журнал российского права. 2019. № 12. С. 30–37.

³² Такой вопрос уже поставлен в сфере философского знания. См.: Алексеев П. В., Панин А. В. Философия : учебник М. : ТК Велби, Проспект, 2005. С. 83.

³³ В качестве правовых метафеноменов философского уровня мы рассматриваем правовые парадигмы, стили юридического мышления, правовую картину мира и иные однопорядковые явления. Метафеномены теоретического уровня необходимы для его упорядочения, противодействия засорению явлениями случайными, внесистемными, конъюнктурными. Метафеномены философского уровня отражают переход от дискуссионности к мультипарадигмальности, разнице в стиле мышления.

теоретического уровня познания. Метатеоретический уровень служит для верификации и актуализации понятийного аппарата.

Любое исследуемое правовое явление может иметь свои эмпирический, теоретический и метатеоретический этапы познания. Объектом познания могут быть, например, юридические факты. На эмпирическом уровне они познаются с целью либо доставки материала для дальнейшей теоретической обработки, либо для констатации возникновения правоотношения или его отсутствия. Накопленный объем эмпирической информации в случае необходимости подвергается научно-теоретическому осмыслению (например, уточняется теория юридических фактов), а может быть и не востребован следующим уровнем научного познания. На эмпирическом уровне факты устанавливаются и полученная о них информация (в основном методами наблюдения и эксперимента) оценивается на предмет перспективы исследования на теоретическом уровне. Это оценивание осуществляется на «границе смыслов» между эмпирическим и теоретическим уровнями. Аналогичные процессы имеют место и на «границе смыслов» между теоретическим и метатеоретическим уровнями. Разница будет заключаться лишь в цели осмысления соответствующего правового явления.

Система представляет собой «единство закономерно расположенных и находящихся во взаимной связи частей»³⁴. Поэтому принципиальной при исследовании вопроса систематизации понятийно-категориального аппарата юриспруденции является проблематика взаимосвязи правовых категорий.

Взаимосвязь правовых категорий на разных уровнях научного познания

Правовые понятия (категории) связаны между собой. Характеризуя эти связи, А. М. Васильев использовал следующие термины: «взаимо-

связь»³⁵, «взаимозависимость»³⁶, «соподчиненность»³⁷, «соотносимость»³⁸, «парная категориальная связь»³⁹, «субординация правовых категорий»⁴⁰. Термин «взаимодействие» используется им для отражения зависимости общественных явлений (явлений социальной реальности), элементов права (различных юридических элементов и звеньев) и элементов правовой формы⁴¹.

Полагаем, что ключевым понятием для обозначения всего спектра категориальных связей является «взаимосвязь». Именно в результате взаимосвязи правовых категорий проявляется их взаимозависимость, соподчиненность, соотносимость, субординация, парность (в отношении парных категорий). Описать разнообразие этих взаимосвязей — задача весьма непростая. Использование любой научной терминологии носит контекстуальный характер. Этот контекст опосредован множеством факторов, имеющих разноразноуровневую подоплеку.

Взаимосвязи правовых категорий осуществляются с учетом установленных философским знанием категориальных закономерностей. Изменение содержания одной категории влечет изменение содержания других, связанных с ней категорий. Пополняя состав имеющейся системы категорий, новая категория оказывает влияние на содержание других категорий этой системы⁴². Применительно к урвневой концепции организации научного знания следует учитывать, что теоретическое в одной системе отчета способно становиться эмпирическим в другой.

Взаимосвязь правовых категорий — это соотношение абстракций с позиций формальной и диалектической логики, познаваемое с использованием теоретического правового мышления. Здесь общественная практика как критерий правильности выводов наименее востребована. Теоретические выводы, основанные на логических умозаключениях, при исследовании данного типа взаимосвязей слабо вери-

³⁴ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Л. И. Скворцова. М.: Оникс: Мир и образование, 2009. С. 577.

³⁵ Васильев А. М. Указ. соч. С. 37, 208, 213.

³⁶ Васильев А. М. Указ. соч. С. 245.

³⁷ Васильев А. М. Указ. соч. С. 245.

³⁸ Васильев А. М. Указ. соч. С. 245.

³⁹ Васильев А. М. Указ. соч. С. 6, 246.

⁴⁰ Васильев А. М. Указ. соч. С. 135.

⁴¹ Васильев А. М. Указ. соч. С. 8, 98, 110, 155, 209, 213, 214, 236, 241, 249.

⁴² См.: Алексеев П. В., Панин А. В. Указ. соч. С. 85.

фицируются. Сложно определить с содержательной стороной базисных явлений для формулирования надстроечных позиций ввиду отсутствия эталонных ориентиров. Достоверность полученных выводов может быть оценена лишь в формате научной теории. А вот здесь юридическая наука испытывает определенный дефицит. Подобное положение дел обусловлено, на наш взгляд, тем, что дисциплинарная матрица юридической науки имеет сложную многоуровневую структуру, в рамках которой правовые категории меняют свой функционал в зависимости от используемого уровня научного познания.

Если уровни научного знания и познания уже имеют достаточно определенные очертания и дискуссия здесь развивается лишь в отношении количества этих уровней, то выявление механизма их связи и взаимодействия — задача более сложная. Так, С. А. Лебедев в качестве механизма связи разных уровней рассматривает интерпретацию «одного уровня знания в терминах другого, что предполагает отождествление или идентификацию их значений, или, другими словами, нахождение моделей одного уровня знания на других уровнях»⁴³. Полагаем, что для описания механизма межуровневой связи могут использоваться и другие термины. Например, для описания механизма связи различных уровней научного познания в направлении сверху вниз может использоваться термин «редукция» в случаях, когда речь идет об «упрощении, сведении сложного процесса к более простому»⁴⁴. Интерпретация представляет собой «истолкование, объяснение, разъяснение смысла, значения чего-либо»⁴⁵. Этот термин используется на каждом уровне познания и не всегда отражает специфику межуровневых взаимосвязей и взаимодействий. В данной сфере нельзя сбрасывать со счетов и эвристический потенциал понятий «дедукция» и «индукция».

Взаимосвязи правовых категорий не всегда очевидны. Например, категории «объект правового регулирования» и «предмет правового регулирования» тесно связаны с сущностью правопорядка, но не являются понятиями понятийного ряда данной абстракции⁴⁶.

Раскрывая межуровневые взаимосвязи, следует обратить внимание на то, что резкий переход от одного уровня научного познания к другому отсутствует, а некоторые правовые явления пребывают на границе между уровнями («граница смыслов»), которая эти уровни скорее объединяет, нежели разобщает. Правовые явления могут испытывать влияние со стороны «границы смыслов», в зоне действия которой возрастает фактор неопределенности. Некоторые явления зарождаются на «границе смыслов», в связи с чем постоянно испытывают кризис самоидентификации. Правовые категории сферы «правового воздействия» испытывают наибольшее влияние «границы смыслов» между теоретическим и метатеоретическим уровнями познания права. Трансформируясь в убеждение участников правового общения, такие категории, как правосознание, правовая культура, правовое воспитание, становятся предпосылкой в регулировании общественных отношений, «сопутствующими моментами регулирования»⁴⁷.

Описание взаимосвязей понятийно-категориального аппарата зависит от единообразия в понимании юридической терминологии, определяемого метатеоретическими предпочтениями исследователя. Одним из ключевых моментов для уточнения понятийно-категориального аппарата является принятие воззрений группы ученых (научного сообщества), разделяющих определенную правовую парадигму, действующих в рамках установленной юридической картины мира, использующих конкретный стиль юридического мышления. Один и тот же термин в устах адептов различных «парадигмальных предпочтений» может иметь различные смысловые оттенки. Точность юридической терминологии зависит от соответствия уровню научного познания, на котором она используется. Так, говорить о правовых парадигмах логично применительно к метатеоретическому уровню научного познания. На теоретическом уровне это будет правовая теория или юридическая концепция, в зависимости от степени разработанности.

Таким образом, взаимосвязь правовых категорий определяется множеством факторов,

⁴³ Лебедев С. А. Указ. соч. С. 412.

⁴⁴ Современный словарь иностранных слов. М.: Рус. яз., 1993. С. 518.

⁴⁵ Современный словарь иностранных слов. С. 242.

⁴⁶ Свинин Е. В. Объект и предмет правового регулирования как компоненты структурной организации правопорядка // *Lex russica*. 2020. Т. 73. № 1. С. 119–120.

⁴⁷ Цит. по: Радько Т. Н. Указ. соч. С. 479.

выявление и описание которых имеет важное значение для понимания этого механизма. Система понятийно-категориального аппарата юриспруденции не может быть раскрыта без знания о взаимосвязи отдельных ее элементов.

Выводы

В результате исследования концепции уровневой организации научного познания как инструмента систематизации понятийно-категориального аппарата юриспруденции мы пришли к следующим выводам:

1. Работа по уточнению понятийно-категориальной матрицы юриспруденции должна строиться на основе взаимодействия специалистов в области теории права и отраслевых дисциплин. При разработке теории систематизации понятийно-категориального аппарата юриспруденции необходимо принимать во внимание потенциал малых форм, т.е. научные теории в сфере изучения отдельных фрагментов этой системы: теорию логико-языковых феноменов, теорию юридической лексикологии, теорию парных правовых категорий, теорию онтологической структуры права, теорию понятийных рядов правовых категорий, теорию горизонтального и вертикального структурирования элементов правовой системы и др.

2. Использование в юридической науке уровневого подхода к познанию явлений правовой действительности уже имеет некоторую историю. С определенной долей условности его можно назвать общепризнанным, но потенциал данного подхода как инструмента система-

тизации понятийно-категориального аппарата юриспруденции до сих пор не раскрыт. Он обладает большими познавательными возможностями в изучении взаимосвязей правовых категорий. Ключевую роль в обеспечении этих взаимосвязей играют правовые метафеномены (метафеномены теоретического и философского уровней). Уровневый подход к познанию явлений правовой действительности необходимо дополнить элементами, на которых осуществляются межуровневые взаимосвязи («границы смыслов» между эмпирическим и теоретическим уровнями, а также между теоретическим и метатеоретическим уровнями).

3. Система понятийно-категориального аппарата юриспруденции включает в себя в числе прочих элементы, дающие представление о звеньях и связях в логической структуре объектного (познаваемого) явления, отражающие его первооснову и сущностные доминанты, — правовые метафеномены. Их выделение основано на использовании концепции уровневой организации научного познания.

4. Дисциплинарная матрица юридической науки имеет сложную многоуровневую структуру, в рамках которой правовые категории меняют свой функционал в зависимости от используемого уровня научного познания. Система понятийно-категориального аппарата юриспруденции должна быть опосредована всеми уровнями научного познания. Правовые категории должны постоянно проходить проверку временем, быть восприимчивыми к парадигмальным изменениям, отвечать насущным потребностям юридической науки и практики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Автономов А. С. Системность категорий конституционного права : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02. М., 1999. 361 с.
- Алексеев П. В., Панин А. В. Философия : учебник. М. : ТК Велби, Проспект, 2005. 608 с.
- Алексеев С. С. Право : азбука — теория — философия : Опыт комплексного исследования. М. : Статут, 1999. 712 с.
- Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). М. : Право и государство, 2005. 544 с.
- Баринов П. С. Обесценивание правовых категорий : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2019. 189 с.
- Васильев А. М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права : монография. Репр. изд. М. : Норма : Инфра-М, 2021. 264 с.
- Веденеев Ю. А. Юриспруденция: явление и понятие. Введение в генеалогию языка концептуальных парадигм : монография. М. : Проспект, 2022. 328 с.
- Власенко Н. А. Язык права. Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1997. 176 с.

- Гаджиев Г. А.* Онтология права : (критическое осмысление юридического концепта действительности) : монография. М. : Норма : Инфра-М, 2014. 320 с.
- Губаева Т. В.* Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. М. : Норма, 2004. 160 с.
- Деркач Т. В.* Частное и публичное право как парные юридические категории : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Саратов, 2011. 23 с.
- Жуков В. Н.* Государство. Право. Власть : Философия и социология. М. : Мир философии, 2015. 591 с.
- Коваленко О. Н.* Понятийный ряд категории «функции уголовного права» // Социально-экономические, гуманитарные науки и юриспруденция: вопросы теории и практики : сборник материалов III Международной научно-практической конференции (Новосибирск, 2–14 февраля 2018 г.). Новосибирск : Центр развития научного сотрудничества, 2018. С. 101–108.
- Крашенинников П. В.* Страсти по праву : Очерки о праве военного коммунизма и советском праве. 1917–1938. М. : Статут, 2018. 331 с.
- Курьшев Е. Ю.* Традиции и инновации как парные правовые категории // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 2 (109). С. 153–157.
- Лапинский Д. А., Мусаткина А. А.* Альтернативные и безальтернативные санкции как парные юридические категории // Юридические исследования. 2017. № 12. С. 71–81.
- Лебедев С. А.* Научный метод: история и теория : монография. М. : Проспект, 2020. 448 с.
- Лейст О. Э.* Сущность права. Проблемы теории и философии права. М. : Зерцало-М, 2002. 288 с.
- Лесовая Т. С.* Конкретизация права и определенность права как парные правовые категории : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 198 с.
- Малько А. В.* Стимулы и ограничения как парные юридические категории // Правоведение. 1995. № 1. С. 3–13.
- Мамчун В. В.* Критерии классификации риска в юридической деятельности // Критерии в праве: теория, практика, техника : сборник статей по материалам Всерос. науч.-практ. конференции (Н. Новгород, 24–25 мая 2018 г.) / под общ. ред. В. А. Толстика, П. В. Васильева. Н. Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2018. С. 245–252.
- Нырков В. В.* Поощрение и наказание как парные юридические категории : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Саратов, 2003. 222 с.
- Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Л. И. Скворцова. М. : Оникс : Мир и образование, 2009. 736 с.
- Панченко В. Ю.* Юридическое противодействие и юридическое содействие как парные правовые категории // Lex russica. 2015. № 12. С. 30–42.
- Пахаруков А. А.* Структура научного знания: эмпирический и теоретический уровни (на примере юридической науки) // Культура. Наука. Образование. 2019. № 3 (52). С. 23–57.
- Перевалов В. Д.* Правовая доктрина: проблемы формирования и реализации : монография. М. : Норма : Инфра-М, 2022. 168 с.
- Полякова Т. А., Минбалеев А. В., Кроткова Н. В.* Основные тенденции и проблемы развития науки информационного права // Государство и право. 2022. № 9. С. 94–104.
- Правовое пространство: границы и динамика : монография / Ю. А. Тихомиров, А. А. Головина, И. В. Плюгина [и др.] ; отв. ред. Ю. А. Тихомиров. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : Инфра-М, 2019. 240 с.
- Пржиленский В. И.* История и философия науки : учебник для аспирантов. М. : Норма : Инфра-М, 2022. 296 с.
- Радько Т. Н.* Теория государства и права. М. : Проспект, 2010. 752 с.
- Розов М. А.* Теория познания как эмпирическая наука // Эпистемология: перспективы развития / отв. ред. В. А. Лекторский. М. : Канон+, Реабилитация, 2012. С. 90–123.
- Рудаков А. А.* Права и обязанности как парные юридические категории : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Красноярск, 2007. 197 с.
- Свинин Е. В.* Объект и предмет правового регулирования как компоненты структурной организации правопорядка // Lex russica. 2020. Т. 73. № 1. С. 118–131.
- Сырых В. М.* История и методология юридической науки : учебник по программам магистерской степени образования. М. : Норма : Инфра-М, 2013. 464 с.
- Ушаков А. А.* Очерки советской законодательной стилистики : учеб. пособие. Пермь : Пермский ун-т, 1967. 205 с.

Хабриева Т. Я. Циклические нормативные массивы в праве // Журнал российского права. 2019. № 12. С. 5–18.

Хабриева Т. Я., Нудель С. Л. Научные подходы к проблеме уголовной ответственности юридических лиц (рецензия на монографию профессора А. В. Федорова «Уголовная ответственность юридических лиц в постсоветских государствах» (М. : Юрлитинформ, 2022. 248 с.)) // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 10. С. 143–149.

Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции : монография. М. : Норма : Инфра-М, 2012. 320 с.

Черданцев А. Ф. Теория государства и права : учебник для вузов. М. : Юрайт, 2001. 432 с.

Шаханов В. В. «Горизонтальное» и «вертикальное» структурирование элементов правовой системы как отражение ее метафеноменальности (к вопросу о понятийных рядах правовых категорий) // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 2. С. 114–119.

Шаханов В. В. Метафеномены в праве: предназначение, критерии выделения, риски использования // Журнал российского права. 2019. № 12. С. 30–37.

Шаханов В. В. Метафеномены в праве: структура, элементный состав, методологические аспекты, оптимизация взаимодействия теоретического и метатеоретического уровней // Lex russica. 2021. Т. 74. № 1. С. 57–66.

REFERENCES

- Alekseev PV, Panin AV. Philosophy: A textbook. Moscow: TK Velbi, Prospekt Publ.; 2005. (In Russ.).
- Alekseev SS. Law: The ABC — theory — philosophy: The experience of complex research. Moscow: Statut Publ.; 1999. (In Russ.).
- Avtonomov AS. Systemicity of categories of constitutional law. Dr. Diss. (Law). Moscow; 1999. (In Russ.).
- Barinov PS. Depreciation of legal categories. Cand. Diss. (Law). Saratov; 2019. (In Russ.).
- Baytin MI. The essence of law (Modern normative legal understanding on the verge of two centuries). Moscow: Pravo i gosudarstvo Publ.; 2005. (In Russ.).
- Cherdantsev AF. Logical-linguistic phenomena in jurisprudence: A monograph. Moscow: Norma, Infra-M Publ.; 2012. (In Russ.).
- Cherdantsev AF. Theory of state and law: A textbook for universities. Moscow: Yurayt Publ.; 2001. (In Russ.).
- Derkach TV. Private and public law as paired legal categories. The Author's abstract of Cand. Diss. (Law). Saratov; 2011. (In Russ.).
- Gadzhiev GA. Ontology of law: (critical understanding of the legal concept of reality). A monograph. Moscow: Norma: Infra-M Publ.; 2014. (In Russ.).
- Gubaeva TV. Language and law. The art of word mastery in professional legal activity. Moscow: Norma Publ.; 2004. (In Russ.).
- Khabrieva TYa, Nudel SL. Scientific approaches to the problem of criminal responsibility of legal entities (review of the monograph by Professor A.V. Fedorov «Criminal responsibility of legal entities in post-Soviet states» (Moscow: Yurlitinform, 2022. 248 p.)). *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2022;26(10):143-149. (In Russ.).
- Khabrieva TYa. Cyclical normative arrays in law. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2019;12:5-18. (In Russ.).
- Kovalenko ON. Conceptual series of the category «functions of criminal law». In: *Socio-economic, liberal arts and jurisprudence: Questions of theory and practice*. Proceedings of III International Scientific and Practical Conference (Novosibirsk, February 2–14, 2018). Novosibirsk: Tsentrazvitiya nauchnogo sotrudnichestva Publ.; 2018. Pp. 101–108. (In Russ.).
- Krashennikov PV. Passions in Law: Essays on the Law of War Communism and Soviet Law. 1917–1938. Moscow: Statut Publ.; 2018. (In Russ.).
- Kuryshv EYu. Traditions and innovations as paired legal categories. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*. 2016;2(109):153-157. (In Russ.).
- Lapinsky DA, Musatkina AA. Alternative and non-alternative sanctions as paired legal categories. *Yuridicheskie issledovaniya*. 2017;12:71-81. (In Russ.).
- Lebedev SA. Scientific method: History and theory. A monograph. Moscow: Prospekt Publ.; 2020. (In Russ.).

- Leist OE. Essence of the law. Problems of theory and philosophy of law. Moscow: Zertsalo-M Publ.; 2002. (In Russ.)
- Lesovaya TS. Concretization of law and certainty of law as paired legal categories. Cand. Diss. (Law). Moscow; 2020. (In Russ.)
- Malko AV. Incentives and restrictions as paired legal categories. *Pravovedenie*; 1995;1:3-13. (In Russ.)
- Mamchun VV. Criteria for risk classification in legal activity. In: *Criteria in law: theory, practice, technique*. Collected papers based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (N. Novgorod, May 24–25, 2018) Tolstik VA, Vasiliev PV, editors. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; 2012. Pp. 245–252. (In Russ.)
- Nyrkov VV. Encouragement and punishment as paired legal categories. Cand. Diss. (Law). Saratov; 2003. (In Russ.)
- Ozhegov SI. Explanatory dictionary of the Russian language. Skvortsova LI, editor. Moscow: Onyks: Mir i obrazovanie Publ.; 2009. (In Russ.)
- Pakharukov AA. The structure of scientific knowledge: Empirical and theoretical levels (on the example of legal science). *Kultura. Nauka. Obrazovanie*. 2019;3(52):23-57. (In Russ.)
- Panchenko VYu. Legal resistance and legal assistance as paired legal categories. *Lex russica*. 2015;12:30-42. (In Russ.)
- Perevalov VD. Legal doctrine: Problems of formation and implementation. A monograph. Moscow: Norma: Infra-M Publ.; 2022. (In Russ.)
- Polyakova TA, Minbaleev AV, Krotkova NV. The main trends and problems of the development of the science of information law. *Gosudarstvo i Pravo [State and Law]*. 2022;9:94-104. (In Russ.)
- Przhilenskiy VI. History and Philosophy of Science: A textbook for graduate students. Moscow: Norma: Infra-M Publ.; 2022. (In Russ.)
- Radko TN. Theory of State and law. Moscow: Prospekt Publ.; 2010. (In Russ.)
- Rozov MA. Theory of knowledge as an empirical science. In: Lektorskiy VA, editor. *Epistemology: Prospects for development*. Moscow: Kanon+, Reabilitatsiya Publ.; 2012. Pp. 90–123. (In Russ.)
- Rudakov AA. Rights and obligations as paired legal categories. Cand. Diss. (Law). Krasnoyarsk; 2007. (In Russ.)
- Shakhanov VV. «Horizontal» and «vertical» structuring of elements of the legal system as a reflection of its metaphenomenality (on the issue of conceptual series of legal categories). *Pravovaya politika i pravovaya zhizn*. 2019;2:114-119. (In Russ.)
- Shakhanov VV. Metaphenomena in law: Purpose, selection criteria, risks of use. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2019;12:30-37. (In Russ.)
- Shakhanov VV. Metaphenomena in Law: the Structure, Elements, Methodological Aspects, Optimization of Interaction between Theoretical and Meta-Theoretical Levels. *Lex russica*. 2021;74(1):57-66. (In Russ.)
- Svinin EV. Object and Subject of Legal Regulation as Components of the Structural Organization of Law and Order. *Lex Russica*. 2020;73(1):118-131. (In Russ.)
- Syrykh VM. History and methodology of legal science. A textbook on Master's degree programs. Moscow: Norma: Infra-M Publ.; 2013. (In Russ.)
- Tikhomirov YuA, Golovina AA, Plyugina IV, et al. Legal space: Boundaries and dynamics. A monograph. Tikhomirov YuA, editor. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: Infra-M Publ.; 2019. (In Russ.)
- Ushakov AA. Essays on Soviet legislative stylistics: A study guide. Perm: Perm University Publ.; 1967. (In Russ.)
- Vasiliev AM. Legal categories: Methodological aspects of the development of a system of categories of the theory of law: A monograph. Repr. ed. Moscow: Norma: Infra-M Publ.; 2021. (In Russ.)
- Vedeneev YuA. Jurisprudence: Phenomenon and concept. Introduction to the genealogy of the language of conceptual paradigms: A monograph. Moscow: Prospekt Publ.; 2022. (In Russ.)
- Vlasenko NA. Language of Law. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatelstvo; 1997. (In Russ.)
- Zhukov VN. The State. Law. Power: Philosophy and Sociology. Moscow: Mir filosofii Publ.; 2015. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шаханов Вячеслав Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС)
д. 59а, Горького ул., г. Владимир 600017, Российская Федерация
Shakhanov.vyacheslav@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vyacheslav V. Shakhanov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Vladimir Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPА)
59a, Gorky St., Vladimir 600017, Russian Federation
Shakhanov.vyacheslav@mail.ru

Материал поступил в редакцию 27 мая 2023 г.

Статья получена после рецензирования 16 июня 2023 г.

Принята к печати 17 октября 2023 г.

Received 27.05.2023.

Revised 16.06.2023.

Accepted 17.10.2023.

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г., ISSN 2618-8198;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

- ✓ Государственное регулирование цифровой экономики.
- ✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.
- ✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).
- ✓ Правовое регулирование больших данных.
- ✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).
- ✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.
- ✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
- ✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
- ✓ Правовой статус смарт-контрактов.
- ✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
- ✓ Информационная безопасность.
- ✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN LAW REVIEW

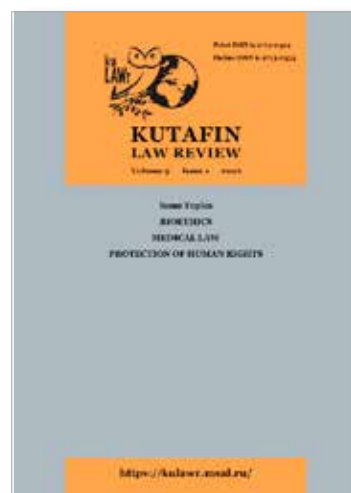
Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит четыре раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».
Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:
«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex russica – 11198,
«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.
Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

ISSN 1729-5920

9 771729 592008